

САЙМОН СКЭРРОУ

РИМСКИЙ ОРЕЛ
◆
ОРЕЛ-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

РОМАНЫ СКЭРРОУ ИЗ ЧИСЛА ЛУЧШИХ ОБРАЗЦОВ ЖАНРА!

INDEPENDENT

The Big Book. Исторический роман

Саймон Скэрроу

Римский орел. Орел-завоеватель

«Азбука-Аттикус»

2000, 2001

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Скэрроу С.

Римский орел. Орел-завоеватель / С. Скэрроу — «Азбука-Аттикус», 2000, 2001 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-20435-5

В книгу вошли первые два романа цикла Саймона Скэрроу «Орлы Империи» – «Римский орел» и «Орел-завоеватель». 42 г. н. э. Бесстрашный центурион Макрон, опытный солдат, закаленный в боях, находится в самом сердце Германии со Вторым легионом – гордостью римской армии. Катону, новому рекруту и недавно назначенному заместителю Макрона, в кровопролитной схватке с местными племенами предстоит доказать справедливость этого назначения. Когда в 43 г. н. э. центурион Макрон получает назначение в земли британских племен, он и не подозревает, что здесь ему, выдавшему виды воину, предстоит одна из самых сложных кампаний. Макрон и его молодой подчиненный Катон должны найти и победить врага, прежде чем он окрепнет достаточно, чтобы сокрушить римские легионы. Но британцы не единственный противник, противостоящий Макрону и Катону: в тени кровопролитных схваток зреет заговор против самого Императора.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20435-5

© Скэрроу С., 2000, 2001
© Азбука-Аттикус, 2000, 2001

Содержание

Римский орел	6
Организация римского легиона	6
Пролог	10
Глава 1	13
Глава 2	21
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	40
Глава 6	44
Глава 7	51
Глава 8	54
Глава 9	59
Глава 10	65
Глава 11	68
Глава 12	72
Глава 13	75
Глава 14	81
Глава 15	86
Глава 16	90
Глава 17	98
Глава 18	101
Глава 19	105
Глава 20	109
Глава 21	111
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Саймон Скэрроу
Римский орел. Орел-завоеватель
(Два первых романа из цикла «Орел»)

© В. Э. Волковский (наследник), перевод, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

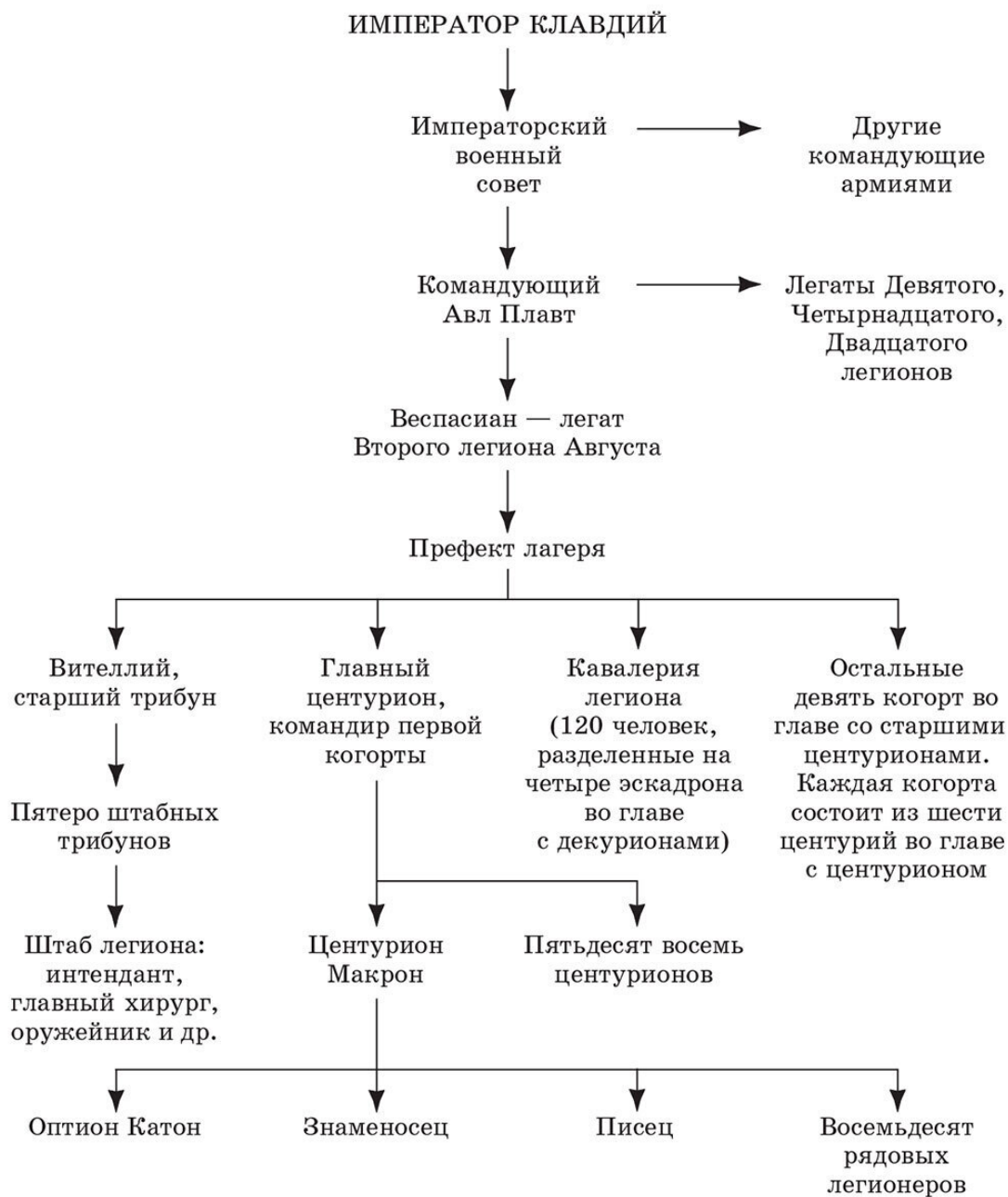

Римский орел

Одри и Тони – лучшим родителям и лучшим друзьям

Организация римского легиона

СХЕМА УПРАВЛЕНИЯ РИМСКОЙ АРМИЕЙ, 43 г. н. э.

Второй легион, как и все римские легионы, включал в себя пять с половиной тысяч солдат. Основной его единицей являлась центурия из восьмидесяти человек под командованием ЦЕНТУРИОНА; его помощник, или заместитель, именовался ОПТИОНОМ. Центурия

подразделялась на десять отрядов – по восемь воинов в каждом, шесть центурий составляли когорт, а десять когорт – легион, причем первая когорта имела двойную численность. Каждому легиону придавались сто двадцать конников, разбитых на четыре маневренных эскадрона. Кавалеристы преимущественно выполняли обязанности разведчиков и гонцов.

Личный состав легиона имел, в порядке понижения, следующие чины.

ЛЕГАТ. Легатом легиона обычно являлся знатный римлянин среднего возраста, для которого пост этот служил, как правило, ступенькой к дальнейшей политической карьере.

ПРЕФЕКТ ЛАГЕРЯ. Им становился поседевший в походах ветеран, пробывший долгое время первым центурионом легиона, честность и боевой опыт которого не вызывали сомнений. Для незнатного воина это была высшая точка профессиональной карьеры. Если легат отсутствовал или по каким-то причинам оказывался не в состоянии командовать легионом, обязанности его переходили к префекту.

Шестеро **Трибунов** являлись своего рода офицерами штаба. В большинстве случаев это были молодые, лет двадцати с небольшим, люди, желавшие получить военный и административный опыт перед тем, как осесть в органах гражданского управления. Над ними стоял **Старший Трибун**, который в дальнейшем мог рассчитывать на пост легата или политический рост.

Но костяком командного состава, обеспечивавшим как военную выучку легиона, так и строжайшую дисциплину в его рядах, были все те же **Центурионы**, славившиеся умением подчинять солдат своей воле и выдающейся воинской доблестью. Последнее приводило к тому, что этих командиров в сражениях выбивали чаще, чем остальных. Первенство среди них принадлежало главе первой центурии, самому опытному и удостоенному наибольшего числа наград.

Четыре **Декуриона** командовали приданными легиону кавалерийскими эскадронами и могли рассчитывать получить под начало более крупный, вспомогательный кавалерийский отряд.

Каждому центуриону помогал **Оптийон**, являвшийся его заместителем и первым кандидатом на должность своего командира, когда та (что случалось часто) становилась вакантной.

Рядовые **Легионеры** обязывались отбыть на нелегкой воинской службе двадцать пять лет. Первоначально правом служить в легионах обладали лишь римские граждане, однако, по мере расширения державы и увеличения численности армии, легионерами все чаще становились представители коренного населения провинций империи.

Воины **Вспомогательных когорт** имели формально более низкий статус, чем легионеры. Эти подразделения формировались из жителей местности, в которой квартировал легион, и обеспечивали римскую армию конниками и легкой пехотой. Все воины, не имевшие римского гражданства, получали таковое по истечении двадцатипятилетнего срока службы.

От редакции. «Римский орел» – это не только повествование о событиях, происходивших в Римской империи и Британии в I веке нашей эры, это прежде всего роман о войне. О войне, которая со стороны римлян ведется не народным ополчением, а профессиональными солдатами-легионерами. Они служили 25 лет и зачастую были более преданными своему командиру, чем отечеству. Империя расширяла свои территории, ей нужна была непобедимая армия.

Солдатский быт был примитивен, нравы грубы, а дисциплина суровой. Многие нарушения карались смертью. Грубость начальников по отношению к подчиненным считалась нормой. Зато когда победившее войско удостоивалось триумфа, солдаты отводили душу, распевая непристойные куплеты о своих командирах.

Саймон Скэрроу описывает солдатские нравы Древнего Рима современным «приземленным» языком, что может показаться некоторым читателям необычным, зато позволяет про-

вести параллели с современной армией. Безусловно, эксперимент, но эксперимент во многом удачный.

ЮГО-ВОСТОК
БРИТАНИИ,
43 г. н. э.

Пролог

– Все бесполезно. Эта хреновина увязла намертво.

Центурион привалился к повозке. Смертельно усталые легионеры стояли вокруг, утопая в вонючей болотной жиже, на них с нарастающим раздражением взирал генерал. Он уже собирался взойти на борт эвакуационного судна, когда ему сообщили, что треклятая повозка застряла. Пришлось брать коня и галопом нестись через болото, чтобы на месте понять, что стряслось. Увы, сообщение подтвердилось. Под тяжестью массивного сундука повозка засела в трясине так, что все попытки хотя бы сдвинуть ее были напрасны. На помощь рассчитывать не приходилось, ибо практически все римское войско уже погрузилось на корабли. Теперь между ценным грузом и авангардами Касволлана оставались лишь эти вот два десятка легионеров да немногочисленный конный заслон.

Генерал выбрался, и его конь встревоженно вскинул морду. Повозка, нет сомнений, потеряна, а сам сундук слишком грузен, чтобы надеяться дотащить его на руках. Вскрыть же этот дубовый, окованный железными стяжками ящик, чтобы распределить содержимое между легионерами, тоже было практически невозможно, ибо ключ, отмыкавший хитроумный замок, хранился у армейского казначея, а тот отбыл в море на первом из кораблей.

– И что же дальше? – спросил центурион.

Генерал мрачно смотрел на сундук. Он ничего не мог с ним поделать, решительно ничего, а утрата того, что в нем лежало, отбрасывала его в политическом смысле года на три назад. Но тут, в момент нерешительности и мучительного раздумья, совсем рядом прозвучал боевой рог. Легионеры встрепенулись и потянулись к тропе, где было сложено их оружие.

– А ну стоять! Стоять! – рыкнул военачальник. – Приказа двигаться не было, я кому говорю!

Следуя въевшейся в них привычке к повиновению, солдаты, несмотря на близость противника, тут же остановились.

Генерал бросил последний взгляд на сундук и кивнул:

– Центурион! Избавься от этой повозки!

– Избавиться?

– Утопи ее, да. Проследи, чтобы она затонула с верхом, отметь место и следуй за мной. Я позабочусь, чтобы вас дождались. Выполняй!

– Есть.

Сердито хлопнув себя по бедру, генерал повернулся, вскочил на коня и поскакал по тропе. За спиной его снова взревел боевой рог. Зазвенели мечи: конный заслон сражался с авангардом воинства Касволлана.

– Давайте, ребята, – крикнул центурион. – Последний раз поднатужимся! Плечами подпирайте, плечами! Вот так. А теперь – все разом – валите ее!

Повозка стала медленно погружаться в трясину. Бурая болотная вода, проступив сквозь щели в днище, уже облизывала бока сундука.

– Еще разок! Наляжем! Давай!

Последним усилием людям удалось затолкнуть повозку поглубже, и та с негромким бульканьем скрылась из глаз. Секунду-другую на темной маслянистой поверхности воды расходились круги, потом она вновь стала ровной.

– Вот и все, парни. А теперь живо уносим ноги. На берегу нас уже заждались.

Выбравшись из топи на твердую почву, легионеры принялись разбирать щиты и копья, в то время как их командир торопливо делал пометки на вощенной табличке. Закончив, он захлопнул планшет и знаком велел солдатам построиться, но, прежде чем маленькая колонна успела двинуться с места, в тумане послышался нарастающий стук копыт. Несколько мгнове-

ний спустя мимо пехоты пронеслась горстка всадников. Один из них едва держался на лошади, шкура животного была темно-бурой от крови.

Едва римские конники пропали из виду, как в тумане вновь застучали копыта, теперь с куда большей силой. Послышались гортанные крики туземцев, столь дикие и свирепые, что даже самых неустрашимых из римлян пробрал холодок.

– Копья к броску готовь! – скомандовал центурион, и солдаты подобрались, повинуясь приказу.

Гортанные вопли звучали все громче, но враг по-прежнему оставался незримым. Лишь в тот момент, когда в серой завесе проступили расплывчатые растущие тени, центурион рявкнул:

– Бросай!

Легионеры, все разом, метнули копья; те, взлетев, описали дугу и пропали из виду, разя утративших бдительность бриттов. Мгла разразилась воплями, стонами, истошным ржанием раненых лошадей.

– В колонну по одному! – скомандовал центурион. – Быстрым шагом марш!

Маленькая колонна потекла по тропе, центурион, постоянно оглядываясь, шагал рядом. Метательные копья нанесли бриттам ущерб, и потому они сделались осторожнее, однако через минуту-другую за спинами римлян опять послышался стук копыт. Что-то негромко чмокнуло, и один из легионеров ахнул от боли: из спины его торчало древко стрелы. Пытаясь набрать воздуха в легкие, солдат упал на колени, потом повалился ничком.

– Бегом!

Звякая снаряжением, легионеры перешли на трусцу, а из тумана вылетали все новые и новые стрелы. Враг стрелял наугад, однако стрелы шли густо, и отступающая колонна беспрерывно редела, один за другим римляне падали на тропу. Раненые, неспособные бежать дальше, угрюмо обнажали мечи. На возвышенность, где болото уступало место песку и гальке, вскарабкалось лишь пятеро человек. Слабый звук морского прибоя показался им музыкой, легкий сентябрьский ветерок развеял туман, и в сердцах отступающих всколыхнулась надежда, ибо до покачивающейся на волнах лодки оставалось каких-то двести шагов. Чуть дальше в море чернела трирема, а остальные корабли римского флота уже превратились в темные пятнышки, скрывающиеся за чертой горизонта.

– Поторопись! – крикнул центурион, бросая свой щит и меч. – Скорее, ребята! Нас ждут!

Мелкий галечник брызгами разлетался под ногами бегущих, позади в очередной раз взревел рог. Бритты тоже увидели море и горячили коней, чтобы не дать беглецам уйти. Стиснув зубы, центурион неся вниз по пологому склону. Шум погони все нарастал, но он не смел оглянуться, ибо малейшее промедление могло стать для него роковым. На корме лодки виднелась фигура, стоящая совершенно недвижно. Это был генерал, ветер рвал с него алый плащ. Еще пятьдесят скачков – и за спиной отчаянно вскрикнули. Копье бритта нашло свою цель.

Подгоняемый страхом, центурион огромными прыжками пересек полосу песка, пробежал с плеском по мелководью и ринулся к лодке. Он ухватился за борт, сильные руки выдернули его из воды. Миг спустя на него плюхнулся еще кто-то, шумно и часто дыша. Особо рьяные преследователи тоже было сунулись в воду, но могучие телохранители полководца подняли копья, а гребцы взяли за весла, и лодка двинулась к поджидавшей триреме.

– Тебе удалось утопить повозку? – с беспокойством спросил генерал.

– Д-да, удалось, – тяжело всхрипывая, выдохнул центурион и погладил свисавший с плеча планшет. – Здесь план. Правда, сделанный наспех, но все-таки план.

– Отлично, центурион. Передай его мне.

Передавая планшет, центурион огляделся и понял, что из всего отряда спаслись лишь двое – раненный в руку солдат и он сам. На удалявшемся берегу конные варвары окружали легионера, не успевшего броситься на свой меч. При мысли о том, какие муки ожидают несчастного, центурион поежился. Нет, этим дикарям нельзя даваться живым.

В лодке воцарилось молчание, оно было мрачным. Наконец завернутый в алый плащ полководец сказал:

– Мы вернемся, ребята. Мы вернемся, и, когда это случится, тем, кто поднял оружие против Рима, придется горько о том пожалеть. Я, Гай Юлий Цезарь, говорю вам, что так все и будет. Клянусь прахом отца.

Глава 1

Рейнский рубеж

Девяносто шесть лет спустя, начало правления Клавдия, 42 год

Охранник открыл дверь, впустив в уборную порыв ледяного ветра.

– Приближается повозка.

– Закрой эту треклятую дверь. Что еще?

– С ней люди.

– Солдаты?

– Вряд ли. – Легионер поморщился. – Если только не произошло изменений в строевом уложении.

Дежурный центурион вскинулся.

– Легионер? Разве я разрешил тебе высказывать свое мнение?

– Никак нет, командир! – Солдат вытянулся в струну.

«Так его, – подумал Люций Корнелий Макрон, еще месяц назад бывший всего лишь помощником центуриона. – От этих новых начальничков, только вчера блевавших рядом с тобой после попойки, не знаешь, чего и ждать».

– Каковы будут приказы?

– Приказы? – Макрон на момент призадумался. – Ладно, потом. Я сейчас приду. А ты возвращайся к воротам.

– Есть.

Караульный повернулся и покинул уборную, невольно ежась под хмурыми взглядами полудюжины центурионов. Согласно неписаному правилу, никто из них не разрешал своим людям беспокоить себя в отхожем месте, а потому, подтеревшись губкой и подпоясавшись, Макрон точно так же, как и его подчиненный, проходя мимо них, виновато потупил глаза.

Ночь стояла отвратная. Холодный северный ветер, пронизывавший каждую пядь пространства между казармами, гнал из-за Рейна дождевые лохматые тучи, усугубляя мрачное настроение новоиспеченного центуриона. Макрон подозревал, и, по всему судя, не без оснований, что старые командиры в большинстве своем считают его назначение на столь ответственный пост несуразной ошибкой, однако он был исполнен решимости доказать, что это не так. Правда, как ни крути, следовало признать, что пока эта решимость ему не очень-то помогала. Оказалось, что быть опционом много легче, чем разгребать свалившийся на его плечи кошмар. То есть ежедневно заботиться и о пропитании восьмидесяти солдат, и о своевременной очистке выгребных ям, и об очередности назначения в караул, и о состоянии казарм, а также оружия и амуниции, и о выплате жалованья, и о поставках снаряжения, и о фураже для мулов, и о солдатской похоронной казне. Конечно, как все это делается, доподлинно знал писец центурии – старый сморчок Пизон, он, собственно, всем этим и занимался, однако Макрон с некоторых пор стал подумывать, что этот малый либо некомпетентен, либо нечестен, но уличить его ни в том ни в другом возможности не имел, ибо был в грамоте слаб. Нет, различать буквы и цифры он худо-бедно умел, но писанина и счет никак ему не давались, а между тем легат, принимая решение о его назначении, безусловно, предполагал, что сын захолустного земледельца Макрон все же умеет считать и писать. Стоит командованию узнать, что это не так, и обманщика тут же вышвырнут с престижной должности. До сих пор ему удавалось сваливать всю возню

с документами на Пизона – под предлогом чрезвычайной загруженности, но, похоже, проклятый писец уже начал что-то подозревать. Горестно покачав головой, центурион поплотней запахнул красный плащ.

Ночь выдалась темной. Мрак усугубляли низкие, полностью затянувшие небо облака: верный признак того, что скоро выпадет снег. Из окружающей темноты до слуха Макрона доносились разнообразные звуки, свидетельствовавшие о том, что жизнь крепости идет своим чередом, эти звуки вот уже более четырнадцати лет являлись неотъемлемой частью его жизни. В конюшнях за дальними казармами ревели мулы, из окон, обозначенных колеблющимся светом свечей, неслись грубые голоса. Макрон среди взрыва солдатского хохота вдруг различил грудной женский смех и замер на полушаге, прислушиваясь. Кто-то опять ухитрился нарушить устав. Женщина вновь рассмеялась и что-то с сильным акцентом сказала, на нее тут же зашикали, и в помещении на миг воцарилась мертвая тишина.

Присутствие в крепости посторонней особы являлось вопиющим нарушением дисциплины, и Макрон, резко повернувшись, зашагал к казарме, однако, уже положив руку на дверную ручку, замер как вкопанный.

По всем правилам ему следовало с бранью ворваться в солдатское общежитие, незамедлительно арестовать нарушителей, а трижды долбаную блудницу велеть взашей вытолкать за крепостные ворота. И все бы ничего, но за подобными действиями должна была следовать запись в журнале взысканий. Опять писанина, в которой он не горазд.

Скрипнув зубами, Макрон выпустил дверную ручку и отступил назад – на улицу, а шлюха вновь зашлась смехом, больно уколотившим его командирскую совесть. Быстро оглядевшись и убедившись, что свидетелей постыдной ретирады дежурного в округе не наблюдается, он поспешил убраться подальше от превращенной в дом блуда казармы. Беспутные солдаты несомненно заслуживали пинка – и по яйцам, если в их компанию затесался кто-либо из его подчиненных. Это было бы наказание, соразмерное преступлению. Скорое и без всяческой писанины. Впрочем, судя по выговору, девка была из германской слободки, а это значило, что нарушители дисциплины сами накажут себя. Пусть не все, но кое-кто из них обязательно наматывает себе что-нибудь на конец.

Хотя вокруг было темно, Макрон интуитивно выбирал нужное направление, поскольку все римские лагеря строились по единой, раз навсегда заданной схеме. В считанные минуты он вышел на широкую виа Претория и зашагал к южным воротам. Их охранял так некстати потревоживший его караульный, и Макрон, сердито хмурясь, прошел мимо него. Узкая деревянная лестница взбегала к будке, наполненной красноватым светом жаровни. Четыре легионера играли в кости, сидя на корточках близ огня. Увидев появившуюся над уровнем пола голову центуриона, они вскочили и вытянулись.

– Вольно, ребята, – сказал им Макрон. – Можете продолжать.

Он поднял засов и потянул на себя дверь, выводящую на крепостную стену. Порыв сквозняка вздул еле тлевшие угли, над ними взметнулось яркое пламя, но тут же опало, ибо центурион уже вышагнул в ночь. Постовая площадка насквозь продувалась, и яростный ветер тут же вцепился в плащ офицера, норовя сорвать его с плеч. Поежившись, Макрон поплотнее закутался в жесткую ткань.

– Где?

Часовой всмотрелся в темноту между зубцами стены и острием копья указал на колышущийся в ночи огонек. То был светильник, прикрепленный к задку ползущего по дороге возка. Щурясь от ветра, Макрон различил очертания бредущей следом колонны. Человек двести, не больше, решил он про себя.

– Мне дать сигнал выставить наружную стражу?

Макрон обернулся к легионеру:

– Что ты сказал?

– Мне дать сигнал выставить наружную стражу?

Макрон с удивлением воззрелся на часового. Тот был очень молод. Как же его зовут? Кажется, Сирос. Да.

– Ты давно служишь?

– Нет. Всего год.

«Стало быть, только что из учебки», – подумал Макрон. Оно и видно: следует каждой буквке правил. Ничего, пообтешется, поднаберется опыта и научится различать, когда надо действовать по уставу, а когда по уму.

– Так зачем же нам ставить наружную стражу?

– Согласно караульному уложению при приближении к крепости неопознанного отряда надлежит усилить охрану ворот и прилегающих к ним участков стены.

Макрон поднял брови. Пункт устава был приведен слово в слово. Похоже, Сирос относился к учебе всерьез.

– И что же дальше?

– Командир?

– Дальше, спрашиваю тебя, что?

– Дежурный центурион, оценив обстановку, должен определить, следует ли объявить общую тревогу, – отчеканил солдат.

– Молодец, – улыбнулся Макрон.

Часовой с облегчением улыбнулся в ответ, но проверка не кончилась. Центурион снова повернулся к приближающейся колонне.

– А теперь скажи мне, насколько, по-твоему, грозную силу представляет собой этот сброд? Пугает ли он тебя, парень? Как по-твоему, способны эти две сотни бездельников пойти на штурм, взять приступом стены и перебить весь Второй легион? Что скажешь?

Часовой глянул на офицера и смущенно потупился:

– Не думаю.

– Это не ответ, – заявил Макрон, ущипнув паренька за плечо. – Думаю за тебя я. Отвечай, как положено отвечать командиру.

– Никак нет, командир.

– Вот и я полагаю, что нет.

– Виноват. Прошу прощения.

– Скажи-ка мне, Сирос, ты ведь был на разводе перед дежурством?

– Так точно, командир.

– И внимательно слушал все наставления?

– Так точно, командир.

– В таком случае ты не мог не запомнить моего сообщения о том, что в крепость должен прибыть отряд новобранцев на смену отслужившим свое ветеранам. Говорил я такое?

– Так точно, командир.

– А если я говорил, а ты запомнил, то чего же ради ты послал ко мне нарочного, да еще прямо в нужник? Сдернул, можно сказать, свое начальство с очка?

Под осуждающим взглядом центуриона караульный съехался:

– Прошу прощения, командир. Этого больше не повторится.

– Да уж постарайся, чтобы не повторилось. Или тебе придется до конца года торчать в караулах. А сейчас проследи, чтобы парни спустились к воротам. Я тут сам разберусь.

Пристыженный легионер отсалютовал и нырнул в караульную будку. Там загомонили, затем послышался топот: стража торопливо спускалась по лестнице. Центурион улыбнулся. Паренек зашустрил.

«Вот и прекрасно, – подумал Макрон, – на ошибках учатся. Именно так сопляки и делаются солдатами, а вся болтовня насчет прирожденных воинских качеств – собачья чушь».

Неожиданный порыв ветра чуть не сбил его с ног и затолкнул в опустевшую караулку. Живительное тепло, исходящее от жаровни, охватило озябшее тело, и Макрон удовлетворенно вздохнул. Согревшись, он отворил маленькое смотровое окошко и выглянул в ночь. Конвой неуклонно двигался к крепости, уже можно было разглядеть как повозку, так и бредущих за ней людей.

«Жалкий сброд, – презрительно усмехнулся Макрон, – ни воинской выправки, ни боевого духа».

Это было ясно хотя бы по тому, что ни один из уныло плетущихся новобранцев не встрепнулся при виде укрытия, они продолжали брести, как брели, и даже сыпанувший вдруг с неба косой крупный дождь не заставил их прибавить шагу. Макрон безнадежно покачал головой и приступил к соблюдению необходимых формальностей. Он распахнул ставни шире и, набрав в легкие воздуха, зычно выкрикнул:

– Стой! Кто идет?

Повозка остановилась. Человек, сидевший рядом с возницей, поднялся и прокричал:

– Подкрепление из Авентикума в сопровождении эскорта. Командир – Люций Батиак Бестия.

– Пароль?

– Еж. Позволят ли нам войти?

– Пароль принят. Входите.

Щелкнув кнутом, возница направил волов вверх по склону, а Макрон перешел к другому окну. Стража внизу сбилась в мокрую кучку.

– Открыть ворота! – крикнул сверху Макрон.

Один караульный сноровисто вытащил запорный штырь из засова, остальные ухватились за балку. Створки ворот с тяжелым скрипом разъехались, и повозка, уже добравшаяся до верхней точки подъема, вкатилась во двор. Бестия тут же спрыгнул с сиденья и заорал, размахивая толстой тростью:

– Живей, недоноски! Шевелитесь! Кому говорят! Неужели самим вам не хочется поскорей оказаться под крышей?

Новобранцы, отшагавшие добрых двести миль за повозкой, угрюмо втягивались во двор. По большей части все они кутались в дешевые, пробиваемые дождем и ветром плащи, прижимая к груди узелки со своим скудным скарбом, у меньшинства же вообще не было ни узелков, ни накидок. В стороне от всех держалась кучка скованных одной цепью людей. Это были преступники, которые предпочли армейскую службу каменоломням. Бестия, расчищая себе путь ударами трости, пошел на толпу.

– Эй, не стойте, как стадо баранов! Дайте дорогу настоящим солдатам. Всем отойти к стене и построиться. Живо! Марш-марш!

Толпа стала растекаться, образуя неровную, шевелящуюся шеренгу. Наконец к ней присоединились последние недотепы, и в крепость строем, печатая шаг, вступили два десятка легионеров из отряда сопровождения. По знаку Бестии они разом замерли, и офицер одобрительно покачал головой.

Макрон, воспользовавшись воцарившейся на плацу тишиной, приказал караульным закрыть ворота.

Бестия, подбоченившись, оглядел новобранцев.

– Этих людей, – он ткнул пальцем через плечо, – выковал Второй легион. Самый крутой легион во всей римской армии, запомните это. Нет ни одного племени варваров, что не впадало бы в ужас, заслышав о нас. – Центурион с ленцой прошелся вдоль строя. – Наш легион перебил тьму дикарей и захватил больше земель, чем любое другое римское подразделение. А почему? Ответ очень прост. Все дело в том, что мы тут не распускаем соплей, а готовим солдат. Самых крепких, самых суровых, самых бесстрашных и самых безжалостных бойцов в мире. – Бестия

грозно кашлянул. – А теперь глянем на вас. Что мы увидим? Кучу дерьма, и только. Кучу вонючего, ни на что не годного, ничтожнейшего дерьма! Дерьмо не заслуживает ничего, кроме презрения, но я за вас все же возьмусь. Зажму нос, засучу рукава и добьюсь того, чтобы каждый из тех, кто стоит тут, удостоился чести быть принятым в наш легион. Я наблюдал за вами в пути, это было жалкое зрелище, видят боги, но, так или иначе, вы поступили на службу, и я начну вас учить. Сначала сделаю из паршивых сопляков что-то более-менее путное, а уж потом займусь тонкой доводкой, превращающей даже олухов в закаленных солдат. Сразу предупреждаю, вам будет трудно, но не пытайтесь ныть, хныкать или отлынивать от занятий. Вот этим, – он высоко поднял трость, – я вышибу дурь из любой твердолобой башки. Понятно ли это вам, дармоеды? Я спрашиваю, понятно это вам или нет?

Усталые новобранцы вразброд прогудели что-то невнятное. Бестия поднес ладонь к уху:

– Это что – ответ солдат своему командиру? Я не расслышал! Вы боевой отряд или сборище говнюков?

Он протянул руку и выдернул из шеренги тощего долговязого рекрута. Вроде бы наугад, но Макрон видел, что это не так. Новобранец явно отличался от своих сотоварищей какой-то особенной деликатностью облика, да и плащ его, пусть заляпанный грязью, безусловно стоил немалых денег. Как раз такие лучше всего и годятся для показательной взбучки, Бестия свое дело знал.

– Это еще что за новости? Откуда у паршивого новобранца такое роскошное одеяние? Ты где-то стянул его, парень? Я прав?

– Нет, – спокойно ответил рекрут. – Мне подарил его друг.

Бестия без малейшей заминки двинул глупца тростью в живот, и тот, согнувшись в три погибели, сдавленно ахнул.

– Когда обращаешься к старшим, щенок, говори не *да* или *нет*, а *так точно* и *никак нет*. И добавляй *командир*, чтобы было ясно, что ты отвечаешь не хрену ослиному. Уяснил, недоумок?

Молодой человек, задыхаясь, пытался набрать воздуха в грудь. Бестия подбодрил его новым ударом трости.

– Я спрашиваю, усвоил?

– Так точно, командир! – выкрикнул новобранец.

– Громче!

– Так точно, командир!

– Так-то лучше. А теперь поглядим, что ты таскаешь с собой.

Центурион выхватил у юноши узел и потянул за концы. На мокрые камни мощеного въезда шлепнулся, разворачиваясь, комплект сменной одежды, а потом с тихим стуком попало все остальное: маленькая фляжка, краюха хлеба, два свитка и обтянутый кожей набор для письма.

– Какого хрена? – Центурион с изумлением поддел набор тростью, потом с недоверием воззрелся на рекрута. – Что это за дрянь?

– Мои письменные принадлежности, командир!

– Письменные принадлежности? На кой хрен легионеру письменные принадлежности?

– Я обещал друзьям, что буду писать им.

– Друзьям? – Бестия осклабился. – Не матери, не отцу, а, смотри ты, – друзьям.

– Мой отец умер, командир.

– А ты хоть помнишь, как его звали?

– Так точно, командир. Его имя...

– Заткнись! – рявкнул Бестия. – Мне на это плевать. Был у тебя папаша или его вовсе не было, здесь ты – ублюдок. Как и все остальные паршивцы. Итак, ублюдок, гляди мне в глаза и представься.

– Мое имя Квинт Лициний Катон... командир.

– Вот что, Катон. Я знаю только два типа грамотных новобранцев. Это либо шпионы, либо придурки, воображающие, что их тут же произведут в командиры. Ты к которому типу относишься?

Рекрут вздохнул:

– Ни к тому ни к другому, командир.

– Значит, тебе эти штуковины вроде и не нужны? – Бестия подпихнул ногой свитки к сточной канаве.

– Осторожнее, командир!

– Что ты сказал? – Центурион, заноса трость, развернулся. – Что ты сейчас мне сказал?

Повтори.

– Я сказал: осторожнее, командир. Один из этих свитков адресован легату.

– Легату! Чтоб мне...

Макрон не мог не ухмыльнуться, видя, как ошарашен бывалый, наперечет знающий все уловки и хитрости рекрутов центурион. Поседевший в муштре молодежи служака сталкивался и с трусостью, и с дерзостью, и с наглостью, но такое слышал впервые. Письмо? У молокососа? К легату? Откуда? Эта загвоздка сбила старого Бестию с насиженного шестка, однако, надо отдать ему должное, он быстро оправился.

– Ладно, недоумок, собери свое барахло. – Бестия ткнул тростью в сторону свитков. – Хренов болван. Только прибыл – и уже взбаламутил весь лагерь. Вот и возись с такими придурками. Да меня просто блевать от вас тянет. Ну, ты слышал, что тебе сказано? Подними все! И дай эту штуку сюда!

Пока новобранец ползал в грязи, Бестия набросился на остальных:

– Вы что вылупились? Живо разбейтесь на группы! Пошевеливайтесь! А ты погоди!

Последнее было обращено к успевшему собрать свои шмотки Катону.

Легионеры эскорта покинули строй и деловито принялись делить толпу вновь прибывших на отряды. Бестия тем временем пристально изучал поданный ему свиток. Он внимательно прочел адрес, проверил печать, еще раз перечитал адрес и задумчиво поднял глаза, гадая, как поступить. И углядел ухмыляющегося Макрона.

– Эй, Макрон! Ну-ка двигай сюда! Да пошевеливай задницей, парень!

Через пару мгновений Макрон, моргая и щурясь, стоял навтыжку перед старшим центурионом. Капли дождя, стекая по ободу шлема, попадали в глаза.

– Кажется, оно подлинное. – Бестия помахал свитком перед носом младшего командира. – Возьми его и сопроводи нашего приятеля в штаб.

– Я на дежурстве.

– Я подменю тебя до возвращения. Топай.

«Вот скотина», – мысленно выбранился Макрон. Знать не зная, чего стоит обнаруженная у молодого дурня писулька, Бестия бережет свою жопу и хочет, чтобы в случае чего выволочку за напрасно отнятое у большого начальника время получил кто-то другой.

– Будет сделано, командир, – угрюмо произнес он, принимая письмо.

– Давай, Макрон, не задерживайся надолго. Я устал, продрог и мечтаю о теплой постели.

Бестия направился к лестнице и стал подниматься вверх. Макрон проводил его мрачным взглядом и повернулся, чтобы как следует рассмотреть идиота, из-за которого он теперь будет вынужден тащиться куда-то под ледяным противным дождем. Чтобы сделать это, ему пришлось задрать голову, ибо малый был выше его на добрую половину локтя. Густые черные волосы рекрута липли ко лбу, под которым хмуро поблескивали карие, глубоко посаженные глаза. Губы юноши были плотно сжаты, но подбородок еле заметно подрагивал, непреложно свидетельствуя, что пережитое унижение все еще будоражит его.

Хотя путь от сборного пункта в Авентикуме был долгим и вся одежда красавчика извозилась в грязи, Макрону редко доводилось видеть столь отменно пошитые вещи. А тут еще дорогие письменные принадлежности и эти свитки... Нет, определенно что-то с этим малым не так. Судя по всему, деньжата ему не в диковину. Но тогда на кой ляд он собрался тянуть солдатскую ляжку?

– Катон, так, что ли, тебя зовут?

– Да.

– Я тоже командир, и отвечать мне положено, как командиру, – улыбнулся Макрон.

Катон попытался принять стойку «смирно», и Макрон рассмеялся:

– Вольно, парень. Расслабься. Ты не в строю и не на плацу. По крайней мере, до завтрашнего утра тебя больше не тронут. Давай-ка снесем твое письмо куда нужно.

Он мягко подтолкнул юношу в спину и зашагал рядом с ним, потом бросил взгляд на письмо и тихонько присвистнул.

– Знаешь, что это за печать?

– Так точно, командир. Печать императорской канцелярии.

– А почему имперской почтовой службе вздумалось использовать тебя как курьера?

– Не имею ни малейшего представления, командир, – ответил Катон.

– А от кого письмо, у тебя есть представление?

– Так точно, командир. От императора.

Макрон поперхнулся, едва не сбившись с ноги. Странные, чтоб им провалиться, заявляются в легион новобранцы! Интересно было бы уяснить, какого такого хрена император пересылает легату депешу через хренова сопляка? Видно, с этим молокососом и впрямь не все гладко.

Снедаемый любопытством, Макрон решил, что от него не убудет, если он станет держаться с мальчишкой повежливей.

– Извини, что спрашиваю, но зачем ты прибыл сюда?

– Зачем я прибыл сюда, командир? Разумеется, чтобы нести солдатскую службу.

– Но с чего тебе вдруг приспичило записаться в солдаты? – не унимался Макрон.

– Это связано с моим отцом, командир. Он служил императорам. Сначала Тиберию, потом Клавдию. Вплоть до своей смерти.

– И кем же он при них состоял?

Юноша не ответил, и Макрон, повернувшись, подбодрил его:

– Ну?

– Он был рабом, командир, – выдавил из себя юноша и смущенно поджался.

Вот оно что. Макрон покачал головой.

– Правда, Тиберий даровал ему вольную. Но уже после того, как я родился.

– Тяжелый случай, – сочувственно бросил Макрон, знавший, что свобода, дарованная отцу, вовсе не делает вольными его отпрысков, рожденных в рабстве. – Но надо полагать, твой отец тебя выкупил, чтобы сделать свободным?

– Никак нет, командир. По какой-то причине Тиберий не соглашался на это. Мой отец умер менее года назад и в своем завещании упрашивал Клавдия дать мне гражданство. Тот согласился, но с условием, что я в этом случае поступлю на военную службу. И вот я здесь.

– Хм. Не больно-то хорошая сделка.

– Я так не думаю, командир. Теперь я свободен. Свобода лучше, чем рабство.

– Ты и впрямь так считаешь? – усмехнулся Макрон.

Лично он вряд ли променял бы сытую столичную жизнь на суровые армейские будни. Солдатская доля – не сахар, не говоря уже о весьма вероятной возможности получить увечье или даже погибнуть. Впрочем, поговаривают, что очень многих вольноотпущенников именно служба впоследствии превращала в весьма богатых и знаменитых людей.

– К тому же у меня все равно не было выбора, даже если бы я и хотел его сделать, – заключил с горькой ноткой Катон.

Глава 2

Когда из темноты в круг света перед зданием штаба вступили центурион в увенчанном гребнем шлеме и юнец в замызганном дорожном плаще, стража скрестила копья. Один из охранников шагнул вперед.

– Пароль?

– Еж.

– К кому? По какому делу?

– У этого малого есть депеша, адресованная легату.

– Прошу подождать, командир. Я доложу.

Караульный исчез во внутреннем дворе, оставив странную парочку под неослабным прищмотром трех здоровенных верзил из отряда личной охраны легата. Макрон, ничуть не смущенный их подозрительностью, расстегнул охватывавший его лицо ремешок, снял шлем и взял под мышку, как это предписывалось при встречах с начальством. Катон сдвинул назад свой капюшон и быстрым движением пригладил волосы. Макрон приметил, что паренек заинтересованно поглядывает по сторонам, и в душе его всколыхнулось теплое чувство. Он вспомнил себя в бытность таким же зеленым юнцом, вспомнил радостное, смешанное с неясными страхами волнение, предшествовавшее вступлению в новый, совершенно неизведанный мир. Строгий, суровый, так не похожий на мир его детства. Ожидание затягивалось, и Катон принялся отжимать плащ.

– Ты это прекрати! – строго сказал Макрон. – Нечего тут лужи разводить, это непорядок. Потом обсушишься!

Катон поднял глаза и, похоже, собрался что-то сказать, но, заметив неодобрительные взгляды охранников, опустил руки.

– Прошу прощения, – пробормотал он.

– Послушай, малый, – промолвил Макрон добродушно. – Никто не упрекнет солдата в том, что у него какой-нибудь непорядок с амуницией, ежели это случилось не по его собственному небрежению и он ничего поделать не может. Но чего ему не простят, так это пустой суеты. Легионеру дергаться не пристало. Это армия, приятель. Верно, ребята?

Он повернулся к караульным, и те энергично кивнули.

– Так что заруби себе на носу: никакого мандража. Терпение и спокойствие. Привыкай стоять смирно и ждать. Вот увидишь, большую часть времени солдат только этим и занят.

Караульные понимающе хмыкнули.

Послышались шаги, к портику возвращался ходивший с докладом стражник.

– Прошу пройти со мной, командир. Вместе с мальчишкой.

– Легат примет нас?

– Не могу знать, командир. Мне приказано сопровождать вас к старшему трибуну.

Внутренний двор штабного здания был обнесен галереей. Дождевая вода, стекавшая с черепичной кровли, неслась, бурля, по дренажным канавам. Вскоре стражник ввел своих спутников в просторный зал с альковым, скрытым от взоров пурпурным занавесом, – там находился алтарь легиона. По обе стороны от него с обнаженными мечами в руках стояли двое легионеров.

Стражник повернул налево, остановился перед закрытой дверью и дважды постучал.

– Войдите, – донесся изнутри недовольный скрипучий голос.

Страж распахнул дверь, и Макрон шагнул через порог, поманив паренька за собой. Помещение напоминало пенал, оно было узким и длинным, а в глубине его стоял заваленный свитками стол, за которым сидел полный, но весьма представительный человек. Макрон знал его:

это был Авл Вителлий, римский богач и прожигатель жизни, решивший, что служба в прославленном легионе позволит ему обрести политический вес. Он шевельнулся:

– Где эта депеша?

Голос трибуна был низким, нетерпеливым.

Макрон, подтянувшись, пошел к столу, Катон предпочел остаться возле жаровни. От нее ощутимо тянуло теплом, и лицо паренька озарилось легкой довольной улыбкой.

Вителлий повертел в пальцах письмо, ощупал печать:

– Ты знаешь, что там?

– Юноша говорит, что...

– Не тебя спрашивают, центурион. Ну?

– Я полагаю, там приватное письмо императора Клавдия, сэр, – ответил Катон.

Слово «приватное» не ускользнуло от внимания трибуна, и он устремил на паренька ледяной взгляд:

– И что же в нем настолько приватного, что его доставка возложена на тебя?

– Не могу знать, командир.

– Вот-вот, и я думаю, что не можешь, а потому будет лучше, если оно останется у меня.

А уж я позабочусь о том, чтобы легат получил его, как только выпадет случай. Оба свободны.

Макрон без размышлений повернулся к двери, но юноша медлил.

– Прошу вернуть письмо мне, командир.

Вителлий вытаращился, Макрон торопливо схватил глупца за руку:

– Пошли-пошли, малый. Трибун – занятой человек.

– Командир, мне велено вручить письмо лично.

– Вот как? – Вителлий нахмурился, и Макрон выпрямился, готовясь принять на себя первую вспышку грозы. Но ничего страшного не случилось.

– Лично так лично, – почти ласково промолвил трибун. И, поднимаясь со своего места, прибавил: – Тебе же хуже, болван.

Он провел их по короткому коридору в приемную, где корпел над бумагами молодой, нагловатого вида красавчик. Заслышав шаги, секретарь вскинул глаза и с ленцой поднялся на ноги.

– Могу я видеть легата? – спросил лаконично Вителлий.

– Это срочно?

– Императорская депеша.

Трибун тряхнул свитком и указал на печать. Секретарь, кивнув, стукнул в обитую медными пластинами дверь и, не дожидаясь отклика, вошел в кабинет. После непродолжительной паузы дверь снова открылась, и секретарь поманил Вителлия внутрь, жестом велел остальным оставаться на месте.

Вскоре из кабинета донесся сердитый голос, слов было не разобрать, но они походили на брань, потом в приемную вышел трибун. Бледный от гнева, он одарил Макрона яростным взглядом.

– Ступайте, вас ждут, – заявил секретарь, кивая центуриону и новобранцу.

Макрон промолчал, хотя в нем все кипело от злобы. Бестия, сукин сын, похоже, чувствует опасность хребтом. Теперь именно ему, Макрону, не имевшему к этой истории ни малейшего отношения, придется принять на себя гнев легата, взбешенного посягательством на его драгоценное время. Уж если он так орет на Вителлия, именитого римского гражданина, то от простого центуриона не оставит и мокрого места. А виноват во всем этот хренов щенок. Макрон покосился на новобранца, невольно отметив, что тот вроде не трусит, и шагнул через порог, хотя с куда большей охотой шагнул бы навстречу целой ораве диких, свирепо завывающих галлов.

Кабинет легата подавлял своими размерами, а доминантой в нем был монументальный, с мраморной черной столешницей стол, за которым восседал сам Тит Флавий Сабин Веспасиан. Оторвав сердитый взгляд от лежащего перед ним письма, он ворчливо спросил:

– Итак, центурион, что ты здесь делаешь?

– Виноват, командир?

– Что ты делаешь здесь, хотя должен быть на дежурстве?

– Я получил приказ, командир. Мне было велено сопровождать этого новобранца в штаб.

– Велено? Кем?

– Люцием Батиаком Бестией. Он подменил меня и будет исполнять обязанности начальника караула до моего возвращения.

– Так-так. – Веспасиан хмуро наморщил широкой лоб, потом перевел взгляд на юношу. – Ты Квинт Лициний Катон?

– Так точно, командир.

– Из дворца?

– Так точно, командир.

– Мягко говоря, это не совсем обычно, – произнес, словно бы вслух размышляя, легат. – Желаящих перебраться из дворца в казармы находится не так уж много. Правда, моя жена пошла на это, но даже ей трудновато приспособиться к суровости армейского быта, хотя я пытаюсь скрасить ей жизнь, как могу. Не думаю, впрочем, что и тебя тут примутся с той же рьяностью опекать, однако деваться некуда. Теперь ты – солдат.

– Так точно, командир.

– Это, – Веспасиан накрыл свиток ладонью, – всего лишь сопроводительное письмо с приблизительным описанием твоих качеств. Обычно с такими мелочами разбирается мой секретарь, поскольку у меня, как правило, есть дела поважнее, ибо я как-никак командую легионом. Можешь ты хотя бы представить себе, насколько я сейчас раздосадован тем, что должен тратить свое время впустую?

Веспасиан выдержал паузу, сверля юнца суровым взглядом, потом, уже более снисходительным тоном, продолжил:

– Однако письмо это написано самим Клавдием, а у него, безусловно, есть право беспокоить своих легатов даже по пустякам, и я вынужден с этим считаться. Император пишет, что в благодарность за долгую и верную службу твоего батюшки он дарует тебе свободу и желает, чтобы я зачислил тебя в свой легион на должность центуриона.

– О, – отозвался Катон.

Макрон тоже внутренне охнул. И хотя он тут же взял себя в руки и вытянулся в струну, от легата его реакция не укрылась.

– Что-то не так, центурион?

– Никак нет, командир, – ухитрился проглотить Макрон сквозь плотно сжатые зубы.

– Так вот, Катон, – мягко продолжил легат. – Право же, несмотря на пожелание императора, у меня нет ни малейшей возможности назначить тебя центурионом. Сколько тебе лет?

– Шестнадцать, командир. В следующем месяце будет семнадцать.

– Шестнадцать. Маловато даже для того, чтобы самому стать мужчиной, не говоря уже о том, чтобы командовать другими мужчинами, а?

– Прошу прощения, командир, но, когда Александр впервые повел свое войско в сражение, ему тоже было всего шестнадцать.

Брови Веспасиана изумленно взметнулись.

– Ты сравниваешь себя с Александром? Считаешь, что разбираешься в военном деле?

– Я изучал стратегию и тактику, командир. Знаком с трудами Ксенофонта, Геродота, Ливия и, конечно же, Цезаря.

– Вот как? И это, разумеется, ставит тебя в один ряд с великими полководцами? – Само-надеянность юноши явно забавляла легата. Он побарабанил пальцами по столу. – А вдруг и все остальные наши рекруты таковы? Что тогда будет, я не могу и представить. Армия, где каждый солдат занимается разработкой стратегических планов, а не думает лишь о том, как набить свое брюхо, – это что-то невероятное. Не так ли, центурион?

– Так точно, командир, – отозвался Макрон. – У таких солдат небось и бурчало бы в лишь башке, а не в брюхе.

Веспасиан поднял брови:

– Это что, шутка, центурион? Я не терплю балагурства, особенно среди нижних чинов. Тут армия, а не театр Плавта.

– Так точно, командир. Чей театр, командир?

– Плавта, – со снисходительным видом заметил Катон. Он явно приободрился. – Этот великий драматург во многом заимствовал сюжеты своих пьес...

– Достаточно, сынок, – прервал его Веспасиан. – Прибереги это для римских салонов. Если, конечно, тебе посчастливится вернуться в столицу. А пока помолчи и послушай меня. Центурионом ты быть не можешь.

– Но, командир...

Веспасиан резко хлопнул рукой по столу, потом указал на Макрона:

– Видишь этого человека? Так вот, он – центурион. Центурион и тот командир, который привел тебя сюда из Авентикума. Как, по-твоему, они стали центурионами?

Катон пожал плечами:

– Не имею ни малейшего представления, командир.

– Ни малейшего представления? Ладно. Так вот, послушай. Этот человек, Макрон, был сначала солдатом. Сколько лет, центурион?

– Четырнадцать лет, командир.

– Четырнадцать лет. И за это время он прошел маршем через весь известный нам мир и обратно, приняв участие в одном Юпитеру ведомо скольких сражениях, битвах и мелких стычках. Он знаком со всеми видами оружия, хранящегося в арсеналах империи. Он способен пройти в день двадцать миль, причем с полной выкладкой, с пикой, с мечом. Он обучен плавать, строить дороги, мосты и форты. Но, помимо этих умений и качеств, у него есть и личные заслуги. Когда германцы обложили наш патруль на том берегу Рейна, он сумел вывести людей из окружения. Тогда, и только тогда, его сочли достойным должности центуриона. А скажи, какими из перечисленных навыков обладаешь ты? Прямо сейчас, на данный момент?

Катон призадумался.

– Я умею плавать... немного.

– А ты не подумывал о карьере во флоте? – язвительно, но с некоторой надеждой спросил Веспасиан.

– Никак нет, командир. У меня морская болезнь.

– О боги! Что ж, боюсь, одного умения плавать еще недостаточно для командования подразделением, но, поскольку у нас каждый человек на счету, я нахожу возможным зачислить тебя во Второй легион. А теперь, как у нас говорят, ты свободен. Пожалуйста, будь умным мальчиком и подожди снаружи – за дверью.

– Слушаюсь, командир.

Как только дверь за юношей затворилась, Веспасиан покачал головой:

– И куда только катится мир? Как по-твоему, центурион, сумеем ли мы из него сделать солдата?

– Никак нет, командир, – не раздумывая, ответил Макрон. – Армия слишком опасное место для неженков.

– Рим, кстати, тоже, – со вздохом заметил легат.

Он вспомнил об участии тех, кто осмеливался высказывать свое мнение при Калигуле. Впрочем, и сейчас, при его преемнике, Клавдии, дела обстояли не лучше. Главный фаворит императора, вольноотпущенник Нарцисс, населил Рим шпионами, деловито строчившими доносы на всех, в ком видели хотя бы малейшую угрозу для новой власти. Самый воздух в столице был, казалось, отравлен ядом всеобщей подозрительности, особенно усилившейся после попытки государственного переворота, предпринятой Скрибонианом. Положение осложнялось тем, что среди недавно арестованных заговорщиков оказались и некоторые знакомцы его супруги. Сама Флавия тут, конечно же, ни при чем, однако Веспасиан в который раз пожалел о ее неразборчивости в знакомствах. Впрочем, чего еще можно ждать от женщины, выросшей в пронизанной политическими интригами атмосфере императорского двора. Как и от другого птенца, выпорхнувшего из того же гнезда, – юнца, дожидавшегося сейчас за дверью.

Веспасиан поднял глаза от стола:

– Что ж, центурион, посмотрим, что мы можем сделать для молодого Катона. Полностью ли укомплектована твоя центурия? Ты ведь, кажется, остался сейчас без помощника?

– Так точно, командир. Мой опцион умер сегодня утром.

– Хорошо. То есть хорошего тут мало, но это многое упрощает. Запишешь новичка в свою центурию и сделаешь его своим опционом.

– Но, командир... – выдохнул изумленно Макрон.

– Никаких «но». Это приказ. Назначить мальчишку центурионом я не могу, но и пренебречь пожеланием императора тоже нельзя. Так что придется нам с тобой с этим стерпеться. Ты свободен.

– Слушаюсь, командир.

Макрон отсалютовал легату рукой, четко повернулся кругом и, печатая шаг, вышел из кабинета, хотя мысленно извергал потоки чудовищной брани. По армейской традиции центурионы сами подыскивали себе опционов и не гнушались получать за протекцию хорошую мзду. Теперь эти денежки уплывали из рук Макрона, однако в его голове блеснула счастливая мысль. Можно ведь повернуть дело так, что мальчишка в центурии не задержится. Оступится раз другой, потом заскулит. И запросит отставки, он ведь неженка, рохля. Слабак, которого вмиг обломает армейская жизнь.

Завидев центуриона, Катон искательно улыбнулся, и Макрон его чуть было не пнул.

– Что теперь будет со мной, командир?

– Заткнись и топай за мной.

– Слушаюсь, командир.

– Парни, я хочу представить вам нового опциона.

Лица легионеров, находившихся в тускло освещенной немногочисленными оранжевыми светильниками столовой, ошарашенно вытянулись.

– Это... новый опцион, командир? – спросил после паузы кто-то.

– Верно, Пиракс.

– А он не слишком ли... ну, это... молод?

– Очевидно, нет, – с горечью ответил Макрон. – Император издал указ о новом порядке отбора и назначения опционов. Теперь, чтобы получить этот чин, нужно быть долговым, тощим и знать назубок труды греческих и латинских писак. Предпочтение отдается тем, кто сведущ в стишках или пьесках.

Солдаты недоуменно таращились на него, но Макрон был слишком сердит, чтобы снизойти до более вразумительных пояснений.

– В общем, вот он, Пиракс. Отведи этого грамотея к писцу. Пусть тот занесет его в список и выдаст опознавательный медальон. Выделишь ему место в спальне своего отделения.

– Но, кажется, новые имена в список состава центурии вносятся только рукой командира.

– Послушай, у меня и без того дел по горло, – вспыхнул Макрон. – Короче, это приказ. Делай, что тебе сказано, а не трепли языком.

Он стремглав вылетел из столовой и побежал по коридору к своей каморке, возле которой его дожидался Пизон с пачкой каких-то бумаг.

– Командир, это срочно надо бы подписать...

– Потом, – отмахнулся Макрон и, схватив сухой плащ, поспешил к выходу из казармы. – Я сейчас на дежурстве.

Когда дверь захлопнулась, Пизон пожал плечами и побрел дальше, недовольно бурча что-то себе под нос.

Через какое-то время прямой, как жердь, новобранец Катон сидел на верхней койке солдатского спального помещения. Задев макушкой соломенный мат, подложенный под черепицу кровли, он нервно поежился: нет ли там крыс? На груди юноши темнел медальон – небольшая свинцовая бляшка с его именем, номером легиона и имперской печатью. Эта вещица, подумал он горестно, всегда теперь будет с ним. До отставки или до гибели в одном из сражений. Тогда ее снимут служивые из похоронной команды, довольные тем, что труп удалось опознать. Уткнув подбородок в колени, Катон опечаленно размышлял, как ему выпутаться из этой кошмарной истории. Каморка, тесно заставленная солдатскими койками, если и отличалась от подсобных чуланчиков дворцовых конюшен, то далеко не в лучшую сторону.

А сами солдаты!

Просто животные, их по-иному нельзя и назвать. Пьяные, дурно пахнущие, непрерывно рыгающие. Катон с трудом сдерживал тошноту, когда ему их – одного за одним – представляли. Они, в свою очередь, по всей видимости, тоже не знали, как к нему относиться. С одной стороны, он был для них вроде начальником, с другой – каждый из них полагал, что справился бы с обязанностями помощника центуриона много лучше, чем какой-то столичный молокосос. Последнее явственно проступало во всех неприязненных взглядах.

А говорили эти скоты лишь о том, кто трахнул больше девиц, убил больше варваров, дальше всех плюнул или громче всех бзднул. Усилив воли Катон заставил себя слушать все это не морщась, потом, выждав достаточно приличное время, свесился с койки и вежливо поинтересовался, не покажет ли кто ему его комнату. Все разговоры мгновенно прервались, все лица в помещении обратились к нему, и только тут до него вдруг дошло, насколько он влип.

Глава 3

Ближе к вечеру, когда сумерки сделались гуще и легкий морозец начал пощипывать щеки, Катон притаился в казарму. Там было тихо, но, закрыв дверь, юноша понял, что он не один, и ощутил укол раздражения. Он так ждал конца этого невероятно долгого дня и вот даже теперь не имел возможности хоть немного побыть в одиночестве. Пиракс сидел на своем лежаке и штопал форменную тунику. Когда Катон, не раздеваясь, вскарабкался на свою койку, он поднял голову:

- Нелегкий денек выдался, а, новичок?
- Да, – буркнул Катон, не желая вступать в разговоры.
- Дальше будет еще хуже.
- Да ну?
- Думаешь, справишься?
- Да! – решительно ответил Катон. – Справлюсь. Обязательно справлюсь.
- Сомневаюсь. – Пиракс покачал головой. – Ты слишком хилый. Я даю тебе месяц.
- Месяц? – сердито спросил Катон.
- Ага. Месяц, если ты не дурак. Если дурак, может выйти и больше.
- О чем вообще ты говоришь?
- Да о том, что в твоём присутствии здесь нет ни капли смысла. Не из того теста ты слеплен. Хилый слабак, вот ты кто. И тут ничего не изменишь.
- Мне скоро семнадцать.
- Это не в счет. Дело не в возрасте, а в крепости тела. Ахнуть не успеешь, как Бестия обломает тебя.
- Не обломает! Скорей я умру!
- Может, дойдет и до этого. – Пиракс пожал плечами. – Вряд ли кто-нибудь опечалится.
- Что ты этим хочешь сказать?
- Да так, ничего. – Пиракс снова пожал плечами и вернулся к оставленному занятию, аккуратно – стежок за стежком – накладывая на разрыв ровный шов.

Катон, разалевшийся от волнения и стыда, невольно залюбовался сноровистыми движениями его рук. Конечно, некоторые рабы при дворце тоже в случае надобности занимались починкой одежды, но тем не менее штопка считалась преимущественно женской работой, и то, что мужчина умеет так ловко управляться с иглой, казалось чем-то весьма необычным, похожим на фокус.

А намек Пиракса был ему очень понятен. Заняв должность опциона, он, Катон, волей-неволей нажил себе кучу врагов. Да и центурион Бестия, похоже, его невзлюбил, и хуже того – даже кое-кто из новобранцев. В первую очередь это относилось к молодчикам из перуджийской тюрьмы, с ними Катон столкнулся еще в дороге. В их возаки мало-помалу выдвинулся приземистый, бочкоподобный детина, отличавшийся столь редкостным безобразием, что сотоварищи тут же дали ему прозвание Пульхр¹. Урод только скалился, обнажая огромные зубы. На одном из переходов Катон оказался непосредственно позади этого малого, и тот на привале вдруг обернулся и потребовал передать ему фляжку. Вроде бы мелочь, но в тоне Пульхра звучала такая угроза, что фляжка словно сама собой выскользнула у Катона из рук. Пульхр, смачно чмокая, сделал несколько энергичных глотков, а потом стал угощать вином приятелей.

- Ты хочешь пить? – осклабился он. – Тогда заberi у меня свою баклагу.
- Отдай мне ее.
- Возьми сам.

¹ Пульхр (*лат. pulcher*) – красавчик.

Вспомнив об этом, Катон снова вспыхнул, и его совесть вновь потребовала ответа: как в этом случае повел бы себя настоящий мужчина? Надо полагать, настоящий мужчина без промедления наградил бы обидчика тумаком. Правда, этот поступок шел бы вразрез со здравым смыслом, ведь осмелиться выступить против этой гориллы мог только тот, кто сложен по меньшей мере из кирпичей. К тому же громила вдруг резко подался вперед, и Катон инстинктивно отпрянул, отчего все вокруг рассмеялись, а проходящий мимо легионер, оценив ситуацию, молча забрал у Пульхра фляжку и для острастки ткнул смутьяна тупым концом копья. Пульхр плюнул в его сторону, а Катону, растерянному вертевшему в руках пустую посудину, мрачно пообещал:

– Поквитаемся в лагере, парень. – Он выразительно позвенел кандалами. – Как только их снимут с меня.

Но по прибытии в крепость всех новобранцев взяли в ежовые рукавицы, и Катон стал надеяться, что Пульхр забыл про него. Он, правда, старался держаться от перуджийцев подальше, отворачивал от них голову, прятал глаза, а когда дневная муштра закончилась, тут же покинул плац, отчаянно сожалея, что не сумел обзавестись по дороге друзьями. Другие рекруты быстро разбились на приятельские кружки, а он в это время перечитывал вирши Вергилия. И дочитался до того, что остался один.

Один. Без поддержки, без помощи. Катон отвернулся к стене. Глаза его вдруг предательски зашипало, он уткнулся носом в грубую, набитую соломой подушку, содрогаясь от беззвучных рыданий и кляня всех своих самодовольных наставников-греков со всей их дурацкой влюбленностью в пышные словеса. Зачем, скажите на милость, они столь рьяно ее ему прививали? Разве может поэзия защитить человека от всего этого скотства, от происков самодурствующего начальства и от кулаков наглого и безмозглого перуджийца? Нет, нет и нет.

Пиракс, склонив голову набок, прислушался, проворная игла в его руках застыла над швом. Он понял природу доносящихся сверху всхлипываний и сочувственно покачал головой. В армию, как правило, идут парни крепкие – уже закаленные, тертые, умеющие постоять за себя. Однако и им поначалу приходится нелегко, а что же взять с этого бедолаги? Совсем сопляк еще и вдобавок неженка, куда ему до других? Правда, кое-кто все-таки полагает, что солдатчина может делать мужчин из маменькиных сынков, но чаще все оборачивается много хуже.

Паренек наверху всхлипнул снова.

– Эй! – хрипло окликнул Пиракс. – Что с тобой? Ты мне руку сбиваешь.

Катон пошевелился:

– Я что-то расчихался. Прости.

– Ага, – кивнул Пиракс. – Это бывает. Это немудрено в такую погоду.

Катон утер лицо уголком грубого солдатского одеяла, делая вид, что сморкается.

– Кажется, все.

– Стало малость полегче?

– Да, – отозвался Катон благодарно, потом спросил, чтобы поддержать разговор: – Где остальные?

– В столовой. Играют в кости. Я тоже пойду к ним, как только закончу с шитьем. Хочешь пойдем туда вместе? Посидим, поболтаем с парнями?

– Нет, спасибо. Мне нужно поспать.

– Дело твое.

– Скажи-ка... – Катон неожиданно повернулся и свесил голову вниз. – Этот центурион... Бестия. Он и впрямь такой скот, каким кажется?

– А ты как думаешь? Бестия всегда бестия. Его за глаза у нас так и зовут. Но будь спокоен, ты у него не один. Он всех новичков гоняет до полусмерти.

– Всех? – с сомнением переспросил Катон. – Но мне почему-то перепадает гораздо больше, чем остальным.

– А ты чего хочешь? – буркнул Пиракс, затягивая концы узелка, чтобы тут же скусить их зубами. – Ты в лагере всего один день, а уже получил назначение, которого тут ждут годами.

Катон внимательно оглядел собеседника:

– Тебе это неприятно?

– Конечно. Ты ведь еще совсем сосунок.

Укол попал в цель, лицо юноши вспыхнуло, и он мысленно благословил царящий в помещении полумрак.

– Это решение легата. Я его ни о чем не просил.

– Просил не просил... все равно непорядок. Эта должность... она требует опыта, знаний, смекалки, а за что, объясни, ее дали тебе? Может быть, за прекрасные глазки?

Юноша вновь покраснел:

– Меня... поощрили. И вовсе не за прекрасные глазки, а за заслуги отца.

– Ха! Поощрили!

Высказавшись таким образом, Пиракс отложил в сторону превосходно заштопанную тунику.

– Кстати, – сказал он уже от дверей, – ты смотри, не засни там... в одежде. Бестия терпеть не может неаккуратных солдат. А раз уж у него на тебя зуб, дело совсем худо. Постарайся хотя бы не давать ему повода для лишних придинок. Дошло?

– Да, дошло.

– Ну, тогда... спокойной ночи, слюняй.

– Я не слюняй, – огрызнулся Катон, но дверь за Пираксом уже закрылась. Глаза юноши также стали слипаться, однако он не позволил сну одолеть себя и, резко вскинувшись, сел, на шаривая усталыми пальцами застёжки на боку кожаной безрукавки. Пиракс прав. Муштра в лагере начиналась прямо с утра. Завтра ни свет ни заря его опять сгонят с койки и выпихнут на улицу, в строй таких же новоиспеченных солдат.

Так и вышло. Спозаранку, еще в сумраке полусонных новичков построили, и они под морозящим колючим дождем побрели к вещевому складу, чтобы надолго, если не навсегда, распрощаться с последними свидетельствами своей былой принадлежности к штатскому миру и облачиться в легионную униформу.

– Прошу прощения, – пискнул, волнуясь, Катон. И повторил чуть потверже: – Прошу прощения.

Кладовщик оглянулся через плечо:

– Что тебя беспокоит, приятель?

– Эта туника... она мне вроде бы... малость великовата.

Легионер рассмеялся:

– Нет, приятель. Туника в порядке. Она – правильная, а вот ты – не очень. Это армия. И один размер тут годится для всех.

– Но ты взгляни! Это же просто нелепо!

Катон потряс подолом мешковатой туники, слишком просторной и едва достигающей ему до колен.

– Она с меня свалится, наматается на ноги. Неужели на складе ничего больше нет?

– Нет. Ты приладишься к ней.

– Как? – Катон не верил своим ушам. – Я ведь не сделаюсь ни толще, ни ниже. Прошу, найди мне что-нибудь подходящее.

– Ты что, не понимаешь хорошего обращения? Сказано тебе, тут не столичное ателье. Бери, что дают, ничего другого не будет.

В складской каморке закрипел стул, и на пороге ее возник крепкий дородный мужчина:
– Что, пропади вы все пропадом, тут за крик?

Вот кто здесь главный, догадался Катон и приосанился, чувствуя, что каптерщик получит сейчас хорошую взбучку. В римских лавках тоже попадались нерадивые продавцы, но обращение к хозяину резко меняло все дело.

– Я пытаюсь втолковать этому человеку...

– Да кто ты такой, чтоб тебе провалиться? – взревел интендант.

– Квинт Лициний Катон. Оптион шестой центурии, четвертой когорты.

Толстяк озадаченно сдвинул брови, потом хохотнул:

– Оптион, говоришь? Как же, как же, наслышан. Ну и чего же ты хочешь от нас... оптион?

– Я всего лишь хочу, чтобы мне поменяли тунику. На другую – поуже и подлинней.

– Дай-ка я посмотрю. – Интендант с демонстративной дотошностью ощупал тунику, встряхнул, поднес к свету, пробежался пальцами по грубым стежкам. – Да, – заключил он, кивнув головой. – Это стандартная воинская туника. И притом очень добротная. Тебе повезло.

– Но...

– Заткнись! – Интендант, не глядя, швырнул Катону тунику. – Забирай эту хреноту и лучше не зли меня, гребанный выскочка!

– Но...

– И называй меня командиром, сопляк!

Катону каким-то чудом удалось удержаться от взрыва.

– Так точно, командир, – выдавил он из себя.

– Вот и прекрасно. Забирай свое барахло.

Интендант повернулся и только тут заметил собравшуюся у каморки толпу. И новобранцы, и старослужащие легионеры с большим интересом наблюдали за представлением. Здорвяк подбочился.

– А вам чего надо здесь, идиоты?

Толпа вмиг рассеялась, и Катон остался у стойки один. Кладовщик ушел и через минуту вывалил перед ним ворох остального обмундирования. Помимо пары шерстяных штанов в него входили желтая кожаная безрукавка, плотный красный плащ, водонепроницаемый, с меховой подстежкой, и подкованные железными гвоздями, грубо стачанные сапоги. Кладовщик придвинул к Катону оловянную плошку и указал на покрытую воском табличку.

– Поставь здесь метку или подпишись.

– А что это?

– Твое согласие на добровольную сдачу своей гражданской одежды.

– Что?

– Солдату не положено иметь при себе гражданское платье. Переодевшись в армейскую форму, ты отдашь то, в чем ходил до этого, нам. Мы продадим твои шмотки на местном рынке и отдадим тебе выручку. Не всю, конечно, но большую часть.

– Я не согласен! – вскрикнул Катон.

Кладовщик обернулся к каморке.

– Подожди! – Катон скрипнул зубами. – Дай табличку. Я ее подпишу. Но зачем продавать все? Оставь мне хотя бы обувь и плащ. Он совсем новый.

– Новобранцам положено носить униформу. Ничего штатского иметь в казарме не разрешается. А на складе тоже нет лишнего места. Но я обещаю, что мы не продешевим. Ты будешь доволен, сынок.

Однако Катону почему-то стало казаться, что лично ему эта сделка особых богатств не сулит.

– Как я могу быть уверен, что ты меня не обманешь?

– Уж не хочешь ли ты обвинить в нечестности товарища по оружию? – с издевательским негодованием возопил кладовщик.

Катон вздохнул и стал раздеваться, потом натянул на голое тело тунику. Сидела она на нем хуже некуда и вдобавок не прикрывала колен, напоминая рабочее одеяние римских шлюх, трущихся возле рынков и цирков. Форменные штаны тоже были сплошным наказанием, кожа под ними невыносимо зудела, кроме того, чтобы они не свалились, их пришлось завязать на бедрах узлом. Тяжеленные армейские сапоги тоже не добавили ему бодрости. Шляпки гвоздей, какими они были подбиты, немилосердно клацали при ходьбе, и многие новобранцы тут же принялись шаркать подошвами по полу, высекая снопы искр из каменных плит. Склад мгновенно наполнился топотом и радостным гогом, пока вспышку неожиданного веселья не погасил высунувшийся из своей норы интендант.

Когда сапоги были зашнурованы и завязаны, Катон натянул через голову тяжелую, похожую на панцирь кожаную безрукавку. Жесткая, стоящая коробом, она не давала нагнуться, и ему с огромным трудом удалось дотянуться до ремешков крепления на боках. Воюя с ними, он краем глаза заметил, что на правом плече его что-то белеет, но тут же об этом забыл.

В складском помещении на миг потемнело, через порог шагнул центурион Бестия. Какое-то время он стоял, пренебрежительно постукивая кончиком трости по наголенникам, потом рывкнул:

– Смирно!

Гомон и гогот вмиг прекратились, новобранцы попятились к стенам. Бестия презрительно фыркнул:

– В жизни не видел столько никчемного неповоротливого бабья. Ну-ка, девочки, живо на улицу! Там посмотрим, как с вами быть.

Рассвет разогнал тучи, моросящий дождь прекратился, и сквозь туманную пелену проглянуло солнце. Утренний воздух был свежим, бодрящим, и Бестия с удовольствием втянул его в грудь. Военный лагерь начинал жить привычной хлопотливой дневной жизнью, пора и ему заняться муштрой новичков.

Что-что, а гонять распустех Бестия любил и с наслаждением играл роль грубого, сурового, жесткого, как камень, отца-командира, время от времени подпуская нотки заботливости в площадную брань. Он хорошо знал, что постепенно эти молокососы станут и впрямь тянуться к нему, как к отцу. Правда, не все, но таких ожидала очень и очень невеселая жизнь.

Бестия оглядел ряды новобранцев, и его грозный пристальный взгляд тут же уперся в долговязого недоноска, что был на голову выше других. Он вмиг признал в нем позавчерашнего грамотея и, поморщившись, выкрикнул:

– Ты! – Трость его, описав в воздухе полукруг, поддела нашивку на плече умника. – Ты, сукин сын, «у меня есть письмо!». Что это за хреновина, а?

Катон вздрогнул:

– Не могу знать, командир.

– Не можешь знать? А почему же, тупица? Сколько ты пробыл в лагере? День? Полтора? И все еще не разбираешься в знаках различия? – Он сердито нахмурился. – Какой же ты после этого, в задницу, будешь солдат?

– Я не знаю, командир. Я...

– Не смей пялиться на меня! – заорал Бестия, брызжа слюной. – Подними свои зенки. И смотри только прямо перед собой! Всегда! Ты меня понял?

Катон вытянулся и отчеканил:

– Так точно, командир.

– А теперь отвечай – какого хрена ты нацепил знак опциона?

– Я опцион, командир.

– Что? – взревел, опешив, центурион. – А ты не бредишь? Где это слыхано, чтобы хренов молокосос за ночь дослужился до оптиона?

– Вообще-то, меня произвели в оптионы еще вчера, командир, – ответил Катон.

– Сегодня, значит, оптион, завтра центурион, послезавтра трибун, а потом кто? Император?

– Прошу прощения, командир, – произнес тихо стоявший позади Бестии инструктор. – Этот малый и впрямь оптион.

– Кто? – Бестия ткнул пальцем в Катона. – Этот хилытик?

– Боюсь, что так, командир. Внеочередным назначением он занесен в списки нижних чинов по приказу легата. – Инструктор протянул центуриону покрытую воском табличку.

– Квинт Лициний Катон. Оптион, – прочел Бестия вслух и повернулся к задохлику: – Вот, стало быть, что за письмо ты привез! От своих долбанных покровителей в Риме? Ну так знай, тут они тебе не помогут. Будь ты хоть тысячу раз оптион, но на плацу к тебе будут относиться точно так же, как к остальным. Понял?

– Так точно, командир.

– А на деле, – Бестия доверительно подался вперед, – ты теперь будешь взят на заметку, засранец. Должность тебе досталась не по заслугам, и я лично стану приглядывать, как ты оправдываешь свое назначение.

Он развернулся, привстал на носках и проорал замершим новобранцам.

– Первый урок, бабье. Основа основ: стойка «смирно». Десятники уже расставили вас в четыре шеренги. Запомните, кто где стоит. И всякий раз по команде «строиться» занимайте свои места. Без толкотни и без суеты. Вы – легионеры, а не стадо баранов. Стойка «смирно» для невооруженных солдат выглядит так.

Бестия опустил свою трость, выпятил грудь и застыл, отведя плечи назад, вскинув подбородок и плотно прижав к бедрам руки.

– Все видели? – спросил он после паузы. – А сейчас поглядим, как это выйдет у вас.

Новобранцы принялись неуклюже копировать его позу. Все очень старались, и это понравилось Бестии. Как только десятники заставили самых тупых подобрать животы, он почти довольным тоном продолжил:

– Следующий урок. Взгляд солдата в строю должен быть устремлен лишь вперед. Не вверх, не вниз, не в сторону, вашу мать, а вперед! Что бы ни случилось. Когда я говорю: *что бы ни случилось*, понимать меня нужно буквально. Ваши глаза должны оставаться неподвижными, даже если перед строем пройдет сама Венера в сопровождении целой оравы голозадых девиц. Понятно? Я вас спрашиваю, понятно?

Новобранцы вздрогнули и что-то выкрикнули, но очень невнятно и вразнобой.

– Громче! Не слышу, мухи сонные! А ну-ка еще раз!

– Так точно! – проорали солдаты.

– Уже лучше. – Бестия улыбнулся. – Вы теперь не какой-нибудь сброд, а единое целое, зарубите себе на носу. И делать отныне вы все будете как один: ходить, говорить, даже думать. Сейчас мы отправимся в оружейную. Ну-ка, с левой ноги и все разом – вперед шагом марш!левой! Правой!левой! Правой! Ать-два-три! Ать-два-три!

Подчиняясь команде, новобранцы, поджимаемые с флангов десятниками, зашагали по плацу. Все они опять очень старались, хотя мало кому из них удавалось держать четкий строй. Катон, впрочем, мог бы приладиться к общему ритму, но ему сильно мешал преуспеть в том шагающий впереди Пульхр, коротконогий и, как медведь, косолапый. «Мы с ним слишком разные, чтобы двигаться слаженно», – подумал Катон и тут же, словно в подтверждение своей мысли, задел носком сапога лодыжку мрачно сопящего перуджийца.

– Дерьмо! – злобно вскричал тот, сбившись с шага. – Осторожней, ублюдок!

– Молчать! – приказал один из десятников. – Никаких разговоров в строю! Эй, жирный боров, проснись! Иначе я буду гонять тебя до вечерней поверки!

Плотный, приземистый Пульхр быстро выправил шаг, но, улучив мгновение, прошипел:

– Ты заплатишь за это, приятель.

– Извини, – прошептал покаянно Катон.

– Засунь свои извинения себе в жопу.

– Это вышло случайно.

– Дерьмо!

– Но...

– Заткни свою пасть, не то будет хуже.

«Ну и видок у этих ребят», – беззлобно подумал Макрон, наблюдая за суетой в оружейной. Новобранцы, получившие боевые кинжалы, кольчуги и шлемы, очень приободрились, но тут же скисли, когда им выдали деревянные тренировочные мечи.

– Все время одно и то же, а? – усмехнулся он, глянув на старика-ветерана.

– А, сосунки, – махнул рукой тот. – Много спеси и мало мозгов. Все как один обалдуи.

– Можно подумать, ты был в их годы другим? – возразил Макрон, поднося к губам чашу.

– Я уж не помню. – Сцевола коротко сплюнул. – Скажи-ка мне лучше, зачем ты пришел? Я тебя вижу раз в год, не чаще. Последний раз, когда мы с тобой выпивали, ты числился рядовым, а теперь – фу-ты ну-ты! – центурион, хрен досышь до макушки. – Он поднял голову. – Ежели ты приперся покрасоваться, то попал не туда. Тут таких петушков видали-перевидали.

– Что ты, старый, – Макрон улыбнулся. – Я и в мыслях того не держал. Разве я не могу прийти просто так? Посидеть, поболтать, оказать тебе уважение?

– Оказать уважение! – презрительно фыркнул Сцевола. – Не хитри, я ведь знаю, каким ветром тебя сюда занесло.

– И каким же?

– Думаю, ты хотел бы взглянуть на реестр заказов.

– Вовсе нет. – Макрон поднял фляжку и долил вина в обе чаши. – Я ничего и не слышал про этот реестр.

– Значит, ты один такой в легионе. – Сцевола шатнулся, но ухватил свою чашу твердой рукой и осушил ее, не пролив ни капли. – Все тут крутятся, но я молчу. Приказ есть приказ, понимаешь?

– Да, приказ есть приказ, – согласился с глубокомысленным вздохом Макрон, делая вид, что уже перебрал, хотя пил лишь для виду. – Сниматься с места, такая возня... хотя, знаешь, эта Германия давно мне обрыдла. Зимой стужа, летом жарница, а вместо вина тут все хлещут какое-то пойло.

Последнее заявление имело целью подчеркнуть тот факт, что он, Макрон, потчует старика не какой-то галльской кислятиной, а отменным фалернским. Сцевола промолчал, но покосился на свою чашу, и Макрон тут же наклонил над ней горлышко фляги.

– Куда бы нас ни отправили, надеюсь, там с выпивкой будет лучше.

– Ха! – фыркнул Сцевола. – Пользуйся тем, что здесь есть. Там у нас и бурды, пожалуй, не будет.

– Совсем? – делано ужаснулся Макрон.

– Скорее всего, – буркнул Сцевола, потом, внезапно вскочив на ноги, заорал: – Эй, жердьяй, ты как держишь меч? Ну-ка возьми его за эфес, или получишь хорошую взбучку!

Макрон с недобрый предчувствием повернулся. Так и есть, отличился не кто иной, как его долбанный оптион, он, идиот, стоял, держа меч под мышкой.

– Но, командир. Это же не настоящий меч. Он деревянный.

– На твое счастье, болван. Иначе ты располосовал бы себе весь бок и руку.

Центурион Бестия протиснулся сквозь толпу:

– Что тут у вас? Опять ты, сосунок? Ну, в чем дело сейчас? Меч не того размера?

– Никак нет, командир. Просто он деревянный. Это не настоящий меч, командир.

– Не настоящий? Конечно не настоящий. Это не настоящий меч, потому что ты не настоящий солдат. Как и все остальные.

Бестия набрал воздуха в грудь и обратился ко всем новобранцам:

– Может быть, некоторые из вас, как и этот прыткий молокосос, тоже сообразили, что оружие вам выдали не боевое. Это потому, что до настоящего вы еще не доросли. Дай вам боевое оружие, и вы моментально покалечите как себя, так и друг друга. А мы не хотим, чтобы вы выполняли за наших врагов их работенку. Прежде чем получить настоящий меч, нужно научиться держать в руках деревянный. И не просто держать, но относиться к нему с почтением. То же самое относится и к копью, хотя оно и тупое. Возможно, кое-кому из вас только что выданное оружие покажется непомерно тяжелым. Привыкайте, учебное оружие и впрямь вдвое тяжелей боевого. Нам нужно развить крепость в ваших руках, и мы ее разовьем, зато вам в бою будет легче. А сейчас пристегните ваши мечи к поясам. Да не слева, а справа, болваны! И нечего пляться, на левом боку мечи носят лишь командиры. Копье берут в правую руку, щит – в левую, запомните это накрепко, идиоты! И, как только управитесь, живо бегите на плац! Помните, что последний будет наказан!

«Яснее ясного, кто это будет», – подумал Макрон и повернулся к Сцеволе.

– Славное было винцо, – сказал с сожалением тот, вертя в руках оловянную чашу.

Фляжка была почти пуста, но Макрон без сожаления слил старику весь остаток, сам удовольствовавшись мутной жижей со дна.

– О чем это мы сейчас говорили? – спросил, удовлетворенно чмокнув, Сцевола.

– О выпивке. Ты сказал, что там, куда нас направляют, хорошей выпивки нет.

– Правда? Я так сказал? – Старик поднял брови.

– Беда, если на восток, – вскользь заметил Макрон. – У азиатов точно выпивкой не разживешься. Сами они, как я слышал, дуют перебродившее молоко. Не знаю, правда, как насчет этого в Иудее?

Он испытующе глянул на старика. Тот развел руками:

– Я тоже не знаю, пьют там или не пьют. Хотя везде должны пить. Люди есть люди.

Макрон раздраженно поморщился. Разговорить хитрого старика оказалось трудней, чем склонить к соитию девственницу-весталку. Он, уже практически ни на что не надеясь, решил зайти с другого конца:

– Скажи хотя бы, ты не намерен заказать туники потоньше?

– А с чего бы? – Сцевола поморщился. – Кому, глядя на зиму, нужна эта хрень?

Макрон досчитал в уме до пяти, потом взмолился:

– Послушай, Сцевола. Не говори мне вообще ничего, только шепни название края. А я обещаю, что никому о том не скажу. Ни единой душе. Даю тебе слово.

– Конечно, – улыбнулся Сцевола. – Пока к тебе не подкатятся с фляжкой вина и ты не размякнешь. Нет, парень, как я уже говорил, приказ есть приказ. Легату желательно сохранить до поры место нашего нового назначения в тайне.

– Но почему?

– Скажем, из прихоти. – Старый хрен усмехнулся. – Ну, мы с тобой поболтали, пора и за дело. Веспасиан уже к вечеру хочет отдать реестр интендантам. Мне очень не поздоровится, если я его подведу.

– Что ж, – с горечью произнес, поднимаясь, Макрон. – Как говорится, спасибо на том.

– Не за что, – лучезарно заулыбался Сцевола. – Заглядывай, я всегда тебе рад.

Макрон не ответил и пошел к двери.

– Эй, Макрон, – окликнул старик.

– Что?

– Если все же надумаешь заскочить, не забудь прихватить с собой фляжку такого винца. Оно пришлось мне по вкусу.

Макрон стиснул зубы и, тяжело ступая, вышел из оружейной.

Глава 4

Веспасиан поднялся на подиум в полном парадном облачении генерала. Серебристый нагрудник, шлем и поножи ослепительно сияли в лучах полуденного солнца, красный плюмаж и плащ колыхались на слабом ветру. Стоявшие за его спиной знаменосцы держали жезлы. Один был увенчан золотым римским орлом, второй – барельефным изображением Клавдия. Последнее, по мнению Катона, имело какое-то сходство с любимшим одновременно поговорить и поесть императором Рима, но в большей степени льстило ему. Под орлом висел квадрат красной кожи с отливающей золотом надписью «Август».

Новобранцы стояли молча, проникаясь торжественностью момента. Плечи их были расправлены, животы втянуты, подбородки, как и положено, вскинута. Благоговейный восторг ощущал и Катон, хотя учебные щиты по-прежнему казались ему крышками больших плетеных корзин, а древки копий – палками метел. Легат между тем принес в жертву богам двух петухов и по окончании церемонии омыл руки. Вытерев их шелковой салфеткой, он повернулся к замершему в ожидании строю.

– Я, Тит Флавий Сабин Веспасиан, волей императора Клавдия легат Второго легиона Августа, совершив должный обряд и уверившись в благосклонности богов ко всему, что должно здесь свершиться, прошу собравшихся принести клятву верности легиону, сенату и народу Рима, воплощением коего, телесным и духовным, является персоне императора Клавдия. Итак, легионеры, вскиньте ваши копья и повторяйте за мной.

Двести копий взметнулись вверх, и солнечный свет заиграл на их сверкающих наконечниках.

- Пред ликами богов Капитолия, Юпитера, Юноны и Минервы...
- Я клянусь беспрекословно выполнять все приказы...
- Отданные мне волею сената и народа Рима...
- Воплощением коего служит персоне императора Клавдия...
- И торжественно клянусь...
- Защищать штандарты моего легиона и моей центурии...
- До последней капли крови!

Когда отгремело последнее эхо присяги и на плацу воцарилась мертвая тишина, Катон ощутил в горле стесняющий дыхание ком. Данная клятва в одно мгновение сделала его другим человеком. Он не принадлежал отныне к числу обычных граждан империи, ибо с этого момента ему предстояло жить по иным, особым законам. Легат теперь по своей прихоти был волен послать его, Катона, на смерть, Катону же надлежало повиноваться ему без каких-либо вопросов и колебаний. Новый порядок существования предусматривал готовность каждого из новоиспеченных легионеров в любой момент отдать свою жизнь за золотое изваяние, насаженное на деревянный шест.

С одной стороны, эти мысли пугали, с другой, пробуждали в душе горделивое чувство почти мистической причастности к некоему исключительно мужскому единству.

По жесту Веспасиана Бестия приказал своим подопечным поставить копья на землю.

– Итак новобранцы, – произнес легат с долей пафоса в голосе, но почти доверительным тоном, – теперь вы легионеры. Вы вступили в воинское подразделение, славное своими традициями, и я буду требовать, чтобы каждый из вас эти традиции неукоснительно чтит. Каждый день, каждый час, каждый миг на протяжении всех последующих двадцати шести лет службы. Предстоящие месяцы будут для вас нелегкими, о чем, я уверен, вам уже не преминул сообщить центурион Бестия. – Легат коротко улыбнулся. – Однако помните – эти трудности необходимы для превращения вас в солдат, которыми сможет гордиться империя. Римский легионер – самый дисциплинированный и закаленный воин во всем известном нам мире, а это

значит, что вы должны сделаться людьми особой породы, носителями нестигаемого римского духа, все остальное придет. Сейчас, – он опять улыбнулся, – я вижу перед собой разношерстную публику, селян, горожан. Большинство из вас волонтеры, но есть и такие, что попали сюда не совсем по доброй воле. Знайте же, каким бы ни было ваше прошлое, это ваше личное дело, армии оно не касается. Теперь вы солдаты, и оценивать вас, награждать или наказывать будут именно как солдат. Но кроме того, вам повезло. Вам посчастливилось вступить в легион накануне великих событий, которые, несомненно, оставят в истории яркий, незабываемый след.

Услышав это, Катон наострил уши.

– В будущем тех из вас, кто с честью пройдет все испытания, станут славить как победителей, как людей, отважившихся заглянуть за границу известного мира и утвердить римский порядок там, где сегодня царствуют хаос и дикость. Пусть эта мысль вдохновляет вас, заставляя с еще большим рвением и прилежанием осваивать воинскую науку. Вы в хороших руках. Трудно найти человека, более сведущего в обучении новичков, чем центурион Бестия. Я же, со своей стороны, ничуть не сомневаюсь в том, что на избранном вами поприще служения великому Риму каждого из вас ждет успех.

«Говорил, говорил и обделался», – подумал Катон, удрученный банальностью заключительного напутствия. Веспасиан кивнул Бестии и, сопровождаемый знаменосцами, сошел с подиума на плац.

– Командир! – отсалютовал ему Бестия, потом повернулся к строю. – Итак, бабье, до сего момента я с вами, можно сказать, нянчился, но теперь пусть никто никаких поблажек не ждет. Теперь вы мои – с костями и потрохами! Занятия начинаются после обеда, и горе тому, кто осмелится опоздать. Р-разойдись!

Все вторая половина дня была отдана непрерывной муштре. Новобранцев гоняли, не давая присесть. Ноги и руки Катона сделались ватными, а в голове стучало одно: только бы выдержать, только бы добрести до своей койки и забыть обо всем, погрузившись в спасительный сон.

Однако когда он, ваясь с ног, дополз до казармы, забыться оказалось не так-то просто. Новые ощущения, перевозбуждение, тоска по прошлому и тревога за завтрашний день не позволяли заснуть, несмотря на усталость. Голова шла кругом от мыслей. Катон непрерывно ворочался, пытаясь устроиться поудобнее на тоненьком тюфяке, брошенном поверх жесткой деревянной решетки. Бессонница усугублялась и тем, что дощатые перегородки не заглушали взрывов хохота, доносившихся из столовой. Не помогла и подушка, под ней было душно, а шумы она не приглушала ничуть. Когда же наконец мышцы страдальца расслабились, а дыхание перешло в слабый храп, его сильно встряхнули чьи-то грубые руки. Ошарашенно вскинувшись, Катон увидел шапку жирных черных волос и щербатый оскал перуджийца.

– Пульхр?

– У твоих ножек, бастард!

– А... который час?

– Плевал я на время. Давай вставай, нам нужно утрясти одно дельце. – Пульхр схватил Катона за шиворот и стащил с койки на пол. – Я пришел бы пораньше, да долбанный Бестия по твоей милости заставил меня драить нужник. Это ведь ты, говнюк, сбил меня с шага, разве не так?

– Я не нарочно. Это вышло случайно.

– Ну а я пришел сюда не случайно и собираюсь кое-что сделать с тобой. Тогда мы будем квиты.

– Что ты хочешь сказать? – нервно спросил, поднимаясь с пола, Катон.

– А вот что. – Пульхр вынул из-под плаща тонкий с коротким лезвием нож. – Небольшой порез будет напоминать тебе, что досаждать мне не стоит.

– Но... зачем же! – воскликнул Катон. – Я и так обещаю больше тебя не тревожить!

– Обещания забываются. Зато шрамы... – Пульхр подкинул нож на ладони и снова поймал. – Твоя рожа будет напоминать и тебе самому, и другим, что со мной лучше не связываться.

Катон забежал глазами по спальне, но дверь была далеко. Тут ему в уши врезался взрыв солдатского смеха. Если крикнуть погромче...

– Только пикни, – прошипел, сообразив, о чем он думает, Пульхр. – Только попробуй, и я тебе вообще кишки выпущу.

С этими словами он подался вперед. Однако Катон, осознав, что нападение неизбежно, в отчаянии метнулся навстречу громиле и мертвой хваткой вцепился в запястье волосатой ручищи, сжимающей нож. Пульхр, никак не ожидавший от него такой прыти, попытался высвободиться, но безуспешно.

– Отпусти! – зашипел он. – Отпусти, недоносок, дерьмо!

Вместо ответа Катон вонзил зубы в запястье противника. Пульхр вскрикнул и инстинктивно взмахнул свободной рукой. Удар отбросил Катона на чью-то койку, в голове его вспыхнуло белое пламя. Пульхр со злобой и удивлением оглядел начавший кровоточить укус.

– Ну все! – произнес он негромко и двинулся к койке. – Теперь тебе точно каюк!

Неожиданно дверь распахнулась, впуслав в спальню широкую полосу света.

– Что за хрень тут творится? – прорычал изумленно Макрон. – Никак драка?

– Никак нет, командир! – отчеканил, вытянувшись, Пульхр. – Мы с ним друзья и практикуемся в приемах рукопашного боя.

– Друзья? – с сомнением спросил Макрон. – Тогда что у тебя с рукой?

– Ничего страшного, командир. Мы увлеклись. Случайная ссадина.

Катон с трудом поднялся на ноги. Его так и подмывало выложить все очень вовремя заглянувшему сюда центуриону, но он твердо знал: доносчики нигде не в чести.

– Да, командир. Все правильно. Мы с ним друзья.

– Хм. – Макрон поскреб подбородок. – Ладно, друзья так друзья. Но ты, опцион, мне сейчас нужен, так что твоему другу придется уйти.

– Есть, командир! – бойко откликнулся Пульхр. – До завтра, Катон.

– Пока, Пульхр.

– Завтра попрактикуемся снова?

Катон натянуто улыбнулся, и Пульхр ушел, оставив его наедине с ухмыляющимся Макроном.

– Так, значит, это твой друг, а?

– Так точно, сэр.

– Я бы на твоём месте заводил друзей с куда большим разбором.

– Так точно, сэр.

– Но я здесь не затем. Нам надо поговорить. Идем-ка со мной.

С этими словами Макрон вышел из спальни и вперевалочку направился в административное крыло здания. Катон, все еще взбудораженный, шел за ним.

Дружелюбным жестом центурион пригласил юношу в свой кабинет, где стояли два рабочих стола. Стол побольше был совершенно чист, тогда как стол поменьше покрывали стопки папируса и вошенных табличек.

– Туда. – Макрон указал на табурет, придвинутый к большому столу, и Катон сел на него, а центурион опустил на стул.

– Выпьешь? – спросил Макрон снимая с полки две чаши. – У меня неплохое вино.

– Благодарю, командир.

Макрон наполнил чаши и откинулся на спинку стула. За день он уже успел приложиться к заветной баклажке не раз и потому пребывал в отличнейшем настроении. Опыт, правда, ему

подсказывал, что хорошее настроение вечером – это завтрашнее похмелье, но, похоже, богам вина и богам здравомыслия никогда не дано столкнуться.

– Пей, сынок, и послушай меня. Раз уж ты опцион, тебе нужно чем-нибудь таким заниматься. Для начала я хочу поручить тебе помочь Пизону с бумагами. Если поставить тебя перед строем, ребята со смеху лопнут. Конечно, по званию ты выше их, но, надеюсь, сам понимаешь, что до командования еще не дорос. Согласен?

– Так точно, командир.

– Со временем, когда ты обучишься... тогда поглядим. Но сейчас в любом случае мне нужен не строевой помощник, а толковый писец. Утром Пизон покажет тебе, что тут к чему, а после муштры ты приступишь.

– Да, командир.

– Ну а сейчас тебе не мешает поспать. Можешь идти.

– Благодарю, командир.

– И... ты это... ну, в общем, не кисни. Человек так устроен, что везде приживается. Не давай себе слабины, и все устаканится.

– Есть не давать себе слабины, командир.

Глава 5

Время для новобранцев теперь полетело с ужасающей быстротой. Казалось, что сутки просто не могут вместить в себя все, что требовала от них армейская жизнь, а положение Катона осложнялось, помимо постоянных придинок Бестии, еще и тем, что после выматывающей все силы муштры он попадал под начало Пизона. А ведь ему, как и всем новичкам, приходилось ухаживать за своей амуницией. У Бестии были глаза орла, мгновенно замечавшие любое пятнышко грязи, порванный ремешок или разболтанное крепление. Для провинившегося это кончалось или нарядом на изнурительные работы, или тесным знакомством с тростью отца-командира. Как вскоре понял Катон, обращение с ней являлось своего рода искусством: хитрость тут состояла в том, чтобы причинить разгильдяю сильнейшую боль, но не нанести при том мало-мальски серьезных увечий. Бестия с новобранцами безусловно не нежничал, но и не собирался превращать их в калек. Он нещадно лупил «долбанных недоносков», однако ни разу никому ничего не сломал и не выбил. Катон старался не попадать ему под руку, но однажды все-таки оплошал: забыл застегнуть ремешок своего шлема. Центурион в ярости налетел на него и сорвал шлем с его головы, чуть не оторвав заодно и ухо.

– Вот что случится с тобой в бою, тупой олух! – проорал он ему в лицо. – Какой-нибудь хренов германец сшибет с тебя твой гребаный шлем и раскроит мечом черепушку. Ты этого хочешь?

– Никак нет, командир!

– Лично мне наплевать, что с тобой станется. Но я не допущу, чтобы деньги римских граждан, честно платящих налоги, расходовались впустую только потому, что в армию попадают такие ленивые, бестолковые ублюдки, как ты. Конечно, одного остолопа легко заменить другим, потеря невелика, но убитый солдат – это еще и пропавшее снаряжение, а оружие и доспехи стоят немало монет.

Прежде чем Катон успел собраться с ответом, Бестия размахнулся и хлестко ударил его по плечу. Рука вмиг онемела, пальцы разжались, плетеный щит упал на землю.

– В следующий раз, когда ты забудешь застегнуть шлем, я приложусь к твоей набитой дерьмом башке! Ясно?

– Так точно, командир! – выдохнул Катон.

Каждое утро, по сигналу оглашавшей своим пением всю округу трубы, новобранцы вскакивали, одевались и выбегали на плац. После утреннего осмотра следовал завтрак, состоявший из каши, хлеба и вина, разливавшегося по площадкам недовольным столь ранним подъемом дежурным. После завтрака начиналась муштра. Вбив в солдат навык принимать стойки «смирно» и «вольно», десятники принялись отрабатывать с ними повороты налево, направо, кругом, затем перешли к более сложным маневрам. Бестиева трость не знала отдыха, зато новички научились довольно сносно смыкать и размыкать в движении строй, разворачиваться из колонны в фалангу и, наоборот, выстраиваться боевым клином или сбиваться в единое целое, прикрываясь щитами.

После обеда легче не становилось – начиналась тренировка выносливости, включавшая в себя длительные марш-броски. Новобранцев в полном снаряжении гоняли вокруг лагеря, раз за разом наращивая темп. Бестия заводил колонну в ворота, лишь когда стены крепости начинали подергиваться быстро темнеющей мглой. Поначалу многие сбивались с ноги, отставали, а то и просто падали в грязь, но командирская трость возвращала им бодрость, и они снова вливались в ряды сотоварищей, чтобы продолжить изнурительный бег.

После памятной стычки в казарме Катон столь усиленно принялся уклоняться от соседства с компанией перуджийцев, что это стало бросаться в глаза. «Нет, ты не трусишь, – говорил он себе. – Просто предельно ясно, что Пульхр тебя измолотит. Так не лучше ли не давать

ему шансов на то и таким образом восторжествовать над задирой морально?» Логика выкладки была безупречной, однако Пульхр никакого морального ущерба вроде не чувствовал, а в глазах остальных новобранцев при встрече с Катонем начинали светиться пренебрежение и неприязнь.

– Тебе придется схватиться с ним, – сказал Пиракс, когда они на двоих распивали купленную в складчину бутылку вина.

Катон закашлялся.

– Эй. Ты в порядке?

Катон кивнул:

– Да. Просто оно слишком кислое... это вино.

Пиракс посмотрел в свою чашу, сделал глоток, потом заключил:

– С вином все нормально.

– Может быть, мне напиться? – принялся рассуждать вслух Катон. – Тогда я не буду чувствовать боли, он легко одержит победу, мне достанется пара ударов, и делу конец.

– Конец-то конец, но я на твоём месте не слишком бы надеялся, что он так просто отвяжется. Я таких парней знаю. Отлупит раз, поймет, что это ничем ему не грозит, и будет проделывать то же самое снова и снова. А избегать драки и вовсе не дело, – это и его раззадоривает, да и другим показывает, что ты трусишь. Нет, надо сойтись с ним по-настоящему, так, чтобы ему тоже досталось. Вот тогда он от тебя отвяжется. Может быть.

– Может быть? Это все, на что я могу надеяться? Влезть в драку, дать себя измочалить, а потом ждать, что решит этот Пульхр? А вдруг он надумает колотить меня дальше?

Пиракс пожал плечами.

– Вот спасибо! Вот уж помог так помог.

– Я просто сказал тебе, как обстоят дела, сынок.

Катон покачал головой:

– Должен быть какой-то другой выход. Какой-нибудь способ разобраться с ним без прямой схватки.

– Может быть. – Пиракс снова пожал плечами. – Но только, что бы ты ни затеял, не тяни с этим, пока над тобой не стал потешаться весь легион.

Катон растерянно заморгал:

– А меня что, держат за труса?

– А ты чего ожидал? Такое создается впечатление.

– Но я не трус.

– Спорить не буду. Может, и так, раз ты утверждаешь. Но лучше тебе это доказать.

Дверь открылась, и с ледяным порывом ветра в столовую вошло несколько легионеров. Пляшущий свет жаровни позволил рассмотреть их лица; все были из другой центурии. Они огляделись по сторонам, потом демонстративно сели на лавку в дальнем конце помещения. Пиракс быстро допил свое вино и встал:

– Мне пора.

– С чего бы? – удивился Катон. – Вина еще много.

– Верно. Но мне нужно думать о своей репутации, – сухо сказал Пиракс и прибавил: – Помни, что я сказал, не тяни.

Пиракс ушел. Катон уставился в свою чашу, а когда поднял глаза, то поймал взгляд одного из забредших в столовую чужаков. Тот тут же потупился и повернулся к товарищам, но Катону уже было ясно, зачем они здесь. Парни явились полюбоваться на невиданную диковину. Труса, назначенного на пост храбреца.

Он встал, надел плащ и торопливо вышел на плац. Щеки его обжег легкий морозец, ночное небо затягивали тонкие, опущенные лунным сиянием облака. На какой-то миг их красота

отвлекла Катона от горестных размышлений, но потом перед его внутренним взором снова встал Пульхр. Он помрачнел, вполголоса выругался и зашагал к штабному крылу.

Пульхр Пульхром, однако он был отнюдь не единственной его заботой. Если все дни Катона занимала безжалостная муштра, то большинство вечеров ему приходилось проводить в кабинете Макрона, где под началом Пизона он начал мало-помалу вникать в жизнь небольшого армейского подразделения с канцелярской ее стороны. Старый служака ведал перепиской центурии, счетными книгами и послужными списками легионеров. Последние заводились на каждого из солдат, и туда заносились все сведения о них. Эти списки пестрели заметками о болезнях, перенесенных тем-то или тем-то бойцом, и о ранениях, полученных им в походах, а также об отпусках, краткосрочных и длительных, о боевых наградах, о поощрениях и дисциплинарных взысканиях, о вычетах за питание и т. д. и т. п.

Сегодня Катону было поручено составить обширный запрос от центурии в интендантское ведомство, он довольно быстро справился с поручением, и Пизон принялся за проверку положенного ему на стол документа. Потрескивали дрова в очаге, Пизон одобрительно хмыкал, сухой, лаконичный стиль новобранца был ему по душе. Более того, ключевые фразы запроса ясно давали понять, что хотя документ вышел из канцелярии какой-то центурии, но все в нем изложенное поддержано куда более высоким начальством.

Дверь распахнулась, и в комнату, потирая озябшие руки, вошел Макрон. Он подсел к очагу, протянул ладони к огню и улыбнулся. В воздухе тут же распространился легкий запах вина.

– Холодная ночь, командир, – улыбнулся ответно Пизон.

– Еще какая! – кивнул Макрон. – Как дела у нашего новичка?

– Замечательно, командир. Даже просто отлично. – Пизон посмотрел на Катона. – Со временем ему многое можно будет доверить.

– Полагаешь ли ты, что этот малый может при случае тебя подменить?

– Я этого не сказал, командир. Ему еще нужно многому научиться, но задатки у него для того точно есть. Я как раз просматриваю составленный им запрос. Вот, взгляни, как тут все аккуратно и четко.

Макрон покачал головой:

– В другой раз. Я, собственно, в нем и не сомневался. Как-никак он из Рима, имеет столичное образование. Это ему сейчас здорово помогает, так ведь, Катон?

– Да, командир, – ответил тот с легким недоумением.

– Вот и прекрасно. – Макрон побарабанил пальцами по колену. – Но пришел я сюда с другой целью. Писанина – дело, конечно, ответственное, но придется тебя от нее оторвать. Завтра утром намечается рейд в одно варварское поселение. Тамошний вождь отрезал римскому сборщику налогов язык. Похоже, этот смутьян связан с вольными дикими племенами и хочет переметнуться на ту сторону Рейна. Так или иначе, Веспасиан посылает третью когорту, чтобы арестовать зарвавшегося вождя, а заодно конфисковать все имеющееся в селении золото, серебро и драгоценные камни. В возмещение ущерба, нанесенного римлянину и римской казне. – Он pokrивился. – Мы тут вроде бы ни при чем, однако одного из центурионов третьей когорты сегодня лягнул мул. Да так, что беднягу без сознания отнесли к лекарям, а его опцион, как назло, приболел еще раньше. Мне приказано взять под начало оставшуюся без командиров центурию, а тебе пора набираться командирского опыта. Короче, ты едешь со мной.

– О! Будет сражение, командир?

– Сомневаюсь. А что?

– Просто мы еще не упражнялись с настоящим оружием.

– Ну, не беда. Возьми, чего не хватает, у кого-нибудь из ребят, хотя в этом походе боевое оружие вряд ли понадобится. Эти германцы драться не будут: как увидят легионеров, так

отдадут что угодно, лишь бы мы поскорее ушли. Мы просто маршем добежим до селения, произведем арест, реквизируем, что сумеем найти, и уйдем. К ночи уже будем дома.

– К ночи? – Катон не сумел скрыть разочарования, поскольку надеялся, что эта вылазка к варварам отдалит его от не менее дикого перуджийца хотя бы на несколько дней.

– Не переживай, сынок, – добродушно сказал Макрон, неверно истолковав возглас Катона. – Чего-чего, а схваток на твоём веку будет достаточно, это я могу твердо тебе обещать. Однако отрадно, что ты так рвешься в бой. Какой прок от пугливых солдат, ведь война – это наша работа.

Катон заставил себя улыбнуться:

– Так точно, командир.

– Вот и славно! – Макрон ободряюще потрепал его по плечу. – Встретимся у северных ворот на рассвете. Будь в полном вооружении, в плаще и с провизией на день.

– Так точно, командир. Тогда, если никто тут не против, я бы лег сегодня пораньше.

Макрон повернулся к писцу.

– Ну, разумеется! – улыбнулся Пизон. – Первый боевой марш – это не шутка. Завтра тебе понадобятся все силенки. Иди отдыхай.

После того как дверь за юнцом затворилась, центурион посмотрел на писца.

– Ну, что скажешь?

– У него есть дар к канцелярской работе, твердый почерк, хорошая память. – Пизон умолк.

– Но? – поднял брови Макрон.

– Но как в солдате я в нем не уверен. Малыш слишком мягок.

– А чего же ты хочешь от парня, выросшего во дворце? В тепле, в сухости, на всем готовом? Но, заметь, большинству таких и недели в армии не продержаться, а он терпит, не ноет. Телесной закалки ему, может, и недостает, но все это возмещается крепостью духа. Сдается, в конце концов мы сумеем выковать из него полезного для армии человека.

– Тебе видней, командир.

– Мне-то видней, но ты так не думаешь, а, Пизон?

– Честно говоря, нет, командир. Усердие и терпение хороши в кабинете, но солдату приходится воевать, а одной силой духа много не навоюешь. – Пизон помолчал и добавил: – Поговаривают, что он трус.

– Да, я тоже слышал что-то такое. Но слухи есть слухи. За большинством из них, кроме злословия, ничего не стоит. Нам нужно дать пареньку шанс.

Пизона вдруг осенило.

– Вот оно что, командир. Выходит, дельце ожидается не такое уж плевое.

– Сам ведь знаешь, Пизон, каковы эти германцы: им только дай повод подраться. Я и вправду не думаю, что нас ждет серьезная заваруха, но кое-кого столкнуть лбами придется. А мне это даст возможность посмотреть, как поведет себя мой опцион.

– Если то, что о нем говорят, справедливо хотя бы наполовину, он задаст драла.

– А об заклад побиться не хочешь? – улыбнулся Макрон. – На пять сестерциев? Я знаю, ты можешь себе это позволить.

– Я-то могу, командир. Можешь ли ты?

– Пять сестерциев. – Макрон, игнорируя насмешку, поплевал на руку. – Ставлю пять на то, что Катон устоит. Ну, отвечаешь?

Помешкав секунду, Пизон хлопнул по ладони центуриона.

– Пять, говоришь? Пусть будет пять.

Глава 6

Холодная ночь подернула весь римский лагерь белым налетом. Пять сотен легионеров третьей когорты в тяжелых зимних плащах деловито строились по центуриям. Кусачий морозец давал себя знать, из ртов притопывающих ногами и потирающих руки солдат вырывались клубочки пара. Они отпускали шуточки и добродушно переругивались с бойцами других когорт, пришедшими поглазеть на вынужденных куда-то тащиться товарищей и весьма довольными тем, что на сей раз этот жребий их миновал. Командиры центурий стояли чуть поодаль от рядовых, и Катон без труда высмотрел среди них плотную фигуру Макрона.

– Это твой парень? – спросил сосед.

Макрон кивнул.

– Больно уж он молод для опциона.

– Посмотрим, – буркнул Макрон и пошел к остановившемуся невдалеке грамотею. Нескладному, долговязому, в плохо сидящем плаще и безобразно короткой тунике.

Он медленно обошел вокруг юноши, потом толчком руки заставил его задрать подбородок, чтобы проверить, застегнут ли удерживающий шлем ремешок.

– Сойдет. Так вот, пока мы не вернемся в лагерь, держись строго рядом со мной. Не смей отходить от меня ни на шаг. Ни вправо, ни влево. Ты понял?

– Так точно, командир.

– А сейчас двигай к шестой центурии, последней в строю. Жди меня там.

– Командир?

– Что еще?

– Нам еще долго стоять тут?

– Тебе уж не терпится? – Макрон покачал головой. – Не долго, парень, мы просто ждем трибуна.

Один из центурионов плюнул на промерзшую землю.

– Ручаюсь, этот ублюдок еще в постели.

– Сомневаюсь, – отозвался Макрон. – Небось уже залезает в седло и видит себя нестигаемым римским героем. Легат неспроста поручил командование ему. Вителлию надо хоть где-нибудь отличиться. Дельце-то плевое. Такое трудно испортить.

– Макрон, старина, ты недооцениваешь штабных крыс. Они могут испоганить все, что угодно. Верь не верь, но их головы растут прямо...

Откуда растут головы у штабных офицеров, Катон не услышал, ибо уже подходил к шестому по счету штандарту.

– Ты опцион Макрона? – спросил знаменосец.

– Да.

– Он говорил, что у него новый парнишка, но мы и думать не думали, что это настолько буквально.

Катон покраснел, не зная, что тут сказать.

– Ты, малый, держись поближе к центуриону да ко мне, и все будет в порядке, – посоветовал знаменосец и взял штандарт поровней.

К штандартам своих центурий двинулись и остальные опционы, переговариваясь с солдатами и выравнивая ряды. Неожиданно, как по сигналу, на плацу воцарилось молчание, когорта подобралась и, готовая выступить, замерла. Солнце расчистило витавший над головами туман и омыло колонну слабо-оранжевым светом.

Легионеры, коченея от холода, ждали, томительные минуты текли и текли.

Наконец за их спинами послышался стук конских копыт, и Катон, повернувшись, увидел приближавшегося к когорте всадника – в красном плаще, с высоким плюмажем над шлемом.

Завидев его, центурионы неторопливо разошлись по центуриям. Вителлий рысцой проехал мимо колонны и без какой-либо заминки направил коня в проем спешно открытых ворот. Прозвучала команда, и ведущая центурия тронулась с места, за ней поочередно потянулись другие. Когда арьергард пятой центурии пришел в движение, Макрон приосанился, досчитал в уме до десяти и проревел: «Шагом марш!»

Катон, уже вышколенный бесконечной муштрой, автоматически отреагировал на приказ и легко взял ритм марша. Подбитые гвоздями солдатские сапоги гулко грохотали по каменным плитам плаца, однако за пределами крепости топот сделался приглушенной, хотя темп движения не замедлился ни на миг. Солнце еще не успело набрать высоту, и от шагающих в ногу солдат на опущенную инеем пустошь ложились длинные тени. Грунтовка была неровной, изрезанной колеями, но это пока не мешало ходьбе, ибо за ночь дорожная грязь промерзла и затвердела. Несмотря на холод и легкий мандраж, Катон внутренне радовался тому, что уходит от лагеря все дальше и дальше, ведь там оставались и Бестия с его тростью, и Пульхр. Целый день, подумать только, целый огромный день он будет недосягаем для них.

Голова колонны перевалила через небольшую возвышенность, и, когда шестая центурия поднялась на нее, Катон бросил через плечо взгляд на крепость. Он увидел длинную стену, над которой теснились красные черепичные крыши внутренних зданий и к которой снаружи лепилась масса пристроек – кабачков, лавок, борделей и просто лачуг. Темневшая впереди линия обозначала собой край пространства, отвоеванного римскими инженерами у древнего, раскинувшегося по всей Германии леса – там мрачно и грозно вздымались высокие сосны и могучие вековые дубы. Вступая под их сень, Катон невольно поежился, вспомнив об участии трех римских легионов, которых честолюбивый и храбрый, но слишком самонадеянный военачальник Вар около тридцати лет назад завел в такие же дебри. Более пятнадцати тысяч римлян сложили там тогда головы и были брошены германцами гнить в угрюмом сумраке, под пологом плотно переплетенных ветвей.

Когда кроны деревьев сомкнулись над тропой окончательно, солдаты притихли. Многие принялись настороженно озираться по сторонам, и Макрон мог их понять. Здешний лес, темный, угрюмый, непроницаемый, был им чужд и враждебен, ибо ничуть не походил на живописные рощи цивилизованных мест. Да и что с них взять, если даже сами варвары боялись забредать в эту глушь, где, по их представлениям, обитала всякая нечисть и блуждали души не обретших достойного погребения мертвецов. И сама тропа, точнее, просека, по которой маршировала когорта, была прорублена отнюдь не туземцами, а римлянами, но те, видать, тоже побаивались беспросветной чащобы, поскольку проложенная ими тропа даже отдаленно не напоминала прямые, как стрелы, дороги Рима. Она прихотливо петляла среди толстых древесных стволов, ясно давая понять, что порубщики торопились покончить с работой и не тратили время на раскорчевку особенно гиблых участков, а обходили их стороной.

Время шло, сумрак над головами сгущался все более, и Катон, ощутив, как вдоль хребта его проскользнула струйка холодного пота, решился нарушить молчание:

– Командир?

Макрон, размеренно шагавший по промерзшей земле, повернул голову:

– В чем дело, парнишка?

– Далеко ли еще до деревни, командир?

– Ты хочешь знать, когда мы выберемся из чащи? – улыбнулся Макрон.

– Да, командир.

– Через несколько миль деревья вокруг поредеют, а к полудню мы доберемся до места.

Не беспокойся, все эти заросли только кажутся страшными, а на деле они вполне безобидны.

– Но... вдруг на нас нападут?

– Нападут? – усмехнулся Макрон. – Кто? Уж не те ли придурки, к которым мы собрались наведаться? Боязливые, простодушные землепашцы? Да им это и в голову не придет. Конечно,

есть и воинственные германцы, но ближайšie шайки таких варваров шастают по тому берегу Рейна, а это от нас далеко. Так что успокойся, малыш, а то наши девочки начнут нервничать. – Макрон ткнул пальцем в легионеров, и те насмешливо загоготали. Катон покраснел и умолк.

Когда наверху наконец стало нет-нет да и поблескивать солнце, непреложно свидетельствуя, что чашоба заканчивается, солдаты несколько приободрились, и вскоре над неуклонно ползущей к своей цели колонной вновь повисло облако привычного для таких переходов бездумного гомона. Слышались шутки, смех и беззлобная брань.

Мало-помалу лес расступился, и колонна вытекла на освещенную зимним утренним солнцем открытую местность. Теперь вокруг потянулись примитивные, сложенные из торфяных брикетов лачуги, над которыми вились струйки дыма. Но ни людей, ни скота возле них видно не было, хотя откуда-то издали доносилось отдаленное блеяние и мычание. Редкие, не успевшие убраться с дороги селяне останавливались и молча смотрели на римлян. На их темных морщинистых лицах нельзя было прочесть ничего.

– Дружелюбные ребята, а? – заметил знаменосец.

– Похоже, мы им не в диковинку, – отозвался Катон. – Я представлял их себе не такими.

– А какими же ты их себе представлял?

– Рослыми, злобными и воинственными. Так говорят о них в Риме.

– Так и есть, – сказал знаменосец. – Их воины именно таковы. А это всего лишь мирные землепашцы. Они везде одинаковы. Страшатся солдат и стараются не высовываться. За каждой дверью, – он кивнул на хижину, мимо которой они проходили, – сидит целиком все семейство и молится, чтобы мы поскорее прошли.

Тут от головы колонны по цепочке прошел приказ встать. Легионеры замерли, ожидая дальнейших приказов. Вскоре центурионов кликнули к командиру когорты, и Макрон, находившийся дальше всех от места сбора, припустил туда легкой рысцой. Вителлий ожидал подчиненных на гребне возвышенности, и Катон предположил, что, перевалив его, дорога пойдет вниз. Совещание было недолгим, и центурионы опять побежали к своим бойцам. Увидев вопрос в глазах знаменосца и оптиона, Макрон улыбнулся:

– Нужное нам поселение находится за возвышенностью. Трибун хочет обойтись без лишней шумихи. Он берет с собой только первую центурию. Остальные должны выстроиться на гребне, у всех на виду. Для вразумления тех, кто решит заартачиться.

– А почему мы идем не все, командир? – спросил Катон. – Зачем нам делить отряд?

– Потому что таков его приказ, парень, – отрезал Макрон, но тут же смягчился. Все-таки оптион, при всей своей неопытности, задал вполне разумный вопрос. – Трибун не хочет слишком уж раздражать местных жителей. Мы просто возьмем под стражу их заправилу, соберем ценности и уйдем. Если к ним нагрянет большой отряд, они могут перепугаться и наделать глупостей.

– Наделать глупостей? Но... каких?

– Хрен их знает, – лаконично ответил Макрон и пожал плечами, давая понять, что тема закрыта. – Не думаю, что кучка крестьян может наброситься на регулярную римскую когорту. Но в любом случае приказ есть приказ. А! Дело пошло! Ступай-ка на место.

Вителлий во главе первой центурии исчез за холмом, а остальные подразделения потекли вправо и влево по его гребню. Шестая центурия, выждав, когда они разойдутся, заняла место в центре полукольца, и Катон, державшийся, как ему было велено, возле центуриона, оказался перед солдатским строем глубиной в четыре шеренги, развернутым по фронту на сто шагов. Дорога дальше, как он и думал, плавно сбегала по пологому склону к излучине вытекавшей из леса реки.

Размер поселения его поразил. Он ожидал увидеть жалкую кучку кособоких лачуг, обнесенных убогим плетнем, но вместо этого его взору предстали сотни вполне добротных – где каменных, где деревянных – строений, окруженных заполненным водой ровом и высоким зем-

ляным валом. По обе стороны от закрытых ворот дыбились две башни, господствовавшие над узким подъемным мостом. От гребня холма и до моста было добрых полмили, и, пока когорта перестраивалась, первая центурия успела преодолеть лишь половину этого расстояния. На первый взгляд казалось, что поселение почти не отреагировало на появление римских солдат, лишь две-три фигурки с явной ленцой поднялись на оборонительный вал поглазеть на пришельцев.

Все выглядело так мирно, что бойцам резерва было позволено перекусить, и солдаты полезли в свои вещевые мешки. Катон тоже достал полоску вяленой говядины и вонзил зубы в жесткое, но весьма пахучее мясо. Поход по морозцу пробудил в нем аппетит, и он энергично работал челюстями, не забывая при том любоваться развернутой перед ним панорамой. Неожиданно внимание его привлекло движение на дальней стороне поселения. Три фигурки с копьями и щитами бежали к лесной опушке. Юноша обернулся и увидел, что там, где минут пять назад едва курились тощие струйки дымков, теперь к ясному небу поднимается густой столб грязновато-серого дыма.

– Командир! – окликнул он Макрона. – Взгляни-ка!

– Что?

– Там, командир! – Катон показал пальцем, где. – Там бегут люди. Вооруженные люди.

– Да, бегут, – согласился Макрон.

– Что нам следует теперь делать?

– Делать? – Макрон призадумался. – Да ничего. Они слишком далеко, чтобы что-нибудь предпринять. К тому же их всего трое.

– Может быть, нужно доложить о них трибуну?

– Нет смысла, – пожал плечами Макрон.

Катон умолк, наблюдая, как трое вооруженных людей пересекают поле и исчезают среди деревьев. Вителлий тем временем подвел центурию к мосту, переброшенному через ров, и повелительно взмахнул рукой. Кому он махнул, видно не было, но ворота тут же открылись, и центурия прошла внутрь поселения, чтобы скрыться из виду среди тесно стоящих строений и вскоре вынырнуть на большой площади, доминантой которой являлся большой каменный дом. Остановив перед ним колонну, Вителлий в сопровождении двух солдат двинулся к его главному входу, где их уже поджидала вышедшая на крыльцо высокая женщина с длинными льняными волосами. Хотя до вершины холма, разумеется, не долетало ни слова, да и видимость на таком расстоянии оставляла желать лучшего, однако можно было понять, что между трибуном и рослой селянкой затеялся спор.

– Я думал, командир, что нас послали арестовать их вождя, – заметил Катон.

– Так оно и есть, малый, – с досадой отозвался Макрон. – Я не пойму, зачем он зря тратит время? Зимой темнеет рано, и каждым светлым часом надо бы дорожить. – Он уставился на небо, увидел, что солнце уже посматривает в сторону горизонта, и заключил: – Мало радости маршировать домой в темноте.

Катон непроизвольно оглянулся на темневший вдалеке лес. «Если там страшно и днем, – подумал он, – то что говорить о ночи?»

– Командир, если стемнеет, не лучше ли нам обойти эту чащу?

Макрон покачал головой:

– Слишком далеко. Кроме того, если понадобится, мы будем освещать себе путь факелами. Ты ведь не боишься, а, парень?

– Никак нет, командир.

– Вот и молодец. Продолжай в том же духе, – сказал Макрон с облегчением и чуть было не прибавил: «Береги мои денежки, обормот!»

Внизу, в поселении, спор завершился тем, что Вителлий взмахнул рукой и два солдата заломили женщине руки. Группа легионеров ворвалась в большое здание и очень скоро вер-

нулась, отягощенная весьма вместительным сундуком. Поставив добычу рядом с трибуном, солдаты двинулись к следующему строению и вломились туда.

– Похоже, вождь, за каким мы явились, смекнул, что его ждет, и вовремя смылся, – заметил Макрон с демонстративным зевком. – Эта бабенка его не заменит, зачем она нам?

– Возможно, она из тех краль, какие трибуну по вкусу, – заметил вполголоса знаменосец. – Говорят, он знает в них толк.

– Это его личное дело, но лучше бы он не тратил служебное время на баб. А тем паче – мое. Да еще в эту жуткую стужу.

– Командир! – вдруг воскликнул Катон. – У ворот что-то творится! Кажется, их закрывают! Взгляни!

И действительно, крепостные ворота по непонятной причине стали медленно закрываться, а узкий подъемный мост с той же неспешностью пополз вверх. Центурион ощутил, как по спине его побежали ледяные мурашки, не имеющие ничего общего с начинающим задуть ветерком. Он перевел взгляд на площадь, но legionеры первой центурии, по-видимому ни о чем не подозревая, продолжали обшаривать дом за домом. Потом его внимание привлекло слабое, едва уловимое движение за дальним краем деревни. Лес, темнеющий там, словно бы начал отбрасывать предзакатную тень. Но этого быть никак не могло, ведь солнце стояло еще высоко, и потом лучи его били в спину когорты.

– Катон! Глаза у тебя помоложе. Что там происходит? – Центурион ткнул рукой в сторону дальнего леса.

Какое-то время Катон колебался, ибо плавающее над низиной марево смазывало все очертания. Однако очень скоро размытые тени стали обретать некую четкость.

– Думаю, командир... это люди. Вооруженные. – Он с тревогой посмотрел на Макрона. – Германцы?

– А кто же? – буркнул Макрон. – Кому тут быть, кроме них?

– А как же наши... в деревне? – не унимался Катон. – Они ведь их не видят.

– Я знаю, парень. Знаю.

Все больше и больше солдат замечали опасность, по строю пошел встревоженный гул.

– Тихо, там! – взревел Макрон. – Заткнитесь и стойте смирно!

Привычные к дисциплине legionеры беспрекословно повиновались. К дороге, пытаясь приблизиться оставленный ускакавшим трибуном за старшего командир второй центурии Квадр.

– Макрон! Ты их видишь?

– Да.

– Не лучше ли нам спуститься с холма и присоединиться к своим?

– Нам было приказано стоять здесь, – решительно возразил Макрон. – И никуда не двигаться без сигнала трибуна.

– Так-то оно так, но боюсь, что оттуда не видна эта свора. – Квадр ткнул пальцем в сторону быстро шагавших к деревне германцев.

– Если мы спустимся, то тоже будем в ловушке, – сказал Макрон. – Надо предупредить их и ждать.

Квадр посмотрел на товарища, потом кивнул и, сложив чашкой ладони, выкрикнул:

– Знаменосцы! Тревога! Дайте сигнал!

Пятеро знаменосцев пяти резервных центурий, высоко вскинув штандарты, принялись конусообразно вращать их. Макрон опять посмотрел на деревню. Солдаты первой центурии, ни о чем не подозревая, продолжали вытряхивать ценности из домишек селян.

– Ну же, ну же! – бормотал Квадр. – Кто-нибудь! Гляньте же вверх... идиоты!

Наконец один из солдат указал копьем на гребень холма, и Вителлий повернулся в седле. На какой-то момент он застыл, потом привстал в стременах и что-то крикнул своим подчинен-

ным. Солдат, первым заметивший тревожный сигнал, умчался с площади и вскоре появился на одной из надвратных башен. В тот же момент двери домов распахнулись, и на улицы поселения высыпали люди, окружая римский отряд. Легионеры, сомкнув щиты, стали пятиться назад, к воротам. Варвары принялись осыпать отступавших градом камней, но в воздух взлетели копья. Их острия поразили около полудюжины нападавших, остальные ретировались в проулки. Центурия без потерь покинула площадь и на какое-то время скрылась из виду.

Зато германцы, выбежавшие из леса, были теперь видны достаточно хорошо.

– Сколько их?

– Три, может, четыре тысячи, – предположил Квадр.

Макрон покачал головой:

– Нет, это слишком. Скорей всего, три.

– Вителлию надо бы поторопиться.

– До них еще добрых две мили. У трибуна достаточно времени, чтобы пробиться через ворота и подняться сюда.

– Ну поднимется он, а что потом?

– Не знаю, – Макрон пожал плечами. – Это решать ему. Наше дело – ждать, а там будет видно.

Катон с изумлением воззрился на двух командиров. Как могут они сохранять такое спокойствие, в то время как их товарищам грозит гибель, да еще прямо у них на глазах? И когда когорте предстоит столкновение с шестикратно превосходящим ее в численности врагом!

Ему вдруг отчаянно захотелось с криком «Спасайся, кто может!» пуститься стремглав наутек, однако он, стиснув зубы, подавил в себе этот порыв. Отчасти из стыда, отчасти из боязни в одиночку плутать потом по ужасному лесу. Катон шмыгнул носом, потом нервно проверил, на месте ли меч, и, покосившись на командиров, затих.

На одной из надвратных башен тем временем произошла стычка. Кучка варваров набросилась на посланного туда Вителлием легионера. Римлянина пронзили копьями и сбросили его тело в ров.

– Командир!

– Вижу, парень! Я не слепой.

Блеск металла и еле слышное лязганье обозначили прибытие первой центурии к закрытым воротам. Там завязалась схватка. Германское воинство неуклонно приближалось к деревне, угрожая захлопнуть капкан.

– Запахло жареным, – пробормотал Квадр. – Похоже, у нас на носу отступление с боем, и лучше бы к этому подготовиться. Я велю остальным центуриям построиться на дороге. А ты, Макрон, стой здесь и прикрывай наши жопы.

– Ладно, – кивнул Макрон. – Но ты все же поторопись.

Квадр, громыхая доспехами, покатился вдоль рассредоточенной по всему гребню когорты, и вскоре центурии одна за другой стали сворачиваться и подтягиваться к дороге. Макрон же, напротив, приказал своей шестой спуститься на десять шагов ниже и сгруппироваться в заслон на случай возможной атаки со стороны поселения и реки. Ворота внизу наконец распахнулись, вздыбленный мост упал, и Вителлий проскакал по нему, остальные поспешили за ним. Небольшая кучка германцев пустилась было вдогонку, но отступавшие римляне осыпали бунтарей дротиками, чем вмиг охладили их пыл.

Как только центурия благополучно выбралась из деревни, Вителлий прищепил коня и поскакал вверх по склону к Макрону.

– Что, разрази вас Юпитер, здесь происходит? – сердито выкрикнул он, осаживая нервно всхрапывающего гнедого. – Где остальные бойцы?

– Квадр строит их на дороге, командир, – отчеканил Макрон.

– Зачем? Испугался кучки грязных варваров? Сейчас я верну когорту обратно, и мы спалим вонючую деревеньку дотла!

– Командир! – прервал трибуна Макрон. – Взгляни для начала на обстановку?

– Что? Куда?

– Туда, командир.

Вителлий обернулся в седле и на какое-то время оцепенел, заведя лавину германцев. Присмотревшись к неудержимо катящемуся от дальнего леса потоку, он побледнел, осознав в одно мгновение то, что успели уже уразуметь командиры резерва: при таком соотношении сил надежд на победу у римлян практически нет.

– Дистанция между нами и ними пока еще достаточно велика. Пожалуй, выставив арьергард, мы сумеем добраться до леса, а там нас взять будет много трудней.

– Полагаю, командир, Квадр имел в виду именно это, когда стал сворачивать наших.

– Хорошо. Ты останешься здесь. Когда первая центурия подтянется, пропусти ее, пусть догоняет колонну и пристраивается в хвосте. Сам будешь отходить, когда мы сойдем с холма.

Вителлий бросил еще один взгляд на врагов.

– Они еще не дошли до деревни. Если повезет, мы сможем от них оторваться. Ну а ты, центурион, надеюсь, знаешь, что делать. Приказ ясен?

– Так точно, командир!

Макрон отсалютовал трибуну, и тот, повернув коня, поскакал к гребню холма. Когда он скрылся из виду, Катон обратился к центуриону:

– Что теперь будет?

– То, что сказал трибун. Быстро отступим к лагерю, вот и все.

Катон, однако, боялся, что все так просто не кончится. Какое-то внутреннее чутье подсказывало ему, что худшее еще впереди. Чтобы не застонать, юноша прикусил губу и мысленно выбралил втравившего его в эту историю командира. Обещанная ознакомительная прогулка по местности вылилась в то, что ему придется теперь отбиваться от целой своры германцев, в своей свирепости явно не уступавших ни Пульхру, ни Бестии. «Ты и служишь-то всего месяц, – с горечью подумал Катон, – а люди, похоже, уже выстраиваются в очередь, чтобы тебя укокошить».

Когда запыхавшиеся солдаты первой центурии поднялись к гребню, бойцы шестой расступились, чтобы их пропустить. Макрон уже собирался отдать своим людям приказ перестроиться и сформировать тыловое прикрытие, когда со стороны головы колонны донесся яростный рев.

Еще одна орда варваров, выплеснувшись из-за дальней дубравы, мчалась через поля с явным намерением отрезать когорте путь к отступлению. Только сейчас Катон с ужасающей ясностью понял, что произошло. Трое гонцов, понесшихся к лесу, сигнальный дымовой столб – все это было элементами коварного плана белокурой бестии, которая, скорее всего, и являлась вождем этих ужасных, воинственных и лишь притворявшихся мирными землепашцами дикарей. «Хитра, стерва», – с долей легкого одобрения подумал Катон и вдруг осознал всю безнадежность положения римлян. Ужас пронзил его, волосы зашевелились на голове, и он с робкой надеждой устремил взгляд на всегда спокойного, уверенного в себе Макрона, но тот, похоже, тоже дал сбой. Центурион воззрился на громко вопящее засадное воинство, потом повернулся к молчаливо шагавшим к деревне германцам и упавшим голосом, пробормотал:

– Ох, ни хрена себе! Вот уж влипли так влипли. Прямо в дерьмо – и по самое то!

Глава 7

Римский лагерь после ухода третьей когорты зажил привычной для себя жизнью, определяемой раз навсегда установленным распорядком. Новобранцы под присмотром старого доброго Бестии топотали по плацу, командир пятой когорты готовился вывести своих людей за стену для ежемесячного тренировочного марш-броска. Впрочем, сегодня в эту колонну, наряду со строевыми бойцами, встали также писцы и кладовщики. Эти каналы, разумеется, ворчали и жаловались, но открыто протестовать никто не смел.

Наблюдая с балкона, как пятая с втиснутым между третьей и четвертой центурией подразделением, составленным из штабных и складских крыс, марширует по виа Претория, Веспасиан не мог сдержать довольной ухмылки. Второй легион Августа был первым доверенным ему легионом, и он твердо намеревался сделать его лучшим в империи, несмотря на все брюзжание так называемой подпольной армейской элиты. Всем поголовно, и людям, и животным, придется основательно попотеть, дабы как следует подготовиться к военной кампании, назначенной на будущий год. Как-никак речь идет о транспортировке с использованием морских судов, а пехотинцы, как известно, не испытывают доверия даже к простым понтонам и прочим мелким плавсредствам в виде, скажем, лодок или плотов. Кроме того, устоявшаяся гарнизонная жизнь на протяжении нескольких лет многих расслабила и разленила. Потягивая вино из чаши, Веспасиан усмехнулся еще раз. Полевые и строевые занятия для писцов – это только начало. Отныне частота проведения марш-бросков и упражнений с оружием будет неуклонно расти, и отвертеться от них не сможет никто. Ни повара, ни конюшие, ни обслуга, ни прочая легионная шелупонь.

Когда хвост колонны прополз мимо штаба, Веспасиан покинул балкон и, вернувшись в свой кабинет, начал с того, что плотно закрыл ставни. На большом рабочем столе были разложены заказанные им вчера копии документов, относящихся к передислокации легиона. Примерная схема маршрута, перечень складов, готовых снабжать военную экспедицию припасами, снаряжением и т. п. Отдельно от копий лежало уведомление о прикомандировании к легиону специалистов по комбинированным десантным операциям. Подлинник приказа, вместе с другими депешами конфиденциального свойства, был надежно схоронен в стоявшем под столом сундуке. Веспасиан перечитывал его многократно и успел выучить наизусть, однако он опять снял с шеи ключ и отомкнул замок. На свитке все еще были видны вьевающиеся в пергамент следы красной имперской печати. Другой свиток, поменьше, содержал закодированные пояснения к первому и особое сообщение, о каком никто, кроме легата, не должен был знать.

Веспасиан помешкал, потом со страдальческой миной запихнул императорскую шифровку вглубь сундука и вытащил большой свиток. Он распластал его на столе, отпил еще глоток теплого вина и вновь пробежал глазами по тексту.

Второму легиону Августа – совместно с еще тремя легионами и тридцатью вспомогательными когортами – предписывалось будущим летом вторгнуться в Британию. Обозначив суть дела, имперский писец, очевидно смущенный таким лаконизмом, пустился в пространные рассуждения о важности этой миссии для вящего прославления Рима, а также императора Клавдия, решившего, несмотря на неудачную попытку Юлия Цезаря, протянуть руку помощи прозябающим в варварстве дикарям.

Протянуть руку помощи. Веспасиан усмехнулся. Клавдия возвели на трон преторианцы, без их поддержки он, несомненно, стал бы жертвой последовавшей за убийством Калигулы жестокой резни. Императором-то Клавдий сделался, но популярности не обрел. В его соответствии столь высокому званию сомневались даже плебеи. И было совершенно очевидно, что предстоящую кампанию затеяли лишь для того, чтобы придать образу нового императора героический ореол. Быстрая победа, блистательный триумф и продолжительные празднества

в Риме должны были укрепить шаткую власть Клавдия, превратив его из объекта насмешек в кумира переменчивой римской толпы.

Писец утверждал, что для быстрого и успешного завершения военных действий выделенных подразделений более чем достаточно, ибо, судя по донесениям лазутчиков, армия Рима едва ли встретит в Британии сколь бы то ни было серьезное сопротивление. Разве что со стороны мелких банд дикарей. Силы вторжения легко пресекут любые попытки организованного отпора, после чего им останется лишь установить контроль над разрозненными племенами. С помощью дипломатии или силы.

– Дипломатии или силы, – повторил Веспасиан вслух и устало покачал головой. Только человек, отроду не видавший живого варвара, мог мыслить столь плоско. Те же, кому хотя бы раз доводилось сталкиваться с дикарями, мигом осознавали, что на дипломатию в отношениях с ними надежда плоха. А уж британцы вообще вряд ли способны выговорить столь мудреное слово, не говоря уж о том, чтобы постичь его смысл.

Однако столичным интерпретаторам записей Цезаря все было нипочем. Они без зазрения совести характеризовали бриттов как дикий, не ведающий строя и дисциплины, плохо вооруженный сброд, окружавший свои селения примитивными земляными насыпями и шаткими частоколами. Из этого следовало, что потери в походе должны быть невелики. Урон сторицей окупится многочисленными трофеями и захваченными рабами. Последнее Веспасиану предписывалось довести до сведения всего личного состава легиона. По замыслу столичных умников, столь щедрый посул должен был сделать предстоящую передислокацию на далекий, таинственный туманный остров не столь пугающей. Правда, в этом месте, похоже, писец смекнул, что переслащивает пилюлю, и завершил депешу рутинной рекомендацией неукоснительно блюсти воинскую дисциплину и поддерживать в каждом солдате неугасимый римский дух. Ниже следовал график передвижения войск.

Отложив документ в сторону, Веспасиан допил остававшееся в чаше вино и устался на покрывавшие стол вороха писанины. «Та еще авантюра», – подумал он. Привлечение огромных людских и материальных ресурсов, организация бесперебойного снабжения, постройка и наем флота, подготовка армии к переправке и высадке на незнакомую территорию. И это не говоря уже о таком пустяке, как проведение самой кампании и последующих организационных мероприятий по созданию на пустом месте новой провинции с системой ее повседневного управления. И чего ради? В депеше, правда, говорилось, будто на острове имеются огромные запасы золота, серебра и особенно олова, но посещавшие бриттов купцы отзывались об их стране как об убогом варварском захолустье. Никаких тебе больших городов или уютных цивилизованных поселений. Только пьяные дикари да косматые безобразные бабы. Вряд ли они явятся для империи ценным приобретением. Но, так или иначе, Рим опять выступит в роли завоевателя новых земель, а это уже кое-что. Многие честолюбивые замыслы воплощались в реальность именно после победоносных походов. Веспасиан четко осознавал, что для успеха на политическом поприще ему желательно обрести славу блестящего полководца. Завоевание Британии – отличный плацдарм для этого. «Так что предстоящая акция, – подумал с улыбкой он, – устраивает всех. Кроме разве что аборигенов».

Что касается аборигенов, то и здешние доставляют немало хлопот. Прежде чем оставить крепость на попечение смешанного, переводимого сюда из Македонии гарнизона, волей-неволей ему, как легату, придется уладить некоторые вопросы. Большая часть их относилась к земельным спорам между племенами и никаких сложностей в себе не таила, а самой неприятной проблемой сейчас занималась третья когорта. Оставшийся без языка мытарь подал прошение на имя наместника, запросив в возмещение ущерба непомерную денежную пеню. Или голову взбунтовавшегося вождя. Ничто другое его не устраивало. Памятуя о том, что урожай в этом году выдался скудный, Веспасиан предложил в качестве возмещения ограничиться урезанием мятежному варвару языка. Однако сборщик налогов, галл по происхождению, изъяс-

нявшийся на латыни столь плохо, что, утратив дар речи (Веспасиан вновь усмехнулся), почти ничего не терял, настаивал на казни германца или на немыслимой денежной компенсации. В конце концов Веспасиан поручил разобраться с местными баламутами Вителлию, благо такое задание было вполне по нему.

Веспасиан не испытывал к своему старшему трибуну теплых чувств, хотя на первый взгляд это могло показаться странным. Вителлий был человеком уравновешенным и общительным. Выпивал он крепко, но никогда не упивался вдрызг, что же до его всем известного пристрастия к женскому полу, то это качество легат находил естественным для солдата и заслуживающим лишь одобрения. Кроме того, Вителлий охотно принимал участие в спортивных играх и состязаниях, а колесницей правил так, словно родился с вожжами в руках. Если у него и был порок, то только тяга к азартным играм, однако и здесь он умел вовремя остановиться, никогда не заходя за ведущую к катастрофе черту. Ему было присуще умение обзаводиться друзьями, имеющими политический вес, и при всех этих качествах служба в прославленном легионе открывала перед ним блестящие перспективы. Интересно, что с ним станет дальше, как высоко он взлетит?

Задав себе этот вопрос, Веспасиан вдруг осознал истинную причину своей неприязни к трибуну. Вителлий не нравился ему не как человек, а как соперник в будущих политических играх. Ну и прекрасно, пусть все идет как идет.

Оно бы, конечно, и шло без помех, если бы не императорская шифровка, доставленная ему специальным нарочным недель пять назад. В ней сообщалось, что, по имеющимся у императора сведениям, в командном составе Второго легиона скрывается человек, причастный к заговору Скрибониана. Как только арестованные заговорщики поделаются с дознавателями информацией, легату сообщат его имя, дабы он, легат, незаметно, без лишнего шума сего изменника обезвредил. Даже тут, покривился внутренне Веспасиан, они не хотят называть вещи своими именами. Никто информацией с ними не делится, ее выбивают в пыточных палачи. А обезвредить – значит убить, но им это неприятно. Лучше сказать *обезвредить*, легат все поймет. А для подогрева этой понятливости Веспасиану еще сообщали, что в его лагере пребывает по меньшей мере один секретный имперский агент. С приказом оказывать ему необходимую (какую и каким образом?) помощь.

Все это было крайне некстати, особенно с учетом того, скольких сил и внимания требовала подготовка к походу. Если власти хотят, чтобы армия действовала эффективно, каждый солдат, включая военачальника, должен иметь возможность полностью сосредоточиться на военных задачах, а не на политических дрязгах. А теперь волей-неволей ему придется смотреть с подозрением на каждого из своих командиров. Во всяком случае до тех пор, пока какой-нибудь бедолага в тюрьме Маммертин не сообщит наконец своим мучителям имя сообщника. Втайне Веспасиан надеялся, что таковым окажется старший трибун: это явилось бы славным решением многих проблем.

Налив себе еще вина из подогревавшегося над светящимися угольками жаровни кувшина, легат принялся смаковать терпкую горячую влагу, сокрушаясь о том, что для Вителлия не нашлось задания поопаснее, чем прогулка в соседнюю деревеньку.

Глава 8

Конь трибуна с топотом подскакал к аррьергарду когорты и вздыбился. Вителлий, выбросив вперед руку, указал на деревню:

– Макрон! Возвращайся туда!

– Командир?

Макрон позволил себе удивиться, ибо решил, что его посылают сдержать бегущую к деревне орду.

– В поле нас перебьют! Нужно занять укрепление!

Макрон просиял:

– Есть, командир!

– Вломись в деревню и закрой дальние ворота.

– Есть, командир.

– Не останавливайся ни перед чем. Не мешкай! Ты понял?

– Так точно, командир.

Макрон повернулся к центурии, а Вителлий, резко прищипорив коня, унесся обратно. Издалека донеслось его рявканье: «На два счета! Легионеры! Кругом!»

Макрон схватил Катона за руку:

– Держись рядом. Что бы там ни было.

Катон кивнул.

– Ребята, за мной. Бегом, марш!

Шестая бросилась вниз. Тяжело дыша, пыша паром и без малого двумя сотнями глаз оценивая расстояние между лавиной варваров и деревней. Даже Катон, при всей своей неопытности, видел, что враг доберется до дальних ворот раньше них. И что тогда? Жестокая схватка на грязных узких улочках и верная смерть? Причем это в лучшем случае, ибо, если из всех рассказней о германцах правдиво хоть что-то, смерть стократ предпочтительней плена. Амуниция новобранца немилосердно тряслась, ножны подпрыгивали, и Катон, держа в одной руке копье, а в другой щит, изо всех сил старался пресечь их попытки оказаться у него между ног. А тут еще шлем (одного на всех размера, чтоб им всем сдохнуть!) стал наезжать ему на глаза, и он резко вскидывал голову, чтобы хоть что-нибудь перед собой различать.

Бросив беглый взгляд через плечо, Макрон увидел, что когорта неспешным маршем переваливает через гребень, и одобрительно усмехнулся. У трибуна хватило ума не гнать парней, пусть поберегут силы для боя. Посмотрев вперед, он увидел, что мост опущен по-прежнему, а путь к воротам преграждает лишь небольшая кучка варваров, вооруженных чем попало. У многих не было даже мечей, лишь лопаты и вилы. Они растерянно глазели на римлян, удивленные тем, что те бегут не к лесу, а к ним. Приблизившись к мосту, Макрон набрал воздуха, выхватил меч и испустил такой яростный крик, что Катон в изумлении шарахнулся в сторону.

– Куда, дурачок? – крикнул центурион. – Я пугнул их, не тебя.

Как и ожидалось, неистовый рев его произвел должный эффект: германцы, вместо того чтобы встретить врага на подступах к мосту, повернулись и побежали, даже не попытавшись закрыть за собой створки ворот. Увидев тело товарища, валявшееся во рву, легионеры взвыли и на плечах бегущих ворвались в селение. В глаза Катону бросилось скопище грубых, в основном сложенных из камня домишек.

– Не отставай! – крикнул Макрон через плечо. – И кричи, не молчи!

Центурия завернула за угол и нарвалась на засаду. Дюжина волосатых людей со щитами и охотничьими рогатинами преграждала римлянам путь. По глупости защитники поселения сгруппировались в горловине проулка и были сметены чуть ли не раньше, чем Катон вообще их

заметил. Те, кого отбросили в стороны, уцелели, остальных затоптали. Легионеры бежали по скользким от крови телам, добивая пытавшихся встать ударами копий. Катон заметил, как Макрон ударил кого-то в лицо краем щита. Германец упал. Рот его искажился, но крика не было слышно. Что с ним случилось дальше, Катон не видел; подпираемый людской массой, он несясь вперед, сосредоточившись лишь на том, чтобы не отстать от Макрона, и растеряв весь свой страх. Краем сознания юноша отмечал, что рядом бежит знаменосец, скаля в усмешке зубы и со всей мочи выкрикивая: «Жми, парни! Жми!» «Боги, – подумал он отстраненно, – похоже, они и впрямь получают от этого удовольствие. Вот ведь глупцы!»

Неожиданно его вынесло на ту самую площадь, которая была видна с гребня холма. Завидев ревущих легионеров, селяне кинулись врассыпную.

– Оставьте их! – крикнул Макрон. – Никого не преследовать. За мной! За мной!

Он, не снижая темпа, бросился к самой широкой из улиц, уверенный, что она выведет его куда нужно. Путь впереди стремительно расчищался под хлопанье спешно закрывающихся дверей. Катон уже явственно видел ворота, вздымавшиеся над гребнями соломенных крыш, и тут в его уши влетело леденящее кровь завывание, настолько дикое и ужасное, что легионеры сбавили шаг.

– Не расслабляться, ублюдки! – заорал Макрон. – Живо вперед! Или нас всех перебьют!

Римляне поднажали и в последнем усилии одновременно с германцами подбежали к воротам. Центурион резко остановился, и Катон налетел на него, выронив от толчка щит.

– Дерьмо! – взорвался Макрон.

– Прошу прощения, командир. Я не...

– Сомкнуть ряды! – скомандовал Макрон, игнорируя его лепет. – Копья к бою!

Подхватив оброненный щит, Катон выпрямился и застыл. В пятидесяти шагах впереди зиял широкий проем, в который с жуткими воплями сплошным потоком вливались безобразные, внушающие ужас германцы. Огромные, волосатые, дурно пахнущие, со звероподобными, искаженными жаждой крови физиономиями.

Макрон оттеснил Катона к штандарту центурии. Знаменосец, мельком взглянув на него, усмехнулся и обнажил меч.

– Первые две шеренги. Копья... бросай!

Дюжина с силой брошенных метательных копий взмыла в воздух и полетела к германцам. Миг – и бегущие впереди варвары попадали наземь, словно бы налетев на туго натянутую веревку, а дикари, напивавшие сзади, повалились на них.

– Следующие две шеренги, копья... бросай! – четко и уверенно приказал Макрон.

Смертоносный град превратил первые ряды атакующих в спутанный клубок мертвых и еще шевелящихся тел. Мгновенно оценив ситуацию, центурион взмахнул мечом:

– Вперед, ребята! В контратаку! За мной!

Он сорвался с места и устремился на варваров, прикрываясь щитом и целя коротким мечом в горло ближайшего из врагов. Катон все еще держал в руке копье и перед тем, как влезть в тесную свалку, решил метнуть его как можно дальше, а уж потом взяться и за меч. Правда, выяснилось, что проделать это в бою несколько посложней, чем на тренировках.

Стоило ему отвести правую руку назад, как древко копья отбили в сторону и пробегающий мимо легионер проорал:

– Эй, тупица! Поосторожнее! Ты что, тут поставлен увечить своих?

Побагровев от стыда, Катон торопливо сделал бросок, но от волнения рука его дрогнула, и копье пошло ниже, чем надо бы, задев шлем Макрона. Тот бросил назад гневный взгляд, и Катон нервно сглотнул, однако выискивать виноватого центуриону было некогда, и всю свою ярость он обратил на германцев. Катон выхватил меч и устремился вперед, думая уже не об опасности, а лишь о том, как бы командир не догадался, кто умудрился съездить его по макушке. Впрочем, в сражение он не вступил, ибо дрались лишь те, кто был впереди, осталь-

ные бойцы подбадривали их громкими криками. Римляне, более умело, чем варвары, орудуя мечами, шаг за шагом продвигались к воротам, убитых тут же заменяли другие бойцы.

Увидев первого павшего легионера, Катон был потрясен, однако потери римлян росли, и потрясение перешло в тупую горечь. Он никого не знал из этих парней, но легче от этого не становилось. Убитые полусидели, привалившись к камням сельских хижин и взирая в немом изумлении на свои страшные раны. Уличная грязь под подбитыми гвоздями солдатскими сапогами сделалась красной от крови. Катон неуклонно приближался к первой шеренге и внутренне трепетал в ожидании того страшного мига, когда между ним и противником не останется никого.

Оттесняемые к воротам германцы отчаянно пытались расширить фронт схватки и, чтобы воспользоваться своим численным превосходством, стали взбираться на крыши ближайших хижин. Однако Макрон предвосхитил их намерения, и легионеры задних рядов по его знаку засыпали врагов градом копий. Германцы отпрянули и снова сбились в тесную, беспорядочно шевелящуюся толпу.

Миг – и штандарт центурии вынесло прямо к валу. Еще один натиск, и римляне вытолкнули дикарей из деревни, заняв проем ворот.

– Стоять здесь намертво! – рявкнул Макрон. Он поразил мечом очередного варвара и, повернувшись, протиснулся к сгрудившимся в арьергарде колонны бойцам.

– А вы, парни, дуйте на вал. Да поживей. Нам нужно расчистить площадку перед воротами. Бросайте камни, копья, все, что угодно, лишь бы их отогнать.

Легионеры, рассыпавшись, ринулись к земляным скатам. Макрон увидел Катона и мощным рывком выдернул его из толпы:

– Оптион! Стой, для тебя у меня есть задание. Возьми шестерых солдат. Вот бревно. Запорное. Его надо поднять и, когда я скомандую, накинуть на скобы. Ясно?

– Так точно, – ответил Катон, не в силах оторвать взгляда от кровоточащей багровой раны на командирской руке.

– Действуй.

Макрон, властными криками ободряя людей, поспешил к месту схватки. Катон, встрепенувшись, окинул взглядом ближайших к нему солдат.

– Приказ слышали? – крикнул он, стараясь придать своему голосу максимальную твердость. – Шесть человек. Мечи в ножны. Щиты на землю. И живо ко мне.

Поразительно, но бойцы беспрекословно повиновались. Избавившись от тяжелых щитов, они ухватились за грубо отесанную шершавую балку. Катон, прислонив свой щит к стене хижины, тоже наклонился:

– Готовы? Тогда поднимаем!

Юноша медленно выпрямился и пошатнулся. Балка была тяжелой.

– Хорошо, – процедил он сквозь стиснутые зубы. – Теперь пошли.

Осторожно переступая через поверженные тела, они повлекли гигантский засов вглубь проема и замерли там в ожидании, хотя дикари, похоже, начинали брать верх. Во всяком случае, тонкая цепь яростно защищавшихся легионеров опасно прогнулась под натиском многочисленной, свирепо вопящей толпы.

– Эй, на стене! – закричал Макрон. – Отгоните засранцев! Бросайте в них что есть под рукой!

Солдаты, метнув в наступающих последние копья, обрушили на их головы лавину тяжелых, вывороченных из ближайших хижин камней. Толпа дикарей дрогнула и отхлынула на безопасное расстояние.

– Все назад! Внутрь. Закрывать ворота!

Макрон попятился, увлекая бойцов за собой. Римляне, швырнув наземь щиты, ухватились за толстые дубовые створки и стали толкать их в сторону варваров. Сообразив, что проис-

ходит, те разразились безумным ревом и, не обращая внимание на сыпавшиеся сверху камни, вновь рванулись вперед. Вел их свирепый, пышущий звериной ненавистью гигант. Видя, что ворота вот-вот закроются, он опередил соплеменников и, размахивая копьем, бросился на ближайшего легионера.

– Ну уж нет! – Макрон, резко взмахнув мечом, отбил острие копья в сторону.

Германец, споткнувшись, стал падать в сужающуюся щель и получил сильнейший удар в переносицу. Он взвыл, и Макрон пинком ноги отшвырнул его от себя:

– Иди отлей, пидер!

Ворота с глухим скрипом закрылись. Не дожидаясь приказа, Катон громким криком велел своим людям перекинуть балку через концы запорных скоб. Засов встал на место и спустя миг застонал: орда навалилась на створки. Однако дубовая, потемневшая от времени балка только спружинила, давая понять, что способна выдержать и не такой напор.

Некоторое время Макрон выжидал, желая лично в том убедиться, потом оставил в проеме лишь стражу, велел всем прочим подняться на вал.

Он представлял собой жалкое сооружение, предназначенное главным образом для отражения набегов диких племен из-за Рейна. Обкопав деревню рвом, жители использовали извлеченную почву для возведения вала, обложив его торфом, чтобы не осыпался. По верху этой стены был проложен узкий дощатый настил, перед которым дыбился невысокий, по грудь мужчине среднего роста, частокол, однако коренастому Макрону, чтобы рассмотреть, что творится возле ворот, пришлось подняться на цыпочки.

Бурлящая масса германцев стала растягиваться. Все это выглядело так, будто селение, где заперлись римляне, пытаются обхватить две гигантские руки. Новый камнепад опять отбросил варваров от ворот, площадка перед которыми была усеяна мертвыми и умирающими дикарями. Впрочем, германцы, похоже, сообразили, что ворота им высадить не удастся, и побежали к кучам хвороста, заготовленного селянами на зиму. Добежав до них, дикари принялись споро вязать фашины, чтобы засыпать вязанками ров и атаковать римлян по всей длине вала. Шестая центурия, разумеется, удержать такой фронт не могла. Макрон повернулся к деревне. Там слышались приглушенные крики и лязг, легионеры Вителлия поднимались на насыпь. Позиция была надежно прикрыта. Хорошо. Пришло время для рапорта.

Бросив взгляд на устлавший улицу ковер из растоптанных тел, Макрон прикинул, что примерно пятая часть его солдат выведена из строя. Он повернул голову и увидел Катона, тот с сосредоточенным любопытством рассматривал копошащихся в поле врагов.

– Опцион! Пригни свою долбаную башку, если не хочешь, чтобы какой-нибудь германец сделал ее мишенью.

– Да, командир.

– Иди сюда. Для тебя есть работа.

Позволив себе на какое-то время расслабиться, Макрон снял шлем и отер здоровой рукой лоб, потом указал на вмятину под металлическим гребнем.

– Есть соображения, чья это работа?

Катон покраснел.

– Наверное, нет. Но если кто-нибудь попытается еще раз заехать мне таким манером по темечку, я спущу с него шкуру. А сейчас ступай на тот край деревни. Отыщи трибуна и скажи ему, что ворота мы держим. Еще скажи, что у нас осталось около семидесяти боеспособных солдат и что я жду приказов. Усвоил?

Катон кивнул.

– Тогда иди! – Макрон хлопнул олуха по тощему задку и, провожая его взглядом, лениво подумал, что помощничек у него все-таки вроде бы неплохой, однако с копьем обращаться пока не умеет. Надо будет поговорить с Бестией... если они вообще выберутся из этой хреновой заварушки.

Стуча сапогами, Катон мчался по той же улице, что привела центурию к дальним воротам. Только бежал он теперь не в строю и потому чувствовал себя неудобно. К счастью, никаких германцев он по дороге не встретил, а возле площади наскочил на римский патруль. Завидев бегущего, солдаты, вскинули копья, но, разглядев, что это свой, успокоились.

– Где трибун? – спросил, задыхаясь, Катон.

– Что стряслось, оптион?

– Ничего... мне нужен трибун... у меня срочное донесение.

Один из легионеров ткнул пальцем за спину:

– Он у дома вождя. Как там вторые ворота?

– Их удерживают, – бросил Катон на бегу.

Выбежав на площадь, он замер, ибо она была забита германцами всех возрастов и в эту толпу запихивали все новых и новых заложников. Вителлий, стоя на ступенях, ведущих к большому зданию, разговаривал с каким-то центурионом.

– ...А если они хотя бы попытаются оказать вам сопротивление, убейте их всех.

– Убить? – Центурион неуверенно посмотрел на селян, многие из которых громко рыдали. – Всех?

– Именно это я и сказал, – отрезал Вителлий. – У тебя что, уши заложены? Или, может, кишка тонка?

– Никак нет, командир. – Центурион, казалось, был озадачен. – Просто на то, чтобы перебить такую ораву, уйдет уйма времени.

– Значит, придется вам поспешить.

– Командир, – крикнул, подбегая, Катон. – У меня донесение! От центуриона Макрона!

– Какого черта, солдат? – возмутился Вителлий. – Ты не на ярмарке, а я не торговец. Ну-ка встань смирно и доложи, как положено!

– Прошу прощения, командир, – кашлянул центурион. – Я могу быть свободен?

– Что? Ах да. Конечно иди. Ты получил приказ, вот и действуй.

Вителлий повернулся к Катону.

– Ну, говори, что у тебя?

– Командир, центурион Макрон приказал доложить, что те ворота у него под контролем.

– Потери?

– Около двадцати человек, командир. Центурион велел спросить, какие будут приказы.

– Приказы? – рассеянно повторил Вителлий. – Какие уж тут приказы? Впрочем, ладно. Передай ему, что его задача – удерживать те ворота. Мы со своей стороны оцепим стены и разберемся с внутренними врагами. Нам нужно продержаться, пока не прибудет подмога. – Вителлий посмотрел вверх, на начинающее сереть небо. – Нашего возвращения ожидают до темноты. Как только легат поймет, что мы попали в беду, он поднимет тревогу. Если нам повезет, помощь подоспеет к утру. Лучше нам провести ночь здесь, чем в лесу. Так ведь, оптион?

– Так точно, командир, – откликнулся Катон с чувством.

– Обрисуй Макрону ситуацию и скажи, чтобы он не спускал глаз с ворот. Пока нас не выручат. Ты меня понял?

Катон кивнул:

– Так точно, командир.

– Ну, ступай. И да помогут нам капитолийские боги.

Глава 9

Вокруг захваченной римлянами германской деревни постепенно сгущались серые сумерки. Когда схлынула всепоглощающая ярость боя, легионеры, забывшие было о холоде, вновь ощутили его и теперь, стоя на стене, ежились и притопывали. В довершение ко всему повалил снег: в неподвижном воздухе лениво дрейфовали крупные белые хлопья. Первая попытка нахрапом ворваться в селение германцам не удалась, и теперь они, отступив за пределы досягаемости метательных копий, выкрикивали на своей варварской тарабарщине брань и оскорбления в адрес римских солдат. Впрочем, многие нашли себе занятие посерьезнее: одни вязали фашины, другие очищали от веток стволы молодых сосенок, собираясь смастерить из них нечто вроде грубых штурмовых лестниц. Римляне наблюдали за этими приготовлениями с тревогой, порой бросая отчаянные взгляды на юг. Их лагерь, их боевые товарищи находились в каких-то восьми милях отсюда, но они знать не знали, что здесь происходит. Между тем германцы свалили неподалеку огромное дерево с явным намерением превратить его в мощный таран.

Впрочем, Макрон тоже не сидел без дела. По его приказу одна группа солдат громоздила на стене кучи камней, чтобы сбрасывать их на головы атакующим, другая, используя камни побольше, сооружала подле ворот защитный завал. То были стандартные оборонительные меры, однако все понимали, что если германцы будут действовать правильно, то оборону они, несомненно, прорвут.

Все это Макрон и объяснил своему юному опциону, пока тот бинтовал ему руку.

– И что же тогда? – спросил Катон.

– А ты как думаешь? – Макрон усмехнулся, притопывая ногами. – Они набросятся на нас всем скопом и изрубят в куски.

– Не шевелись, командир. Пожалуйста, сиди смирно. А пленных что... они не берут?

– Об этом даже не думай, – мягко ответил Макрон. – Лучше сложить голову, чем угодить к ним в лапы, уж ты мне поверь.

– Неужели?

– Точно тебе говорю.

– Трибун сказал, Веспасиан вышлет подмогу, как только поймет, что дело неладно. Если мы сумеем продержаться до тех пор...

– То-то и оно, что если, – отозвался Макрон. – Но, с другой стороны, исключать такую возможность тоже не стоит. А потому каждому надо биться упорно и до конца. Постарайся не подвести нас, приятель.

– Сделаю, что смогу, командир. – Катона надорвал край ткани и завязал концы. – Вот и все. Как самочувствие?

– Неплохо. – Макрон согнул руку, а разогнув, поморщился: боль дошла до плеча. – Сойдет. Бывало и хуже.

– Значит, у тебя уже были ранения, командир?

– Они, можно сказать, часть контракта. Скоро и ты с этим свыкнешься.

– Если мы выживем.

– Может, еще и выкрутимся. – Макрон, поймав унылый взгляд юноши, ущипнул его за плечо. – Не вешай нос, парень! Мы еще живы. Но если даже нам суждено сложить головы, то с этим все равно ничего не поделаешь, так что и переживать особо нечего, а? Ну а сейчас давай поглядим, чем там заняты эти ублюдки.

Быстрый осмотр германцев не обнаружил в их дислокации никаких перемен. Внизу по-прежнему раздавался мерный стук топоров. Удовлетворенный тем, что в ближайшее время штурм не затеется, Макрон опять повернулся к Катону:

– Слушай, мне надо бы переброситься с ребятами словечком-другим, приободрить их маленько. А ты тем временем возьми пару солдат и пошуруй в ближних лачугах, не найдется ли там какой-нибудь выпивки и еды. Я что-то проголодался. Почему бы не подкрепится, пока этим варварам не до нас?

Обшарив ближайшие хижины, Катон с парой легионеров разжились сушеным мясом, хлебом и даже несколькими кувшинами браги.

– Поосторожнее с этим пойлом, – предупредил Макрон. – Оно здорово бьет по мозгам, а нам сейчас не до хмеля. Вот вернемся в лагерь, тогда...

– Командир, – перебил его юноша. – К нам прибыл трибун.

Действительно, Вителлий, сопровождаемый четырьмя крепкими телохранителями, уже поднимался по скату. Макрон вскочил, собираясь поднять командой солдат, но трибун махнул рукой:

– Пусть люди отдыхают, центурион. Они это заслужили.

– Так точно, командир. Благодарю, командир.

– Как дела?

– Ну... тут у нас всё на виду. – Макрон указал на германцев. – После того как мы их отбросили, они вяжут фашины и делают лестницы. А те, что в стороне, заканчивают таран. Как только у них все будет готово...

– Понятно. – Вителлий задумчиво почесал подбородок. – Ничего не поделаешь, центурион. Тебе и твоим ребятам придется держаться.

– Это само собой, командир. А как остальная когорта?

– Ну, в целом наше положение не безнадежно. Мы полностью контролируем вал, а весь местный сброд взят под стражу. Но... не обошлось без потерь. Эта сука – жена вождя – открыла выпускную решетку, и два десятка варваров оказались в тылу у центурии Квадра. Они потихому резали наших, пока те отгоняли орду от моста. Пала почти половина центурии, прежде чем с ними разобрались.

– Квадр есть Квадр. На него всегда можно положиться, – улыбнулся Макрон.

– Боюсь, уже нельзя.

– Почему?

– Да потому, что германское копье продырявило ему брюхо и вылезло из спины.

– Не может быть!

– Может, центурион, еще как может. Мало того, опцион его тоже погиб. Собственно, я поэтому к тебе и пришел. Есть ли у тебя на примете малый, способный принять под свою руку остатки этой злосчастной центурии, а?

У Катона, стоявшего в пяти шагах, вспыхнули уши. Он замер в томительном ожидании, устремив взгляд на германцев, собравшихся вокруг костров, и с бьющимся сердцем прислушиваясь к каждому слову.

– Хм. – Макрон задумался, поглядывая по сторонам, и Катон почти физически ощутил тяжесть его взгляда. Но это длилось мгновение. Взгляд скользнул дальше.

– Как насчет твоего опциона? – спросил Вителлий. – Он хороший солдат?

– Едва ли его можно назвать солдатом, командир. Мальчишка, новобранец, первый раз в деле. Я стараюсь держать его при себе. Паренек вроде бы неплохой, не дурак и не трус, но... В общем, командовать ему рановато.

– Жаль.

Катон был раздавлен. Он стиснул зубы, чтобы не разрыдаться.

– Есть у тебя еще кто-нибудь?

– Пожалуй, да, командир. Мой знаменосец. Хороший солдат и бывалый. Он тебе подойдет.

– Хорошо, – кивнул Вителлий. – Ты знаешь ситуацию, центурион. Удерживай ворота любой ценой, во что бы то ни стало. Если мы устоим в эту ночь, утром обязательно придет помощь. Я рассчитываю на тебя.

– Благодарю, командир. – Макрон поднес руку к груди, но чуть позже, когда сопровождаемый телохранителями Вителлий удалился к маячившему над валом штандарту, беззлобно выбранился: – Тоже мне... хрен! Будто я без него не знаю, что делать.

Высказавшись таким образом и ощутив некоторое облегчение, центурион глянул на своего опциона. Что-то в его позе ему не понравилось.

– Катон?

– Командир?

– Что там враг? Не шевелится?

– Никак нет, командир.

– Что ж, продолжай смотреть в оба глаза.

– Есть, командир.

Тем временем маленький отряд двинулся восвояси. Вителлий, проходя мимо, кивнул Макрону. Последним шел знаменосец.

– Береги себя, командир, – сказал он.

– Ты тоже, Порций, – улыбнулся Макрон. – Не сомневайся, мы приглядим за штандартом. Знаменосец с явной неохотой вручил древко Макрону:

– Держи, командир.

Потом они ушли, исчезли в холодном мраке между грязными варварскими хибарами, а в руках Макрона остался символ воинской славы – боевой, побывавший во многих сражениях и тем не менее ни разу не склонившийся перед врагами штандарт. С подступившей ему под сердце теплой волной центурион поглядел на юнца:

– Эй, малый! Иди-ка сюда.

Катон с окаменевшим от обиды лицом подошел и вытянулся, задрав подбородок.

– Расслабься, сынок. Для тебя есть поручение. Очень ответственное.

– Да, командир.

– Ты слышал, что сказал трибун?

– Да, командир.

– Ну ладно, к делу. Мы остались без Порция, а штандарт центурии, даже на короткое время, нельзя доверить кому попало. Мне нужен надежный человек. Ты справишься?

Катон, все обиды которого в один миг улетучились, вместо ответа крепко сжал древко штандарта.

– Ты должен понимать, что это высокая честь, – сказал Макрон.

– Так точно, командир. Благодарю за доверие, командир. Я буду беречь его, не щадя жизни.

– Это в твоих интересах, парень. Если Порций по возвращении обнаружит где-либо хотя бы царапину, перед следующим боем на нем будут красоваться твои яйца. Понял?

Катон серьезно кивнул.

– Что бы ни случилось, держись поближе ко мне и не выпускай эту штуку из рук. Держи штандарт высоко. Так, чтобы солдаты постоянно могли его видеть. Понял? Ага, похоже, зашевелились.

Шестая центурия пришла в движение. Легионеры вставали на ноги, просовывали руки в лямки щитов, брались за мечи и за копья. Катон поднял штандарт и подошел к частоколу. Германцы оставили свои костры и теперь черной массой в сгущавшихся сумерках шли к воротам. С фашинами, с лестницами и с факелами, бросавшими на их лица неровные желтые блики.

– Помните главное, ребята! – обратился к солдатам Макрон, обнажив меч. – Если они прорвутся внутрь, всей когорте конец. Так что сделайте все возможное, чтобы этого не случилось.

По переднему краю воинства варваров пробежал громкий крик, угрожающий, злобный. Кое-кто из солдат стал отругиваться, но Макрон счел за лучшее их урезонить:

– Бросьте, парни! Пусть орут, раз им охота. Нам все одно их не перекричать, так что нечего даром рвать глотки.

Катон, осознав, что бой неизбежен, оцепенел. Темнота почему-то делала надвигающуюся орду еще более устрашающей. Возможно, потому, что была хорошим подспорьем разыгравшемуся воображению, склонному скорее преувеличивать, чем преуменьшать, масштабы реальной угрозы. Кроме того, штурм деревни был столь стремительным, что не оставил времени для переживаний и страхов, а теперь неминуемому столкновению предшествовало ожидание, уже само по себе являвшееся испытанием. Каждый солдат, оглядывая приближающихся германцев, мог живо представить себе, что они с ним сотворят. Катон поежился и, мысленно выругав себя за nepзпoвoлитeльнoe слaбoдушиe, укpaдкoй взглянул нa сoсeдeй.

– Боишься, паренек? – спросил Макрон.

– Да, немного.

Макрон улыбнулся:

– Конечно боишься. Но точно так же боимся и мы. Однако мы здесь, и с этим уже ничего не поделаешь.

– Я знаю, командир. Только от этого не легче.

– Ты просто покрепче держись за штандарт.

Германцы размеренным шагом приближались к деревне. Потом где-то в ночи хрипло протрубил рог, ему откликнулись другие рога, и вся орда, разразившись неистовым воем, устремилась вперед. Одни варвары, подбегая ко рву, швыряли в него фашины и отбегали, другие осыпали римлян градом стрел, копий, камней. Подняв над головой щит, Макрон заглянул за частокол и увидел, что громада вязанок неуклонно растет, обещая в ближайшем времени стать хорошей опорой для лестниц. Однако худшим было не это. Распихивая многочисленную толпу суеверных сотоварищей, к воротам двигались варвары, тащившие тяжелый таран. Штурмовые лестницы можно отталкивать, и врагам вал, пожалуй, не взять, если легионеры не дрогнут, но вот проклятый таран все равно рано или поздно высадит крепостные ворота, после чего германцы задавят массой оставшихся без прикрытия римлян. Бравируя своим бесстрашием, варвары уже подбегали под стену. Многие гибли, но их тела падали попеременно с фашинами, только способствуя более скорому заполнению рва.

Возле ворот поднялся вой, вражеская орда торопливо раздалась в стороны, пропуская пару десятков крепких мужчин, тащивших таран – ствол могучей сосны, обрубки ветвей играли роль ручек. Комель тяжелого бревна с грохотом ударил по доскам. Ощувив легкое сотрясение под ногами, Макрон, прищурившись, осмотрел тыльную часть ворот, и увиденное его не обрадовало. После второго грохочущего удара засов едва не выскочил из креплений и удержался на месте лишь благодаря судорожным усилиям стражей. Однако несколько скоб расшатались настолько, что уже начали выходить из своих гнезд.

– Плохо дело, – пробормотал Макрон и повернулся, чтобы глянуть за стену.

Хотя защитники укрепления непрерывно швыряли вниз камни, потери варваров восполнялись мгновенно. На место упавшего вставал новый дикарь, и удары не прекращались.

– Не просто плохо, хреново!

– Командир, неужели мы ничего не можем поделать? – спросил Катон.

– Сейчас ничего. Вот будь у нас греческий огонь, мы могли бы их славно поджарить.

Катон некогда что-то читал об этом огне, но подробностей не мог вспомнить и потому поинтересовался:

– А германский огонь не подойдет, командир?

– Что?

– Германский огонь, командир.

– Что за хрень, о чем ты толкуешь?

– Дело в том, командир, что в одной из хижин мы обнаружили нечто вроде пекарни. Правда, хлеба там не было, но углей в печках хоть отбавляй. Это нам не сгодится?

Макрон уставился на юнца:

– И ты даже не подумал доложить мне об этом?

– Нет, командир. Мне ведь было приказано искать провиант.

– Ну пусть, а сейчас нам нужен огонь, – заявил Макрон, с трудом сдерживая раздражение. – Займись этим, парень. Найди солдат, что ходили с тобой, скажи им, чтобы они нагребли в щиты все, что там есть, и тащили сюда. И не стой столбом. Не заставляй меня повторять приказ дважды.

Когда юный олух ушел, Макрон спустился с вала, чтобы повнимательнее взглянуть на ворота. Таран долбил их не впустую, в досках уже появились трещины, сквозь которые можно было рассмотреть физиономии дикарей. Каждый новый удар выбивал тучи пыли. Ворота трещали, с вала сыпались комья земли, и центуриону пришлось протереть глаза кулаками. Потом он, торопливо взбежав наверх, велел десятку парней найти вилы и надергать из крыш ближайших хижин побольше соломы. Принесенные снопы Макрон велел разложить вдоль стены, а когда появилась команда, посланная в пекарню, приказал вытряхнуть на них тлеющие уголья.

Сырая солома занялась не сразу, но жара было достаточно, и очень скоро на желтых снопах заплясали оранжевые язычки. Дым шел такой, что легионеров стали одолевать приступы кашля, но Макрон на это внимания не обращал. Когда огонь разгорелся как следует, он крикнул:

– Пора! Швыряйте все это за частокол. Живо! На варваров! На проклятый таран! Давайте, парни! Не бойтесь чуточку подкоптиться!

Используя кто вилы, кто дротики, кто мечи, солдаты принялись метать в темноту охапки горячей соломы.

Снизу донеслись вопли, удары в ворота прекратились. Выглянув за стену, Макрон увидел брошенный таран, почти заваленный грудой горящих снопов. Волна жара ударила ему в щеки, и он отступил с чувством мстительного удовлетворения. Дело пошло. Этот хренов таран даже если и не сгорит дотла, то работать уже не будет.

– Ха! Они бегут! – радостно воскликнул Катон. – Нынче ночью они к нам больше не сунутся.

– Хорошо бы, – кивнул Макрон. – Хорошо бы. Но не одни мы умеем играть в игры с огнем. Глянь-ка туда!

Катон повернулся. В нескольких местах германцы успели нагромоздить вплотную к стене горы фашин, и теперь, на глазах юноши, из гущи врагов в них полетели по дуге факелы. Хвостом занялся быстро – в считанные секунды. Вырывавшиеся из него ярко-оранжевые языки лизали торф, бежали выше. Римляне отступили от частокола. Один злополучный солдат, освещенный взметнувшимся пламенем, замешкался, и в него впилося разом несколько вражеских стрел. Несчастный рухнул прямо в огонь, издав крик ужаса, который через мгновение оборвался.

– О нет, – пробормотал юноша, потом повернулся к Макрону. – Командир! Там! Ты только взгляни!

Макрон посмотрел на ворота. Высокие жаркие языки пламени жадно лизали дубовые створки. Должно быть, часть соломы приземлилась слишком близко от них.

– Проклятье! Вот уж точно германский огонь. – Он бросил хмурый взгляд на Катона.

Мысли центуриона забежали. Завалы из фашинов полыхали с яростным неистовством, огонь уже перекидывался на частокол. Оставаясь на стене, римляне в столь ярком свете являли собой прекрасные мишени, не говоря уже о том, что их обдавало невыносимым жаром. Конечно, можно было сойти с насыпи и вернуться после того, как фашины сгорят, но к тому времени сгорят и ворота. Тогда все усилия шестой центурии будут напрасны, а оборона деревни развалится, как жалкий шалаш от дыхания урагана. И произойдет это задолго до рассвета, то есть до возможного прибытия помощи. Однако другого выхода он не видел.

Макрон набрал воздуха в грудь и громко, перекрывая рев пламени, командовал:

– Всем сойти вниз!

Легионеры спешно повиновались приказу. Команда была подана вовремя. Деревянные колья шипели и потрескивали от страшного иссушающего жара. Огонь освещал передние ряды германцев, и даже сквозь дрожащий от жары воздух можно было отчетливо разглядеть их ликующие ухмылки. Макрон сбегал вниз, к своим людям, и построил центурию так, чтобы она могла достойно встретить врага.

– Что теперь, командир? – спросил Катон.

– Ничего. Стой и жди. И молись, чтобы это пламя не угасало как можно дольше.

Глава 10

Пламя не только не угасало, но и бушевало все пуще и пуще, посылая в небо вихри оранжевых искр. С этими роями огненных мух не мог справиться даже снегопад, хлопья таяли, а искры, крутясь, опускались на землю. И на соломенные кровли лачуг. Макрон клял себя за дурацкую мысль сжечь таран, которая привела к губительному для всей когорты пожару, однако Катон был, похоже, доволен происходящим. Он-то, улучив момент, и привлек внимание центуриона к ближайшим хибарам. Над ними уже крутился дымок, то здесь, то там завивались оранжевые колечки. Все шло к большому огню. Оглядевшись вокруг, Макрон увидел, что лачуги курятся и сзади. «Минута-другая, и центурия окажется в огненном пекле», – подумал он, но его отвлек неожиданный треск. Ворота рухнули, однако над их обломками взметнулось ревущее пламя. Сквозь его рев до римлян донеслись торжествующие крики германцев.

Варвары полагали, что перед ними вот-вот откроется проход в деревню, но ничего подобного не произошло. Пламя не утихало. Напротив, оно перебросилось на ближайшие хижины. Жар на улице сделался нестерпимым, римляне шурились, оберегая глаза. Центурион понял, что медлить нельзя.

– Парни! Разом! На сорок шагов! Все отходим!

Легионеры тут же ретировались и, отбежав на указанное расстояние, снова сомкнули ряды. А дом, возле которого они только что находились, рухнул, завалив улицу горящими головнями.

– Еле успели убраться, – заметил вполголоса кто-то. – Вот уж пожар так пожар.

– Но нас-то не припекает, – заметил Макрон. – Спору нет, огонь идет быстро, однако никто не мешает нам отступить. Зато стена пламени будет отделять нас от германцев.

– Пока не выгорит вся деревня и отступить будет некуда, – пробормотал Катон.

Макрон повернулся, готовый обрушить на олуха поток брани, но передумал. В конце концов, малый прав.

– Да, – согласился он. – Мы будем отступать, пока не упремся задницами в другие ворота. Или пока до нас не доберется Веспасиан.

Огонь, подобно хищному зверю, выпущенному из клетки, бушевал, пожирая дома. Небо над ним было залито оранжевым заревом, снег превращался в дождь. Однако от взгляда Макрона не укрылось, что пламя у ворот, на ключевом участке обороны, слабеет, причем гораздо быстрее, чем должно бы.

Он непонимающе нахмурился, а потом, всмотревшись в огонь и дым, увидел, что происходит. Германцы передавали по цепочке ведра и жбаны, заливая пламя водой. Головешки шипели, дым мешался с паром. Спустя несколько мгновений смысл происходящего дошел и до солдат, и по рядам шестой прокатился шепоток страха, граничащего с отчаянием. Варвары явно не собирались оставлять римлян в покое. Они жаждали крови, они не жалели сил, чтобы добраться до них, и уже сумели отвоевать у огня значительное, достаточное для атаки пространство.

– Молчать! – рявкнул Макрон. – Без паники! Пока мы живы, им нас не сломить. Первым двум отделениям – приготовиться! Кастор, – окликнул он заслуженного ветерана. – Принимай командование над остальными. Быстро обрушьте соседние хижины и перекройте обломками улицу. Задание понял?

– Так точно, командир.

– Только не забудьте оставить для нас проход. Когда все будет готово, дайте сигнал, и мы вернемся.

Макрон повернулся к двум отделениям авангарда.

– Итак, ребята, послушайте. Сейчас германцы прорвутся на улицу. Мы встретим их. И будем сдерживать ровно столько времени, сколько потребуется нашим товарищам, чтобы сделать свою работу. Ну а потом побежим к нашим. Со всех ног. Ясно?

– Да, командир.

Два отделения быстрым маршем удалились от основной части центурии и подошли воротам настолько, насколько позволял жар. Там Макрон приказал солдатам выстроить из щитов стену, и они стали ждать.

Впрочем, ожидание продлилось недолго. Огонь в проеме ворот был потушен, теперь там чернела груда обугленных, слабо тлеющих досок и балок. От них еще тянуло жаром, но германцы, не обращая на это внимания, перебрались через завал и, снова выстроившись в цепочку, принялись заливать пылающие обломки лачуг. Римляне, не имея возможности помогать этой работе, молча за ней наблюдали. Катон, стоявший во второй шеренге, изо всех сил стиснул древко штандарта, силясь унять нервную дрожь. Он искоса посматривал на стоявших рядом товарищей: все они были угрюмы и сосредоточены.

Неожиданно варвары, побросав свои ведра и издавая истошные крики, устремились вперед.

– Спокойно, ребята! – пробурчал Макрон. – Главное, держать строй. Пока мы держим строй, все будет в порядке.

Первым на римлян мчался гигант с длинными, развевающимися волосами. Он с ходу врезался в стену щитов и, наравшись на меч, с хрипом упал, но за ним спешили другие. Не ведая страха, германцы кидались на мечи и на копья, отчаянно стараясь проделать брешь в глухой обороне врага. Они гибли один за другим, у ног легионеров росла гора трупов, но яростный натиск вынуждал их медленно отступать. Кроме того, они тоже несли потери. Миг – и сосед Макрона застонал, пораженный ударом копья. Из раны хлынула кровь, солдат упал, и его место в строю тут же занял воин второй шеренги. Товарищи ничем не могли помочь раненому, ибо были оттеснены, и он оказался среди германцев. Какой-то варвар с торжествующим криком пронзил несчастному горло, и ударившая фонтаном темно-красная кровь обрызгала римские щиты.

Катон, оказавшийся в первой шеренге, непроизвольно пригнулся, уворачиваясь от нацеленного ему в лоб копья, и штандарт, качнувшись, наклонился вперед. Германцы мигом устремились к нему, один ухватился за древко.

– Руки прочь, варвар! – крикнул Макрон, вонзив свой меч в нерасчетливо подставленную варваром грудь.

Пальцы врага разжались, и сгорающий от стыда опцион снова вернул штандарт в вертикальное положение.

Улучив секунду, Макрон оглянулся и увидел, что улица перегорожена мощным завалом из бревен и горящей соломы. «Пора», – решил он.

– Слушай мою команду! Тыловое отделение, отступить!

Повторять приказ не потребовалось: солдаты второй шеренги повернулись кругом и со всех ног припустили к узкой щели в баррикаде. Увидев бегущих, германцы презрительно захохотали и с обновленной яростью обрушились на жалкую кучку римлян, продолжавших, сомкнув щиты, преграждать им дорогу. Даже Катон, при всей своей неопытности, понимал, что столь хилому строю вражескую орду не сдержать.

Однако это понимал и Макрон и потому, вместо того чтобы попытаться воспротивиться натиску, неожиданно крикнул:

– Вперед! Руби!

Римляне разомкнули строй и с мечами наголо врубались в первые ряды германцев, никак не ожидавших атаки со стороны малочисленного противника. Маневр оказался столь внезапным, что варвары на миг растерялись и попятнулись.

Их замешательство длилось совсем недолго, но этого хватило.

– Бежим! – крикнул Макрон.

В тот же миг legionеры развернулись и помчались к завалу. Катон неся вместе со всеми, мысленно проклиная громоздкий штандарт. Возле прохода Макрон вновь повернулся лицом к врагу, полный решимости прикрыть отход своих людей. И снова это сработало. Противник, сбитый с толку всеми этими атаками и отступлениями, замешкался, подарив римлянам несколько драгоценных мгновений. Макрон с мрачной, но удовлетворенной ухмылкой победил следом за остальными.

Однако один германец, видимо более смелый, чем прочие, не растерялся и вскинул копье.

Катон, уже собиравшийся с огромным облегчением проскочить в узкую щель, услышал позади резкий возглас и крепкое ругательство.

Юноша обернулся. Копье варвара пронзило Макрону бедро, и он, выронив щит и меч, упал головой вперед, беспомощно корчась всего в десяти шагах от завала. Германцы, оправившись от замешательства, уже бежали к нему. Макрон поднял голову и увидел Катона:

– Уноси ноги, дурак!

– Командир...

– Кому сказано, спасай знамя! Беги!

В какую-то долю мгновения Катон успел увидеть и гнев в глазах Макрона, и злобную ярость на лицах бегущих к нему дикарей, и небо, окрашенное кровавыми отблесками пожаров. Все это странным образом воодушевило его, и он, повинаясь неосознанному порыву, помчался назад – к своему центуриону, привставшему на локте и осыпавшему оскорблениями приближавшегося врага.

Глава 11

– Ты видел сегодня Тита?

– Прости? – Веспасиан поднял глаза от стола.

– Что ты сказала?

– Своего сына, Тита. Ты видел его сегодня? – Флавия ткнула его пальцем в плечо. – Или ты слишком занят, чтобы вспомнить, что у тебя есть сын?

– Моя дорогая, у меня правда не было времени.

– Только это я от тебя и слышу. Постоянно. Всегда. Ты вечно возишься со своей писаниной. – Она бросила презрительный взгляд на шкатулку. – А тебе не приходит в голову, что нашему сыну нужен отец?

Веспасиан отложил стило и окинул жену долгим взглядом. Сердце его тяготило чувство вины. После трех выкидышей и появления на свет мертвого малыша рождение Тита казалось им чуть ли не чудом. Вдобавок долгие, тяжелые роды едва не стоили Флавии жизни, и потому все последующие два года к мальчику относились как к драгоценной вазе. Однако если мать практически не спускала с него глаз, то Веспасиан занимался ребенком лишь по мере возможности, сознавая при этом, что время, посвященное семье, украдено у политики. Которой (в этом, во всяком случае, убеждал себя сам легат) он занимался лишь ради блага того же Тита.

Впрочем, решение взять под руку легион далось ему нелегко. Хотя Флавия, повинаясь долгу, сама уговаривала его принять этот пост и, как подобает супруге римлянина, отправилась с ним к месту службы, он прекрасно знал, как не хотелось ей менять столичную жизнь на прозябание в германской глуши.

Правда, воздух здесь был много свежее, чем в Риме, однако ребенку это на пользу почему-то не шло. С самого прибытия в лагерь Тита одолевали хвори, – похоже, холодный, влажный климат Германии плохо воздействовал на его организм. Постоянная тревога и долгие бессонные ночи, проведенные у колыбели, совершенно измучили мать. Мысль о возможной потере ребенка ужасала обоих, но если Веспасиан мог забыть в работе, то Флавия этого утешения не имела. Запертая в замкнутом лагерном мирке, вырванная из светского круга, лишенная каких-либо развлечений и презиравшая скучное общество офицерских жен, она всецело сосредоточилась на своем обожаемом сыне.

Тот же, по обыкновению всех заласканных и не в меру шустрых младенцев, буквально изводил и ее, и прислугу. В покоях легата не было ни одного выступа, о который он не ухитрился бы стукнуться, ни одного стула или сундука, с которого бы он не упал, ни одного ковра, о который бы он не споткнулся. Естественная детская любознательность приводила к тому, что, как ни старались взрослые убрать от него все мелкие и острые вещи, Тит все равно ухитрялся найти какую-нибудь штучковину, чтобы сунуть ее себе в рот или, упаси Юпитер, ткнуть ею в глаз. Чаше – в свой, а порой и в глаз какой-нибудь незадачливой няньки. Ну а когда у него прорезались острые зубки, он тут же не преминул пустить их в ход.

Веспасиан улыбнулся, подумав, что его сын, по крайней мере, явно не лишен боевого духа.

– Что? – спросила Флавия.

– Э... ты о чем?

– Ты улыбаешься. Что тебя так веселит?

– Я вдруг подумал, что мне и впрямь хорошо бы увидеться с сыном. – Веспасиан, оттолкнувшись от стола, решительно встал. – Идем.

Шагая по галерее, обегавшей его резиденцию с внутренней стороны, легат непроизвольно покосился на небо. Зажженные по всему периметру двора факелы наполняли пространство тусклым мерцающим светом – чуть дрожащим и непривычно таинственным от косых про-

мельков обильного снегопада. Ему вдруг подумалось, что Вителлий, наверное, сейчас клянет этот снег. Мысль, что самоуверенный трибун тащится из деревни по стуже, порадовала легата. Плохо лишь то, что вместе с ним вынуждены страдать и солдаты. Уж они-то, во всяком случае, не виноваты ни в чем.

Как только дверь в детскую отворилась, Тит издал восторженный вопль и, оттолкнув няньку, затоптал навстречу отцу.

– Папа! – запищал он, обхватив ручонками колени отца и задрав кверху мордашку. – Брось меня! Брось!

Веспасиан нагнулся, крепко ухватил сына под мышки и высоко подбросил, что породило радостный оглушительный визг.

– Как поживает мой солдат? А? Как дела у моего маленького легионера? – Легат повернулся к жене. – Я смотрю, он растет не по дням, а по часам. И не заметим, как придет время шить ему первую тогу.

– Он еще совсем маленький, мой малыш, – возразила Флавия, обнимая любимца за плечи. – Правда ведь, ты ведь мой?

Тит недовольно пискнул и вырвался из материнских объятий. Веспасиан рассмеялся и, наклонившись, взъерошил жесткие непослушные волосы сына.

– Нет, он мой! Он солдат!

– Он не солдат! – решительно заявила Флавия. – И не станет солдатом – во всяком случае, если без этого можно будет хоть как-нибудь обойтись.

– Сначала пусть вырастет, а там уж посмотрим, что он решит. Мне лично служба в армии кажется самым подходящим занятием для мужчины.

– А мне так не кажется. Армейская служба трудна, опасна, и несут ее по большей части лишь неотесанные деревенские олухи.

– Как я понимаю, речь идет о провинциалах вроде меня?

– О, прости, я совсем не хотела...

– Шучу. А если серьезно, то Титу едва ли удастся сделать карьеру в сенате, не послужив для начала в имперских войсках.

– Тогда ты найдешь ему место поближе к Риму.

– Я и сам, как видишь, служу не в Италии. Мы с тобой не раз уже говорили о том. Место службы военачальника определяется императором и его приближенными. Я, по крайней мере пока, в их круг не вхожу. Но как бы там ни было, Титу придется служить. Таков обычай.

– Да. – Флавия печально кивнула и, присев, поцеловала мальчика в лоб. Тот, уловив настроение матери, крепко обнял ее и уткнулся личиком в складки ее одеяния. – Я знаю. Мне просто хочется, чтобы он как можно дольше оставался таким, как сейчас.

– Я понимаю, Флавия. Понимаю. Что делать. Мальчик растет. Но... может быть, у нас еще будут и другие дети. Когда-нибудь... когда ты будешь готова.

Флавия посмотрела мужу в лицо, в ее темные глазах колыхнулась горечь. Однако она моргнула и, чтобы унять дрожь в губах, заставила себя улыбнуться:

– О, я надеюсь на это. И очень хочу, чтобы у нас было много детей. Но ты должен быть рядом со мной. Ты должен беречь себя. Обещаешь?

– Беречь себя?

– Да. В Британии. Пожалуйста, будь осторожным.

– В Британии? Что? – Веспасиан сердито вскинулся. – Как ты узнала?

– От офицерских жен, – ответила Флавия и рассмеялась, увидев, как вытянулось его лицо. – Боюсь, мужчины много болтливее нас.

– Они и впрямь хуже баб, – пробормотал Веспасиан. – Тоже мне офицеры! Зачем же, спрашивается, я брал с них слово молчать?

Тит рассмеялся и замотал головой.

– Дорогой, не надо так волноваться, – произнесла рассудительно Флавия. – Я уверена, этот секрет дальше маленького кружка не пойдет. Давай все-таки поговорим о стране, куда ты собрался.

– Похоже, сейчас все только о ней и говорят, – проворчал Веспасиан.

– Никто не знает, что это за края. Я хочу, чтобы ты вел себя там осмотрительно. И хочу, чтобы ты дал мне в том слово. Прямо сейчас.

– Обещаю.

– Тогда договорились. – Она удовлетворенно кивнула. – А теперь обними сына и отнеси в постель. Ему пора спать.

Веспасиан молча повиновался. Флавия, так же молча, откинула мягкие одеяла и сдвинула в сторону теплый, лежащий под ними кирпич, но Тит, когда отец наклонился, заныл и вцепился ручонками в складки его туники.

– Я не устал! Не устал!

– Тебе надо поспать, – мягко ответил Веспасиан, пытаясь высвободиться, однако крохотные детские пальчики оказались на удивление цепкими, и, когда их все же разжали, в глазах малыша блеснули гневные слезы, а острые зубки его вонзились в руку отца. Не удержавшись, Веспасиан громко выругался.

– Следи за собой! – одернула его шепотом Флавия. – Или ты хочешь, чтобы ребенок с малого возраста нахватался подобных словечек?

«Как же, – подумал, морщась, Веспасиан. – Попробуй убереги его». Любой мальчишка, растущий в воинском поселении, волей-неволей набирается выражений более крепких, чем те, что приняты в так называемом приличном кругу.

– У этого мальчика, – сердито заметил он, дую на руку, – волчьи ухватки.

– Вот и прекрасно.

– Так ли? – Веспасиан, подняв брови, осмотрел след отпечатавшихся на коже зубов.

– Это показывает, что у него есть характер. – Флавия вжала продолжавшего дергаться бутуза в кровать и накрыла его одеялом.

– Это показывает, что у него острые зубы, – пробормотал ее муж.

Оказавшись в привычном тепле, Тит еще пару раз для порядка хныкнул, потом перевернулся на животик, пролепетал что-то невнятное и заснул. Умиленные родители в благоговейном молчании застыли над ним, любуясь умиротворяющей душу картиной.

Кто-то постучал в дверь. Тит шевельнулся.

– Кто это, чтоб ему провалиться!

– Тсс! – шикнула Флавия. – Ступай за дверь и разговаривай со своими солдафонами там. Веспасиан вышагнул на галерею и едва не столкнулся с дежурным центурионом.

– Командир! – рявкнул тот. – Прошу позволения доложить...

– Тсс! Говори потише. Мой сын спит.

Секунду-другую центурион стоял с разинутым ртом, потом кашлянул и перешел на хриплый шепот.

– Командир, я с донесением. Замечен пожар.

– Большой? Что горит? Где?

– Что горит, не могу знать, командир. Очаг возле Рейна, за лесом.

Веспасиан воззрился на центуриона:

– За лесом? И ты ради этого беспокоишь меня?

– Часовой говорит, что огонь вроде бы очень сильный.

– Насколько сильный? Что там вообще может гореть?

– Трудно сказать, командир. Собственно говоря, самого пожара отсюда не видно. Одно зарево, отблески на облаках.

Тут легата словно что-то кольнуло.

– За лесом, говоришь?

– Да.

– Третья когорта еще не вернулась?

– Никак нет, командир. – Центурион покачал головой.

– Хорошо, я иду. Ты свободен.

Веспасиан вернулся в комнату. Флавия подошла к нему:

– Неприятности?

– Возможно. Я собираюсь это выяснить. Скоро вернусь. А ты ложись спать.

Когда Веспасиан поднялся на башню восточных ворот, камни стены уже занесло белым мягким покровом. Снег устилал и всю пустошь – до самой темнеющей в отдалении и едва различимой из-за метели лесной опушки. Тем не менее центурион позвал его не напрасно: судя по зареву, пожар был и вправду большой. Причем именно в той стороне, где находилось проштрафившееся германское поселение. Легат обернулся к дежурному:

– От Вителлия по-прежнему ничего?

– Ничего, командир.

Все это начинало внушать нешуточную тревогу. Правда, было непонятно, в какие такие, собственно, неприятности мог влипнуть самодовольный и своенравный трибун. Разведка в последнее время ни о чем угрожающем не доносила – ни о росте мятежных настроений среди оседлых германцев, ни о возможном вторжении из-за Рейна разбойных племен. Однако когорте пора бы вернуться в лагерь. И пожар полыхает там, куда она ушла. Нужно было принимать срочные меры. Разумеется, Веспасиан понимал, какой урон будет нанесен его репутации, если все объяснится мало что значащими пустяками, однако он тут же выкинул из головы эту мысль. Его гордость и самолюбие могли пострадать, но они немногого стоили в сравнении с ответственностью за судьбу вверенного ему легиона.

– Подними конный эскадрон, – приказал он дежурному. – Пусть пройдут по следу третьей когорты и, как только что-либо прояснится, пришлют гонца. Объявляю по легиону тревогу. Всем старшим командирам немедленно прибыть ко мне, центурионам подготовить свои подразделения к маршу. Снаряжение боевое. Выступят все, кроме первой когорты, она останется охранять лагерь. Все понял?

– Так точно, командир.

– Тогда исполняй.

Центурион убежал, а Веспасиан опять обернулся в сторону отдаленного зарева. Как ни кинь, а выходило, если, конечно, Вителлий не сбился с пути, что этот хренов пожар и отсутствие когорты каким-то образом связаны.

– Командир?

Веспасиан поднял глаза и увидел встревоженное лицо молоденького часового.

– В чем дело, солдат?

– Выходит, наши ребята попали в беду?

Позади них пронзительно зазвучал сигнал тревоги, подхваченный другими горнами и разнесшийся по всему лагерю. Из казарм в ночь выбегали солдаты, центурионы зычными головами отдавали приказы. Веспасиан заставил себя ухмыльнуться:

– Лучше бы им и вправду угодить в переделку, а то получится, что я ни за что ни про что вытряхнул из коек четыре тысячи человек. А ведь это не дело, милый мой, а?

Глава 12

Истошно выкрикивая что-то невнятное, Катон бросился к двум уже подскочившим к упавшему центуриону германцам. Копья у него не было, но в последний момент он выставил перед собой штандарт. Один из варваров обернулся на крик и, получив сильный тычок в пах, упал на колени. Катон с разбега налетел на него, споткнулся и кубарем покатился к стене ближайшей лачуги. Второй германец, видимо, усмотрел в этой ситуации что-то смешное и громогласно расхохотался. Катон сердито вскочил на ноги, грозя врагу штандартом:

– Не смей надо мной смеяться, урод!

На какой-то момент их взгляды встретились: теперь выражение лица германца было холодным, оценивающим. Неожиданно он сделал ложный выпад копьем, целясь в правый бок римского недоноска, а когда тот отпрянул, размахивая своей жердиной, вознамерился пронзить ему другой бок. Но ударить не успел. Армейский штандарт боевым оружием не являлся, но был гораздо длиннее любого копья. Массивное навершие его, описав дугу, врезалось в лицо варвара. Тот, удивленно вскрикнув, обмяк и упал наземь. Катон, махнувший знаменем наугад и вовсе не рассчитывавший на такой результат, был изумлен ничуть не меньше врага. Но в отличие от него оставался целым и невредимым.

– Ох, ничего себе! – пробормотал он, глядя на неподвижное тело.

– Оставь его, малый! – крикнул Макрон. – Вытащи из меня эту штуку.

– Командир, но как же я...

– Тащи, кому сказано, олух!

Катон ухватился за древко свободной рукой, а Макрон, скрипнув зубами, повернул ногу.

– Давай!

Юноша дернул изо всех сил, вырвав из раны листовидный наконечник. Хлынула кровь. Макрон взвыл, но тут же умолк, стиснув зубы, и попытался привстать. Катон поддержал его, подхватив под руку. Рана кровоточила сильно, но, к счастью, кровь просто текла, а не била струей, и, стало быть, ничего важного вражеское копьё не задело. Однако Макрону в жизни еще не приходилось испытывать столь мучительной боли. В голове его помутилось, и лишь огромным усилием воли он смог забросить руку на плечо юноше и с его помощью заковылять к спасительному проходу в завале.

Позади них, перекрывая рев пламени, послышался топот, и Катон, обернувшись, увидел бегущих следом германцев. Он заторопился, но центурион был слишком тяжел, и в результате они оба споткнулись. Макрон, вскрикнув, упал на колени, глядя на перекошенные отчаянием лица римских солдат, уже понимавших, что их товарищам не уйти от погони.

– Беги! – простонал он. – Это приказ.

– Не слышу, командир.

– Знамя спасай, идиот!

Но бежать уже было некуда. Кастор, сокрушенно покачав головой, приказал обрушить в щель груды специально приготовленных балок. Legionеры заколебались, но ветеран прикрикнул на них, и они потянули веревки. Гряда вместе с пылающими снопами соломы рухнула вниз, завалив проход в баррикаде.

– Проклятье!

– Ох, черт! – Катон замер, потом обернулся. Германцы с громкими воплями приближались. Увидев справа от себя каменную лачугу, юноша пинком открыл дверь, бросил в проем штандарт, втащил центуриона и в последний момент успел задвинуть тяжелый запор. Германцы яростно забарабанили по крепким доскам, замкнутое пространство наполнилось грохотом. Внутри лачуги было темно, но полыхавший снаружи огонь очерчивал контуры неболь-

шого окна, к счастью закрытого ставнями. Запертыми на задвижку и теперь содрогавшимися от сыпавшихся снаружи ударов.

– Посмотри, нет ли тут другого выхода, – крикнул Макрон, исследуя ощупью рану. Кровотечение было по-прежнему сильным, поэтому он снял с себя пояс и, отстегнув бесполезные ножны, как можно туже перетянул им ногу. Через мгновение, когда вернулся Катон, кровь уже не лилась, а сочилась тоненькой струйкой.

– Ну?

– Похоже, мы попали в какой-то сарай. В крыше есть лаз, но это все.

Удары в дверь стали глуше, зато варвары взялись за окно. Внутри лачуги, выбив длинную щепку в ставне, проникло темное острие. Им повертели, расширяя отверстие, потом копье отдернули, после чего в сарай полетели новые щепки.

– Здесь нельзя оставаться!

– Нельзя, – подтвердил Катон. – Посмотри вверх!

Между стропилами солому кровли то здесь, то там лизали крохотные оранжевые язычки. С каждым мгновением их становилось все больше, а дикари тем временем остервенело рубили ставни.

– Уйдем через лаз, – решил Катон. – Там есть лестница, хотя, конечно, с твоей ногой взбираться по ней будет трудненько.

– Я влезу.

– Хорошо, командир. Теперь ответь, ты сможешь охранять это окно?

– Да, но...

– Пожалуйста, командир, у нас нет времени на разговоры.

– Ладно, – буркнул Макрон. – Дай мне свой меч и помоги подняться.

Привалившись к стене и опираясь всем весом на здоровую ногу, он занял позицию у окошка. Мальчишка кивнул и куда-то пропал, а из ставня внезапно, выбитые мощным ударом, выскочили две-три доски. Кто-то потыкал в образовавшуюся амбразуру копьем, потом за края ее ухватились чьи-то руки. Макрон взмахнул мечом, послышался вопль. Отсеченные пальцы упали на пол, а руки исчезли.

– Ну, недоноски, кто еще храбрый? – крикнул Макрон. – Попробуйте суньтесь.

В окно больше не совался никто, зато атака на дверь сделалась более бурной. Толстые доски опасно потрескивали, и было ясно, что рано или поздно они провалятся внутрь. Защищать окно – это одно, но сдержать врага в дверном проеме будет уже невозможно.

– Катон! Если ты что-то делаешь, делай это скорей.

– Иду, командир, – просипел Катон, с напряжением таща на вилах огромную охапку соломы. Он свалил ее под дверь, торопливо разворошил, потом, потянувшись, теми же вилами подцепил горящий клочок с кровли. Посыпались искры, он прикрылся рукой, затем побегал вглубь сарая и принес новую охапку соломы. Над ней закурчавились серые усики, потом они сделались желтыми. Огонь быстро креп и к тому времени, когда дверь подалась, уже полыхал вовсю. Сарай наполнился густым, едким дымом.

– Сюда! – крикнул Катон, заходясь в приступе кашля.

Поддерживая раненого не обремененной штандартом рукой, он потащился в дальний угол сарая. Лестница, там стоявшая, вела наверх, в темноту.

– Давай, командир. Лезь туда первым. Возьми штандарт, но отдай мне меч. Как только окажешься снаружи, крикни.

Макрон, не имея сил спорить с раскомандовавшимся пареньком, послушно полез по шатким ступенькам, кляня на все корки и тяжеленный штандарт, и свою непослушную ногу. Ближе к кровле дым сделался гуще, он удушал, ел глаза, но зато заставил центуриона двигаться побыстрее. Добравшись до лаза, Макрон высунул голову, с наслаждением вдохнул чистый воздух и огляделся. Полдеревни горело, но германцы извилистыми проулками обходили самые

сильные очаги пламени, спешно направляясь туда, где, готовясь к последнему бою, стояли остатки когорты.

Он бросил взгляд вниз. Там в загородке метались две свиньи, а прямо под ними желтела копенка сена. Первым делом Макрон просунул и вытолкнул в лаз тяжеленный штандарт. В это время в сарае раздался треск, затем послышались топот и брань.

– Катон!

– Уходи, командир! – крикнул юноша. – Уходи поскорей!

Германцы, кашляя, шарили по сараю, с твердым намерением изловить прячущихся в дыму римлян, и Макрону не оставалось ничего другого, как выкарабкаться на крышу. Вцепившись в край лаза, он повис на руках, потом разжал пальцы.

Приземление было куда более мягким, чем ожидалось, ибо одна из свиней решила, что копна сена – лучшее из укрытий от ужасов внешнего мира. Суждение было здравым, ведь она никак не могла ожидать, что на нее обрушится римский легионер, облаченный в тяжелые боевые доспехи.

Животное завизжало, Макрон приглушенно выругался, отпихнул свинью в сторону и сел. Он тяжело дышал, но падение не причинило ему никаких повреждений. А вот свинье повезло меньше: рухнувший сверху центурион перебил ей хребет, и она отчаянно верещала. Из сарая неслись злобные голоса, потом кто-то вскрикнул, закрипели ступени. Макрон, поспешно подтянув к себе знамя, зарылся в сено. И как раз вовремя: наверху, на фоне оранжевого неба появилась косматая голова. Потекли нескончаемые томительные мгновения, дикарь внимательно смотрел вниз. Потом последовал обмен репликами на лающем, грубом наречии, и германец исчез, но Макрон продолжал лежать совершенно недвижно, напряженно стараясь сквозь визг свиньи расслышать, что делается в сарае. Когда голоса за стенкой затихли, он решил, что опасность наконец миновала, и сел, стряхивая с себя вонючее сено. Одна часть двора по-видимому, примыкала к улице, за забором слышалась гортанная брань, германцы с топотом уходили. Макрон, стараясь не двигать поврежденной ногой, приподнялся. К загону, где он находился, примыкали такие же, из которых несло приглушенное хрюканье.

Макрон опять опустил на сено, потом прижался к стене и окликнул:

– Катон.

Ответа не было. Он позвал еще раз, но отклика не услышал.

Вот хренов молокосос! Зачем он мешкал, когда ему следовало лезть прямо за ним, не дожидаясь, пока германцы высадят дверь? Впрочем, тут же подумал виновато Макрон, парень, видно, смекнул, что им двоим не уйти, и принес себя в жертву, спасая штандарт центурии и своего командира.

Свинья опять разразилась истошным визгом, и Макрон пнул ее здоровой ногой.

– Заткнись, скотина! – прошипел он. – Ты меня выдашь!

Однако перепуганное животное все визжало, и этот визг привлек внимание проходивших мимо германцев. Они остановились посмотреть, в чем дело, но Макрон успел их опередить. Он перебросил штандарт через ближайшую дощатую загородку и перекинулся за ним на руках, угодив в кучу навоза. Схватив скользкое древко и держа его параллельно земле, центурион пополз вдоль свинарников к центру деревни, стараясь не думать о том, что его там ждет.

Глава 13

Когда дверь рухнула, мысли Катона отчаянно заметались. Макрон, похоже, благополучно выбрался из сарая, но сам он находился в пиковом положении. Бежать было поздно, и юноша, нырнув в огромную кучу соломы, затих.

Голоса германцев приблизились, потом снаружи, прямо из-за стены, донесся истошный пронзительный визг. «Все, – подумал Катон, – центуриону конец». Потом, с опозданием, до него дошло, что люди кричать так не могут. Один из германцев рассмеялся и тут же закашлялся. У Катона тоже сильно першило в горле, но он сдерживал кашель, чтобы не выдать себя.

Затем невдалеке что-то прошуршало и глухо стукнулось в стену. Когда то же самое, только ближе к нему, повторилось, Катон, холодея от ужаса, понял, что варвары наугад тычут в солому копьями. Усилием воли юноша заставил себя превратиться в статую: любое движение было бы равносильно самоубийству. Германцы ожесточенно пронзали копьями кучу, но она была велика, а дым становился все гуще, и они все чаще заходились в приступах кашля. Потом послышался чей-то крик, и варвары, бросив свое занятие, торопливо покинули горящий сарай.

Убедившись, что он остался один, Катон осторожно выбрался из своего укрытия. Помещение заполнял едкий дым, но он поднимался вверх, и у самого пола дышать было полегче. Юноша на животе пополз к выходу, там подожженная им солома уже выгорела до еле тлеющей золы. Улица за разбитой дверью кишела германцами. Потом послышался гортанный клич, и варвары всей толпой двинулись к центру деревни. Когда голоса и топот затихли, Катон выкатился из сарая, громко кашляя и жадно хватая нагретый пожаром ночной воздух. Легкие и глаза его болезненно жгло, и разглядеть толком улицу ему удалось, лишь смахнув с ресниц слезы. Хотя крики дикарей продолжали нестись отовсюду, в данный момент в непосредственной близости никого из них не наблюдалось. Если, конечно, не считать того варвара, которого он уложил четверть часа назад. Осторожно приблизившись к мертвецу, Катон увидел на лбу его огромную иссиня-черную шишку и, рассудив, что германцев кругом пруд пруди, а римлян практически нет, стал ворочать недвижимое тело, сдирая с него заскорузлый, дурно пахнущий плащ, насквозь пропитанный жиром и потом. Его замутило, но он все же накинул дикарское верхнее облачение поверх своего и поспешил избавиться от армейского шлема. Еле, мать их всех, и в первую очередь Бестию, справившись с туго затянутым ремешком!

Поскольку короткая римская стрижка вряд ли была у германцев в ходу, ему пришлось, преодолевая отвращение, нахлобучить на голову вонючий капюшон. Вложив свой меч в ножны и спрятав его под плащом, Катон подобрал с земли германское копье, потом, поколебавшись, поднял и щит. Трудно сказать, сделало ли все это из него настоящего варвара, но и на римлянина теперь он походил очень мало.

И что же дальше? Искать спасения, хотя бы призрачного, следовало, разумеется, в центре деревни, там, где еще держали оборону остатки когорты, но где-то за сараем сейчас обретался раненный в ногу центурион. Нельзя же было бросить его, да и штандарт, за утрату которого Порций мог с ним неизвестно что сделать. Конечно нельзя, а сарай уже полыхал. Жаркое пламя било даже в узкий проход, ведущий к задворкам. Заглянув туда, Катон отпрянул, потом поплотней натянул капюшон и, запахнув толстый плащ, нырнул в обжигающий жар. Пламя слепило, раскаленный воздух опалял щеки, но до стены было всего десять шагов, и Катон добежал до нее, а затем, уж сам не зная как, перескочил через высокую каменную преграду. Там еще ничего не горело, правда, плащ, позаимствованный им у германца, в нескольких местах занялся, но сбить огонь было секундным делом.

Дворик позади сарая казался пустым, лишь под стеной круглилась куча сена или какого-то корма.

– Командир! – тихо позвал Катон.

В ответ на зов куча зашевелилась, и сердце юноши радостно трепыхнулось. Потом в его уши ворвался пронзительный жалобный визг.

– Командир! Тебе плохо! – с тревогой крикнул Катон, и куча шевельнулась еще раз. Но двигался под ней вовсе не человек, а (Катон пригляделся) свинья.

Свинья! И никаких признаков центуриона!

Катон чуть не заплакал. Он был слишком молод для таких переделок, слишком напуган и одинок, ему вдруг захотелось упасть ничком в грязь и уже не вставать, что бы вокруг ни происходило. Возможно, он так бы и поступил, но тут горячая крыша сарая с грохотом провалилась. Юноша, спотыкаясь, отпрянул и громко, с ожесточением выбранился. Ладно. Пусть никого из своих рядом нет, пусть его окружают враги, а огненная стихия так и норовит испепелить его тело, но он не отдаст им задешево свою жизнь, он будет бороться.

Торопливо представив себе относительную диспозицию римлян, германцев и равнодушно пожирающего деревню огня, Катон выбрал направление, показавшееся ему единственно верным, и, напрягая слух и зрение, зашагал прочь от останков пылающего сарая.

«Свиньи, – думал Макрон, – хороши лишь после того, как побывают в руках искусного повара. Живьем же они, даже римские, просто несносны, а уж германские мерзостны вдвое, под стать своим гнусным владельцам». Подобные умозаключения его можно было понять, ибо он полз по мелкой, плохо выкопанной канаве, куда стекали со всех свинарен свинячье дерьмо и моча. Полз, стараясь не окунать штандарт в липкую тошнотворную жижу. Отвратительное, нестерпимое зловоние било ему прямо в нос, душило, мешало соображать, однако центурион полз и полз, пока не уперся в плетень, за которым что-то мелькало. Он пригляделся: плетень примыкал к пустырю, на котором виднелись грубо сколоченные лотки – это был рынок. Разумеется, никакого торга там сейчас не велось, но среди торговых рядов кто-то сновал, видимо местные жители сносили сюда свое барахло, надеясь уберечь его от пожара. Макрон, припомнив вид, открывшийся ему с крыши сарая, решил, что главная деревенская площадь должна каким-то краем смыкаться с базаром и, значит, у него есть возможность пробраться к своим. Оно конечно, тут толкуются люди, но их не так много, и это не воины, а женщины, дети и старики, то есть народ сам по себе не опасный. Если они не поднимут шума, он сможет без помех совершить то, что задумал.

С трудом поднявшись на ноги, Макрон сдвинул щеколду калитки и, волоча штандарт наверху по земле, побрел вдоль стены, стараясь держаться в тени. Двигался он еле-еле, раненая нога почти потеряла чувствительность, да и кровопотеря давала знать о себе. Мысли путались, но Макрон заставлял себя идти и идти, осторожно косясь на копошащиеся возле палаток фигуры. Похоже, местные жители не только прятали здесь свое добро, но и растаскивали чужое, а потому лишний шум тоже был им ни к чему. Мародеры, заметившие римлянина, провожали его настороженными взглядами, но на том все и кончалось.

За пределами рынка слышался шум боя. Ориентируясь на него, Макрон добрался до угла улицы и остановился в небольшой стенной нише, чтобы перевести дух. Он ничего уже не различал, голова начинала кружиться. Макрон потерял глаза и встряхнулся. Головокружение унялось, мир вокруг обрел четкость, вернулась и ясность мышления. Главное – не стоять, промедление губительно. Быстрый взгляд за угол скажет, чист ли путь впереди. Центурион выглянул из укрытия и был сбит с ног.

Германец налетел на него так стремительно, что упал сам. И варвар, и римлянин жадно глотали воздух, глядя в оранжевое дрожащее небо. Макрон попытался перекатиться и вытянуть нож, но варвар был много проворней. Вскочив на ноги, он подхватил с земли свое копьё и замахнулся, нацеливая широкий наконечник противнику в глотку. Центурион выставил перед собой нож, прекрасно понимая, что тот нимало не защитит его от удара копьё.

– Хвала Юпитеру! – вдруг воскликнул германец.

– А? Что?

Дикарь опустил копье. Макрон уставился на него в полнейшем недоумении. Кто он? Предатель? Откуда он знает латынь?

– Это я, командир, – сказал Катон, откидывая с головы капюшон. И наморщил нос. – Чем тут воняет?

Макрон, слабо улыбаясь, привалился к стене. Головокружение возобновилось, но теперь ему было на это плевать. Катон, благослови его боги, все-таки спасся. Теперь надо только чутко отдохнуть...

– Командир!

Центуриона бесцеремонно встряхнули. Он разлепил веки. Возвышавшийся над ним Катон крепко держал его за ремни снаряжения. Потом рывком вздернул на ноги:

– Нам надо идти, командир!

Ноги Макрона подкашивались, но настырный юнец потащил его куда-то, потом поставил к стене, сунув ему для опоры в руки древко штандарта. А сам глянул за угол и тут же отпрянул.

– Плохо дело, – сказал он. – Они в каждом проулке. Штурмуют площадь. Но мы их обхитрим.

– Да, но сначала мне нужно передохнуть.

– Нет, командир! Нельзя! Ни в коем случае! Отдохнешь среди наших!

Пинком ноги Катон распахнул ближайшую дверь и втащил Макрона в маленькую хибару. Слабеющий центурион смутно отмечал, что его влекут куда-то через темные переходы и дворики, пока не оказался в какой-то тесной и грязной каморке. Паренек усадил его, достал свой меч, потом скинул германский плащ и молча принялся рубить стену.

– Малый, ты часом не спятил? – устало спросил Макрон. – Что ты делаешь?

– Командир, по моим прикидкам, этот дом стоит возле площади и эта стена даст нам выйти к нашим. Если мы продырявим ее.

– Тогда я смогу отдохнуть?

– Тогда ты сможешь отдохнуть, командир.

Взяв меч в обе руки, Катон стал втыкать его в стену и отковыривать куски сухой глины, пока не обнажил большой участок оплетки. Он вытер лоб и снова с отчаянной энергией атаковал тонкие прутья лозы. Макрон безучастно за ним наблюдал, мало-помалу теряя интерес ко всему окружающему и постепенно отдаваясь желанию погрузиться в глубокое забытие.

Перешибать лозу оказалось трудней, чем рушить глину, но Катон без устали работал мечом и в конце концов вырубил в оплетке дыру, позволившую ему начать дырявить плотный слой наружной обмазки. Миг, другой – и мрак каморки пронизали первые полосы света, а воодушевленный юноша с еще большим энтузиазмом принялся расширять проем. Когда брешь показалась ему достаточной, он наклонился и подтащил к ней центуриона.

– Полежай первым, малый, – встрепенулся Макрон.

– Командир, мне проще пропихнуть тебя сзади, чем шарить потом в темноте.

– Ладно, толкай.

С помощью паренька Макрон просунул в отверстие руки, плечи и голову. Сверху на него что-то посыпалось. Он стал отплевываться, и тут кто-то заехал ему сапогом в бок.

– Эти поганые германцы уже сквозь стены лезут! – послышался чей-то голос.

– Полегче, ребята! Я свой!

Сильные руки выдернули его из дыры, а спустя мгновение и паренек стоял рядом с ним, стряхивая с себя пыль и грязь. Легионер, наградивший Макрона пинком, нервно сглотнул:

– Командир, я...

– Ничего страшного, сынок, все в порядке. Отведи-ка нас лучше к трибуну.

– Есть, командир.

Легионер поддержал Макрона с одной стороны, Катон – с другой, и вся троица поплелась мимо задних шеренг удерживавших подступы к деревенской площади римлян. Вителлий вместе с трубачом и знаменосцем когорты стоял на крыльце дома вождя.

– Остановитесь-ка, парни, – велел Макрон и, неуклюже выпрямившись, отдал трибуну салют.

– А! Макрон! Значит, ты все еще с нами? А мне сообщили, что варвары с тобой разделились. С тобой и с твоим пареньком.

– Они попытались, но обломали зубы.

– Вот и прекрасно. Но рана у тебя, смотрю я, нешуточная. Скверная рана. Надо ее поскорее промыть и перевязать. – Трибун ткнул пальцем в дверь дома. – Там лекари. Они, конечно, сейчас очень заняты, но, думаю, не оставят тебя без внимания. Скажешь, что я велел для начала смыть с тебя все дерьмо. – Вителлий поморщился.

– А где моя центурия, командир?

– Удерживает с другими ворота. – Вителлий посторонился, давая пронести в госпиталь очередного раненого. – А всех здешних ублюдков я велел вытолкать из деревни взашей. У меня слишком мало людей, чтобы отвлекать их на охрану этого стада.

– Как обстоят наши дела?

Вителлий нахмурился и ответил не сразу.

– Не лучшим образом. У нас осталось менее трехсот боеспособных солдат. Германцы господствуют на пяти улицах. Правда, остальные подступы к площади перекрыты огнем и мы все еще удерживаем часть стены.

– Сможем ли мы продержаться до прихода Веспасиана?

– Может быть. – Вителлий пожал плечами. – Во всяком случае, пока пламя за нас. Сейчас они давят, мы их отбрасываем. И будем отбрасывать, если фронт не расширится, иначе... – Он pokrивился и смолк.

– А что будет, если огонь подойдет к нам?

– Тогда мы отступим к главным воротам, а там уж прикинем, не выйти ли нам наружу. Туда, где нас очень ждут.

«То есть у нас два варианта: сгореть или потерять потроха, – подумал Катон. – Интересно, что лучше?»

– Ладно, Макрон. – Вителлий вздохнул. – Мне надо идти. А ты займись своей раной.

– А как насчет меня, командир? – спросил Катон, испугавшись, что все его сейчас опять бросят.

Вителлий опять поглядел на Макрона.

– Твой «насчет меня» может пока охранять твое знамя, центурион, – сказал он, коротко усмехнувшись, и быстро сбежал по ступеням.

Трубач и знаменосец когорты молча последовали за ним.

– Да, командир.

Макрон мрачно улыбнулся и протянул Катону штандарт.

– Держи, пока мне делают перевязку. Я скоро выйду. Жди меня тут.

Катон помог своему командиру добраться до двери. Лекарь, бегло взглянув на Макрона, небрежно кивнул в знак того, что раненый достоин лечения, а не милосердного удара меча, и замахал на сопровождающего руками, выпроваживая его прочь.

Выйдя на площадь, Катон попытался воткнуть штандарт в землю, но мерзлая почва не подавалась, и ему пришлось прислонить древко к плечу. Конечно, попасть к своим было несомненной удачей, однако, судя по всему, чаша весов клонилась отнюдь не в пользу римлян. Легионеры плотно закупорили горловины проулков, по которым варвары рвались к площади, но при этом то здесь, то там вражеский меч или вражеское копье находили брешь в их обороне, и тогда из задних римских шеренг, подпирающих сражающийся авангард, вываливались ране-

ные. Те, разумеется, кому посчастливилось выпростаться из свалки, остальных затаптывали, не разбирая, кто свой, кто чужой. Мало-помалу, но с пугающей неуклонностью римлян теснили назад. Катон хорошо понимал, что, как только волна германцев выплеснется на площадь, легионеров в короткий срок перебьют, а между тем до рассвета оставалось еще часа три, и прибытия помощи следовало ожидать лишь к полудню.

Однако, как яростно ни напирали германцы, огонь, перепрыгивая с крыши на крышу, шел быстрее. Пламя выжимало варваров с улиц. Через какое-то время в тылу атакующей орды зазвучали рога, и германцы откликнулись разочарованным воем. Трубный зов повторился, и варвары с неохотой, но все быстрее и быстрее потекли вспять.

Когорта осталась одна, но отдых был кратковременным, ибо на смену орде явился Вулкан. Пламя охватило деревенскую площадь дугой, заскакивая на наружные стены. Огненная стихия двигалась на солдат, и те медленно пятились, тщетно пытаясь прикрыться от жара щитами.

Прибежавший гонец закричал им:

– Назад! Все назад! Всем приказано отступить к главным воротам!

Измученная, израненная когорта приступила к отходу. Раненых, способных идти, поддерживали товарищи, остальных, в том числе и Макрона, несли на щитах. Все это происходило в угрюмом удрученном молчании: многие командиры погибли, а оставшимся было уже не под силу подбадривать подчиненных. Тем не менее ретирада производилась спокойно, без малейших намеков на панику. Возле главных ворот Вителлий установил защитный кордон, поместив раненых позади строя. Остатки когорты, сомкнув ряды, ждали неминуемого конца.

Устроив своего командира получше, Катон вновь присоединился к шестой центурии. С надвратной башни его взору открылась душераздирающая панорама. Ветер продолжал раздувать пламя, и теперь оно пожирало остатки деревни. Выгнанные за стену германские земляпашцы, сбившись в кучу, смотрели, как горят их дома. Было очевидно, что без еды и без крова лишь немногие из них сумеют пережить эту зиму. Красный отблеск пожара выхватывал из мрака их лица, на которых лежала печать такой обреченности, что Катона невольно кольнуло чувство вины, хотя он и понимал, что, скорее всего, умрет раньше тех, кого он жалел.

А позади обездоленных, охваченных горем селян теснилось, уходя в ночь, германское воинство. Варвары ждали, когда огонь выжмет врага из ворот.

Катон с удивлением отмечал, что, по мере того как шло время, когортой овладевала философская безмятежность. Уцелевшие командиры и солдаты обменивались репликами, как равные, ибо чины и звания – удел живых, смерть же рангов не разбирает. Катон и сам теперь словно покачивался на волнах этого величавого совместного скольжения к небытию и улыбнулся стоявшему рядом с ним ветерану. Тот, обычно суровый и замкнутый, улыбнулся в ответ, и обоих омыло теплое чувство, хотя они не сказали друг другу ни слова.

Когда на востоке стало светлеть, огонь подошел к воротам вплотную. Вителлий приказал легионерам построиться в боевую колонну и задумался, как быть с теми, кто не имел сил вступить в последнюю схватку. Раненые, понимая что происходит, просили раздать им мечи, чтобы с достоинством встретить врага, однако, возможно, разумнее и милосерднее было бы незамедлительно лишить их жизни. Трибун колебался, взвешивая все «за» и «против», но тут с надвратной башни послышался крик:

– Они зашевелились!

«Похоже, германцы позволили нетерпению взять верх над расчетливостью, – разочарованно подумал Вителлий. – И нам не удастся даже выбраться в открытое поле, чтобы хотя бы размяться как следует перед вечным покоем». Устало поднявшись на сторожевую платформу, трибун увидел вытянутое лицо молоденького опциона шестой и через мгновение понял причину его растерянности.

Вся германская орда действительно пришла в движение, но направлялись варвары не к деревне, а, огибая ее, к лесистому склону холма.

– Это еще что за номер? – Вителлий нахмурился.

– Командир, что они собираются выкинуть?

– Не имею ни малейшего представления, – пожал плечами трибун.

Варвары прибавили шагу, и очень скоро их безоружные соплеменники остались одни. Катон никак не мог заставить себя поверить глазам и пребывал в абсолютнейшем замешательстве, пока его уши не уловили знакомый сигнал. В рассветном воздухе прозвучало пение горна, и через гребень холма перевалила колонна, ведомая конниками в красных плащах и увенчанных гребнями шлемах.

Веспасиан дал легиону команду выступить ночью, не дожидаясь гонцов.

Глава 14

Заслышав разнесшийся по всему больничному коридору звук колокольчика, дежурный санитар приглушенно выругался. Раненый вел себя совершенно невыносимо. То вина ему подай, то еды, то отправь кому-то там сообщение, то измени положение больной ноги, а через минуту верни ее снова на место. Беда в том, что этот хренов сучок был центурионом, то есть на настоящий момент самой большой шишкой в госпитале, не считая хирурга. Спрятать бы эту его погремущку подальше, но тоже нельзя, колокольчик положен этому типу по чину. Колокольчик, отдельная палата и индивидуальное внимание дежурного санитаря. Простым солдатам таких привилегий не полагалось. Они полеживали себе в тесных клетушках по пять, а то и по шесть человек, ели, когда дают, никому не надоедали, не ныли. Прикованных к постели обеспечивали горшками, которые выносили лишь трижды в сутки, а этот зануда опять, наверное, обоссался, вот и трезвонит теперь почему зря.

Макрон, и впрямь облегчившийся в утку, лежал на ней, хмуро разглядывая потолок. Рана его была рваной, глубокой, сильно загрязнилась и могла оказаться фатальной, не догадайся он наложить на ногу жгут. Врач после чистки и обработки зашил ее, но оставил отверстие для выхода гноя. Макрону было велено оставаться в постели, пока дело не пойдет на поправку, в ответ же на поток брани хирург с невозмутимой улыбкой заявил, что его подопечный не единственный центурион в легионе и что какое-то время упомянутый легион как-нибудь без него обойдется, а потом, полюбовавшись еще раз своей работой, ушел. У него не было времени на болтовню. Его помощи ждали десятки парней, которым не повезло в заварушке. Большинство раненых он поставил на ноги за пару дней, кое-кто, правда, отправился на тот свет, несмотря на все старания персонала, остальные хотя и нуждались в уходе, но постепенно выкарабкивались из критического состояния, так что все, можно сказать, шло хорошо. А по-настоящему радовало то, что все пациенты в палатах были свои. Варвары, убегая, добились своих потерявших способность двигаться сотоварищей, благодаря чему госпиталь был избавлен от возни с грязными, дурно пахнущими дикарями.

Зато те кишели теперь в поселении, лепившемся к крепости, ведь варварская деревня была целиком спалена. Счастливчикам удавалось выпросить прибежище у родственников, ранее презираемых как римских прихвостней, а теперь бравших за это реванш. Менее везучим предстояло зимовать в наспех соорудившихся вокруг лагеря примитивных шалашах и землянках. Было очевидно, что очень не многие из них доживут до весны, ибо ни на сочувствие легионеров, ни на сострадание соплеменников этим людям рассчитывать не приходилось. Первые были злы на них за мятеж, вторые – за возросшую подозрительность римлян, сильно портящую их привольное бытие.

Колокольчик прозвенел снова, на сей раз громче, и санитар, вразвалочку направлявшийся к офицерским палатам, невольно ускорил шаг.

– Ну ты, увальня, пошевеливайся! – проревел Макрон. – Мне что, сто лет тут махать этой штукой?

– Прошу прощения за задержку, командир, – извинился санитар. – Дело в том, что один из наших раненых при смерти и я хочу проследить за вещами покойного. Чтобы они достались его друзьям, а не кому-то еще.

– А они их получают?

– Да уж конечно. Мы с ребятами позаботимся, чтобы его пожитки были отданы кому следует.

– Небось лишь после того, как заберете свою долю.

– Конечно, командир.

– Стервятники хреновы.

– Стервятники? – Санитар обиженно покачал головой. – Это всего лишь привилегия нашей службы. Итак, что угодно центуриону?

– Убери это, – Макрон выдернул из-под задницы утку. – И прибавь огня. Здесь что-то холодноватое.

– Есть, командир. – Санитар кивнул, осторожно взял утку и поставил на низенький столик. – Сегодня славный денек, командир. Безветренный, ясный.

– Ну-ну. Но все равно здесь очень зябко.

– Вовсе нет, командир. Просто тут хорошо проветрено. Это полезно.

– Какая может быть польза от этакой холодрыги? Я тут загнусь от нее – вот и все.

«Вот хорошо бы», – подумал про себя санитар, однако спорить не стал, а подбросил в очаг щепок, разворошил уголья и даже на них подул. Слабые язычки пламени вяло зашевелились.

– Вот, другое дело. А теперь унеси от меня этот горшок.

– Есть, командир.

Санитар забрал утку и направился к двери, возле которой его чуть не сбил с ног влетевший в палату Катон. Однако дежурный, явив чудеса гибкости, сумел увернуться от столкновения и, не пролив ни капельки офицерской мочи, выскользнул в коридор.

Катон подошел к койке:

– Рад видеть тебя, командир.

– Ага, рад. Выбрался раз в три дня, вот и вся твоя радость.

– Так ведь дел-то невпроворот, командир. Как нога?

– Не гнется и, сволочь, болит, когда пробую ею шевелить. Но клистирные трубки считают, что с ней все в порядке.

– Командир, ты и впрямь выглядишь лучше, чем раньше.

– Врач уверяет, что нагноение незначительное и рана вот-вот заживет.

– Стало быть, командир, ты скоро вернешься в центурию?

Макрон внимательно посмотрел на Катона, потом ворчливо сказал:

– Вообще-то, молодой оптион должен бы радоваться, что начальник в отлучке. Это дает ему возможность примериться к его должности.

– Так и есть, командир. Я, конечно, радуюсь, но...

– Но?

– Но я и представить себе не мог, сколько всего свалится на мою голову. И муштра, и проверка казарм, а также оружия, снаряжения, и забота о провианте. А вдобавок еще – бесконечная писанина.

– Вали ее на Пизона. Я делаю именно так.

– Да, командир, он очень старается. Пизон есть Пизон. Но мы только что получили приказ составить полную опись снаряжения и личного имущества наших солдат. Мало того, из штаба прислали распоряжение до конца недели сдать под расписку в казну все наличные деньги и никому не иметь свыше десяти сестерциев на руках. Скажи, у центурионов всегда такая запарка?

– Нет, сынок, не всегда.

Макрон призадумался. Судя по словам паренька, легион вот-вот должен был сняться с насиженного шестка. Приказ сдать деньги понятен. Монеты весят немало, а ничто лишнее не должно отягощать в походе солдат. А вот со списком имущества дело поинтереснее. Эта затея указывает, что марш будет долгим. И потому у легионеров изымут все личные вещи, чтобы что-то принять на хранение, а что-то продать. Хуже всего, заключил Макрон, что ему придется к месту нового назначения трястись в больничной повозке. Радости от такого путешествия мало. Маршировать, может быть, и утомительнее, но всяко приятней и веселей.

– Известно, куда нас направят?

– Официально нет, командир. Но пробежал слухок, что в Британию. Вместе с другими войсками.

– В Британию? Да на кой она Риму? Дикий сырой остров, там одни топи. Позариться на него может лишь тот, у кого не в порядке с башкой.

– Так говорят, – отозвался Катон. – А потом, командир, где это сказано, что у нашего императора с головой все в порядке?

– Верно замечено, – рассмеялся Макрон. – Послушай, я понимаю, что на тебя навалилась куча всего, но тут уж ничего не поделаешь. По существу, командование центурией и заключается в такого рода работе. Тебе просто нужно малость привыкнуть, а документы и прочее пусть оформляет Пизон.

– Да с этим-то у меня как раз все нормально, – пробормотал Катон. – Загвоздка в другом.

– В чем же?

– Думаю, что во мне, командир. Похоже, я не гожусь для того, чтобы отдавать людям приказы. Не получается у меня, вот и все.

– И почему же?

Катон, переступив с ноги на ногу, покраснел:

– Конечно, я опцион, и по уставу солдаты должны меня слушаться, но это не значит, что им по нраву, когда такой... такой, скажем прямо, сопляк начинает указывать им, чего делать, чего не делать. Нет, они, разумеется, мне повинуются, но без охоты... с ленцой. И без этого... без уважения, что ли.

– Без уважения? Ну так что ж? Уважение не дается со званием или должностью, его надобно заслужить. Все с этим сталкиваются, особенно молодежь. Хитрость в том, чтобы завоевать доверие подчиненных, а остальное... остальное придет.

– Но как мне завоевать их доверие, командир?

– Для начала перестань ныть. А потом действуй как опцион, вот и все. Будь с ними строже.

– Командир, у меня не получится.

– Что за хрень ты городишь? Не получится. Как это не получится? Непременно должно получиться!

Макрон оперся на локти и, поморщившись, переместил ногу в более удобное положение.

– Катон.

– Да, командир.

– Подбрось в огонь побольше поленьев, да сухих, а то от этих угольев никакого тепла.

И закрой окно.

– А надо ли, командир? Говорят, свежий воздух укрепляет здоровье.

– Свежий, может быть, но не холодный. Толку от этого окна никакого. Так что закрой его. И поживей!

– Есть, командир.

Катон, не мешкая, закрыл окно и подложил в очаг пару поленьев.

– Ты заметил? – спросил Макрон.

– Что, командир.

– Как быстро и четко ты все проделал?

Катон недоуменно кивнул:

– Но, командир...

– Это то, что тебе нужно сейчас вырабатывать. Командный непререкаемый тон. Тренируй его, и он станет естественным, как дыхание.

– Я попробую, командир.

– Да уж, попробуй. Ну, что с тобой было еще? – Макрон откинулся на подушку и замер. Лицо его сделалось медно-красным в отсветах пламени весело затрепавшего очага. – Не стой столбом. Сядь на табурет и выкладывай.

Катон помялся.

– Сегодня утром меня вызывали к легату.

– Да? – улыбнулся Макрон. – И что же сказал легат?

– Не так уж много. Сказал, что награждает меня венком и знаком воинской доблести. Я не совсем понял почему.

– По моей рекомендации, почему же еще? – опять улыбнулся Макрон. – Ты ведь спас мне жизнь, если помнишь? Хотя чуть было не сломал при этом штандарт. Но ведь не сломал же. Награду ты заслужил, и, я полагаю, когда на твоём ремне появится знак отличия, многие станут к тебе относиться иначе. Все настоящие воины уважают боевые награды. Теперь ты герой. Чувствуешь? Ты – герой!

Катон опять покраснел:

– Откровенно сказать, я так не считаю.

– Да почему?

– После единственного сражения какой я герой?

– Ну уж сражения. Скорей стычки.

– То-то и оно, командир. Стычки, в которой я если и нанес врагу хоть какой-то урон, то лишь случайно. Где же тут героизм?

– Пластать врагов вовсе не героизм, а работа, – мягко промолвил Макрон. – Оно, конечно, тоже засчитывается в заслуги, но твой случай – другой. Послушай, тебе ведь было вовсе не обязательно возвращаться за мной, ты сам, без приказа, решился на это. Хотя все шансы были против тебя. По-моему, для такого поступка требуется настоящее мужество, и я горжусь тем, что такой парень, как ты, служит рядом со мной.

Катон с недоверием уставился на Макрона:

– Это серьезно, командир?

– Конечно. Разве я когда-нибудь молол языком попусту?

– Никак нет, командир.

– Ну то-то. Так что и ты не болтай лишнего, а принимай все как есть. Я полагаю, состоится торжественная церемония?

– Так точно, командир. Через два дня. Парадное построение. Будут вручаться награды всем отличившимся, включая Вителлия.

– Вот как? – Макрон усмехнулся. – Ну что ж, это украсит его послужной список. Будет чем хвастать по возвращении в Рим.

– Потом, уже вечером, намечен прием. Легат приглашает всех командиров третьей когорты. То есть, конечно, тех, что остались в живых.

– Значит, все будет просто и по-солдатски. Очень похоже на Веспасиана. Чинно и без особых затрат.

– Командир, ты тоже туда приглашен.

– Я? – Макрон пожал плечами и указал на свою ногу. – Как я смогу явиться туда?

– Я спросил об этом легата.

– Спросил? Ну и что он ответил?

– Он пришлет за тобой носилки.

– Носилки? Вот радость, – заворчал внутренне довольный Макрон. – Значит, весь вечер я буду лежать там, как болван, да еще что-то мямлить? Нет сынок, это все не по мне. Я не любитель занудных сборищ.

– Тогда откажись, командир.

– Отказаться? – Макрон поднял бровь. – Парень, приглашение командира легиона для солдата значит больше, чем повеление самого Юпитера, подкрепленное всеми его громами и молниями.

Катон улыбнулся и встал:

– Мне, пожалуй, пора. Что принести тебе в другой раз, командир? Может быть, что-нибудь почитать?

– Нет, брат, спасибо. Нужно дать отдых глазам. Что мне не помешает, так это добрый кувшинчик вина, ну и... игральные кости. Для тренировки руки.

– Для тренировки? – Катон был слегка удивлен, поскольку считал, что числа на кубиках выпадают случайно и никакая техника тут ни при чем. – Ладно, кости так кости.

– И вот еще что! – окликнул Макрон.

– Командир?

– Напомни Пизону, что он должен мне пять сестерциев и что я в них нуждаюсь.

Глава 15

Центурион Бестия, шествуя вдоль рядов новобранцев, придирчиво осматривал их одежду, оружие и снаряжение. Во многих отношениях эти проверки являлись едва ли не самой тягостной в обучении вещью. Маршировка, муштра и практика с оружием требовали лишь физических усилий, при минимуме умственных, а вот для подготовки к смотру нужны были время, старание и сноровка, граничащая со своего рода искусством. Каждый элемент снаряжения следовало привести не просто в порядок, но в идеальное, безупречное состояние. Разумеется, на сей счет имелись уловки, но такой въедливый жучила, как Бестия, знал их наперечет и куда лучше своих подопечных. Все это понимали, и новобранец мог предпринять попытку надуть его разве что по великой глупости или с отчаяния. Именно поэтому сейчас Катон нервничал и молился всем известным ему богам, чтобы центурион не присмотрелся к глянцу на его поясе и портупейных ремнях. Посещение госпиталя не оставило ему времени, чтобы довести кожу до блеска, и вместо того он по совету Пиракса просто покрыл ее лаком. Стоя недвижно с копьем в правой руке и щитом в левой, Катон явственно ощущал витавший вокруг него запах. Если Бестия дотронется до липкой кожи, обман раскроется, и тогда взбучки не избежать.

Бестия еще издали углядел свою жертву и устремился к ней, едва скользнув взглядом по четверке стоящих перед Катонем солдат.

– А! Оптион! – произнес он с расстановкой. – Как это мило, что сегодня ты соизволил вспомнить о нас.

Как и в других случаях, это язвительное замечание было несправедливым, ибо если Катон и пропускал занятия, то не по собственной воле, а будучи освобожденным от них приказом легата.

– И что же ты, значит, у нас теперь вроде герой, мастер Катон?

Катон молчал, глядя прямо перед собой.

– Я, кажется, мать твою, задал тебе вопрос, – с нажимом произнес Бестия и повернулся к сопровождавшему его оптиону. – Скажи, разве я, мать его, не задал ему вопрос?

– Так точно, командир, – с готовностью отозвался оптион. – Ему, мать его, был задан вопрос.

– Так почему ты молчишь, недоносок?

– Да, командир! – отчеканил Катон.

– Что «да, командир»?

– Да, командир, я у вас теперь вроде герой.

– Я прошу прощения, сынок! – сказал ласково Бестия. – У меня, должно быть, совсем плохо со слухом. Не слышу тебя, хоть убей. Ну-ка ответь мне снова. И громче!

– Да, командир, я у вас теперь вроде герой! – гаркнул Катон.

– Да неужели? А впрочем, почему бы и нет? Надо думать, германцы тут же обделались, завидев такого вояку. Мне и самому-то порой жутковато глядеть на тебя. Представляю, какого ты нагнал на них страху.

Новобранцы покатались со смеху.

– Заткнитесь! – рявкнул им Бестия. – Я давал вам, бабье, разрешение смеяться? Отвечайте, давал или нет?

– Никак нет, командир! – хором ответили новобранцы.

– Так вот, герой, ты теперь должен соответствовать своей славе.

Бестия ел юношу взглядом, стоя так близко, что тот видел каждый шрам на лице ветерана, каждую родинку и даже простудную красную сыпь, обметавшую крылья его гневно раздутых ноздрей. Потом центурион наклонился, наморщил нос и... громко чихнул. Он отступил на шаг, извлек из кармана грязную тряпицу и трубно высморкался. Катон просиял.

– Что скалишь зубы, сопляк? Никогда раньше не видел простуженного человека?

– Никак нет, командир.

– Я с тебя глаз не спущу, оптион хренов, – пообещал Бестия, пряча платок. – Допустишь оплошность, пощады не жди! – Он повернулся и зашагал дальше.

– Можно подумать, я от тебя ее жду, – пробормотал себе под нос Катон. И обмер, ибо помощник Бестии еще не ушел и стоял в двух шагах. «Ну все», – подумал юноша, но оптион только хмыкнул, потом подмигнул ему и поспешил за уже распекающим кого-то центурионом. Катон облегченно вздохнул.

В то утро порядок занятий был изменен. Новобранцев строем вывели из крепости и повели к специальной площадке, рассеченной на неодинаковые участки линиями разноцветных флажков. У площадки стояла упряжка тупо жующих жвачку быков. Центурион снял с подводы кирку с лопатой.

– Кто из вас скажет, что я взял в руки, бабье?

Новобранцы молчали, опасаясь подвоха.

– Молчите, тупицы? Что ж, ничего другого я от вас и не ждал. Так вот, эти штуковины могут показаться вам обычными инструментами землекопов, но в действительности они представляют собой опору римской империи. Да-да, опору, я знаю, что говорю. Именно с помощью этих безобидных с виду предметов возведены самые грозные и неприступные крепости Ойкумены. Римские армии, при всем их могуществе, время от времени терпят поражения, римские крепости – никогда! Может, кто-то из вас слышал байку о том, что легиону предстоит передислоцироваться?

По рядам прокатился тихий гомон – то было первое официальное подтверждение слухов, уже десять дней будораживших всех солдат. Бестия дал шуму утихнуть и только тогда заговорил снова.

– Так вот, бабье, в отличие от старших командиров, таких как я, например, вы не имеете понятия о том, куда мы отправимся. Да вам и не положено этого знать. Там будет поинтересней, чем здесь, однако так просто попасть туда вам не удастся. Прежде вы должны будете ознакомиться с основами фортификационных работ, начиная от устройства простого полевого лагеря и вплоть до возведения бициркумвалляции.

Лица у новичков вытянулись, и только один из них, знакомый с работами Цезаря, понял, о чем идет речь.

– Начнем мы, девочки, с малого, поскольку вашим убогим умишкам непросто уразуметь, в чем состоит тактическое значение или оборонительный потенциал чего-либо, хотя бы чуточку отличающегося от сточной канавы. Но это ладно. Запомните вот что. Каждый легион, продвигаясь по вражеской территории, устраивает укрепленные лагеря. Место стоянки оканчивается рвом и обносится земляным валом, по верху которого вбивается частокол. Каждый легионер в этом случае получает по кирке и лопате, чтобы вести земляные работы в соответствии с инженерной разметкой. Видите желтые флажки? Так вот, наплюйте на них. Ими размечены площади под палатки. А вот красные.

Вымпелы идут по линии оборонительного рубежа. Того самого, какой вы сейчас возведете. Копать нужно с внутренней стороны от разметки. Ваша задача – отрыть ров в три с половиной локтя шириной и в два локтя глубиной. Это пара лопат в поперечнике в ширину и примерно одна в глубину. Землю вы будете отбрасывать только за спину, непрерывно трамбуя ее. Урочный участок для каждого уже размечен и составляет квадрат в три с половиной локтя. Начинаем с самого высокого из флажков, первым становится наш герой. Вопросы есть? Если нет, разбирайте инструменты и за работу.

Получив кирку и лопату, стоимость которых, как уже было известно Катону, вычитается из солдатского жалованья, новобранцы рассредоточились вдоль красных флажков, и Бестия повелел всем приняться за дело. Под тонким слоем дерна почва если и не смерзлась совсем, то

уже стала схватываться, так что ее приходилось долбить, громоздя в основание вала твердые комья глины. Очень скоро все и думать забыли о холоде: пот лился градом, шерстяные нижние туники прилипали к плечам. Хотя длительная муштра и каждодневные упражнения уже закаляли новобранцев, рытье траншеи оказалось делом нелегким, а Бестия заставлял работать без передышки, напоминая, что в походе придется пошевеливаться вдвое быстрее. Ладони Катона вскоре покрылись волдырями, те тут же полопались, и грубую деревянную ручку лопаты оросила сукровица, а чуть позже и кровь. Но он продолжал мучиться, поджав губы и изредка с завистью поглядывая на парней, выросших в сельской местности и с малых лет привычных к такому труду. Вдобавок, как назло, непосредственно рядом с ним рыл яму Пульхр, который при всяком удобном случае принимался его донимать.

– Герой, значит, вот как? – издевательски приговаривал он. – Это кому ж ты подставил очко, чтобы тебя, недоноска, отметили, а?

Катон молчал.

– Эй, я к тебе обращаюсь!

Катон не повел и бровью.

– Ты смотри, какие мы гордые! И говорить-то ни с кем не хотим! – Пульхр рассмеялся и повернулся к соседу. – Похоже, наш сраный герой возомнил себя невесть какой шишкой.

– Тихо там! – крикнул инструктор. – Не смей болтать!

Пульхр с нарочитым усердием взялся за копку, но, как только инструктор ушел, изловчился и швырнул Катону в лицо полную лопату земли.

– Ну, ты! – Катон выпрямился, сжимая кирку.

– Грозить мне вздумал? Ах ты, ублюдок!

Пульхр угрожающе стиснул лопату, но, почуяв опасность, тут же вонзил ее в грунт.

– Что тут такое? – Над траншеей высился Бестия. – Ах, мы никак отдыхаем? Устроил себе перерыв без приказа: так, что ли, герой?

– Никак нет, командир.

– А почему у тебя вся рожа в земле?

– Командир, я...

– Отвечай на вопрос!

– Я оступился, командир. Оступился и упал... лицом в землю.

– Значит, ты устал, малый? – спросил Бестия с притворным участием.

– Так точно, командир, но я...

– Наверное, тебе навыка не хватает. Надо побольше упражняться. В следующие пять вечеров займешься чистой выгребных ям.

– Но... командир, после торжественной церемонии я приглашен на ужин к легату.

– Что ж, поработаешь черпаком побыстрее, чтобы поспеть туда вовремя. – Бестия ласково улыбнулся. – И постарайся не замараться, Веспасиан вони не терпит. – Центурион хлопнул юношу по плечу и двинулся дальше.

– А не пошел бы ты в задницу, старый дурак, – шепотом выбранился Катон.

Центурион обернулся:

– Ты что-то сказал? Сказал или нет?

– Сказал, что я очень рад, командир.

– Да ты, сынок, кажется, шутики тут шутишь?

– Никак нет, командир, – отчеканил Катон, вытянувшись по стойке «смирно». – Я действительно очень рад предоставленной мне возможности совершенствоваться, постоянно имея перед глазами образец римского офицера.

Несколько мгновений Бестия буравил юнца суровым взглядом, потом, выразительно сплюнув, ушел. Пульхр давился беззвучным хохотом.

– Я тебе это припомню, – сказал Катон.

– Ох, как мне страшно! Аж мокро в штанишках! – откликнулся Пульхр.

Катон окинул весельчака долгим взглядом. Ужас, в какой его повергал перуджиец, после боя прошел. Осталась лишь злость на его постоянные подковырки, да еще раздражала необходимость постоянно держаться настороже. Сердито вздохнув, он вонзил в землю кирку и закричал, с усилием выворачивая здоровенный ком глины. С Пульхром нужно было что-то решать, и как можно скорей.

В полдень Бестия объявил перерыв и выстроил солдат вдоль откопанного ими рва, чтобы оценить проделанную работу. Резкий переход от энергичного труда к вынужденной неподвижности очень скоро дал о себе знать. У большинства новобранцев зуб на зуб не попадал, пока инструкторы неспешно указывали им на ошибки. Кто-то размахнулся пошире, но не дорылся до нужного уровня, кто-то заузил выемку, но ушел вглубь, а некоторые вообще не преуспели ни в том ни в другом, однако дюжине новичков, среди которых были Пульхр и Катон, удалось справиться с заданием удовлетворительно, и Бестии с большой неохотой пришлось это признать.

– Сказать по правде, ребята, я думаю, что варварам нечего особо побаиваться Рима, пока его легионы формируются из такой швали, как вы, – сказал в заключение он. – Если эта паршивая канавка – оборонительный ров, то я – самая перезанюханная из всех греческих потаскух. Казалось бы, чего еще надо? Копай да копай в свое удовольствие по холодочку, но разве от вас будет толк? Итак, сейчас мы прервемся, чтобы быстренько подкрепиться, а после обеда предпримем вторую попытку. Вопросы есть? Нет! Разойдись!

Глава 16

Дом легата был ярко освещен изнутри. Примчавшийся к нему со всех ног Катон остановился, чтобы перевести дух и снова надеть на голову снятый для удобства венки. Знак воинской доблести, свисавший с его шеи, покачнувшись при этом и блеснул, отвечая на переливы огня. Впоследствии этот знак предстояло приклепать к портупее, чтобы носить его до конца службы, а в случае смерти быть погребенным вместе с наградой. Собравшись с духом, юноша зашагал к воротам. Стражи скрестили перед ним копья.

– Имя? – спросил управитель.

– Квинт Лициний Катон.

– Катон, – пробормотал управитель, делая стилем пометку на восковой табличке. – Ты опоздал, Катон, сильно опоздал. Пропустите его.

Копья раздвинулись, и Катон прошел через ворота во внутренний двор.

– Ступай прямо. – Управитель указал на главный вход и сморщил нос, словно принюхиваясь к чему-то.

Из окон среди колоннады лился свет, звучала музыка, слышались голоса. Опоздание на прием, наверное, считалось очень тяжким проступком, но не прийти совсем было немислимо, так же как немислимо было послушаться приказа Бестии, а, как назло, в этот день солдаты маялись животами, и работа в нужниках заняла больше времени, чем ожидалось. Катон едва успел заскочить в казарму, чтобы переодеться в заранее приготовленную тунику, а потом бежал через весь лагерь. С горьким предвкушением неприятностей юноша подошел к массивной двери и тихонько поскребся в нее. Завидев его, дежурный распорядитель не смог скрыть раздражения.

– Наконец-то, опцион. Тебе придется найти для легата удовлетворительное объяснение.

– Я извинюсь, как только улучу подходящий момент, – заверил Катон. – Можно ли мне как-нибудь незаметно пройти к моему месту?

– Наверяд ли, молодой человек. Следуй за мной.

Распорядитель закрыл дверь и, откинув тяжелый занавес, провел гостя в приемный зал, возможно не слишком просторный по меркам императорского дворца, но достаточно вместительный и отделанный с большим вкусом. Он освещался десятками свисавших со стропил масляных ламп, а вдоль стен его тянулись ряды пиршественных кушеток попеременно с низкими столиками, уставленными напитками и едой. К удивлению Катона, собрание было весьма представительным, ибо помимо командиров третьей когорты в зале присутствовали все гарнизонные трибуны и центурионы, а также некоторые из офицерских жен. В центре зала пыхтела развлекавшая публику пара борцов, у дальней стены притулились отчаянно раздувавшие щеки флейтисты. Торопливо присмотрев с краю незанятую кушетку, Катон вознамерился незаметно к ней проскользнуть, но распорядитель его удержал и повел к помосту, где восседали самые почетные гости. Катон ужаснулся, увидев, что место между Макроном и легатом пусто. Похоже, оно-то и назначалось ему. Завидев юношу, Веспасиан нахмурился, но спустя мгновение раздвинул губы в улыбке и приветственно помахал рукой:

– Опцион! А я тут гадаю, куда ты девался?

– Прошу прощения, командир, – ответил Катон, проскальзывая к свободной кушетке. – Я выполнял служебное поручение и потому прийти раньше не мог.

– Какое поручение? – поинтересовался легат.

– Я предпочел бы не говорить о нем за таким прекрасным столом, командир.

– От которого, боюсь, уже не так много осталось. Руфул! Посмотри, чем мы можем порадовать нашего гостя.

– Слушаюсь, командир, – поклонился распорядитель и, бросив хмурый взгляд на Катона, ушел.

– Ну а пока ты ждешь, предлагаю отведать фаршированных сонь². Конечно, начинка у них из местного сыра, что делает несколько непривычным их вкус, но, полагаю, они все равно послужат тебе приятным гастрономическим напоминанием о дворце. Угощайся.

Катон не заставил просить себя дважды и потянулся к еде. Хотя сони были слегка пережарены на огне, они приятно хрустели во рту и являлись изысканным добавлением к не очень-то разнообразному рациону легионера.

– Выпей вина, – предложил Веспасиан и указал на ряд самнитских кувшинов. – Есть приличное галльское и довольно сносный массик. Ну а остатки фалернского я хочу приберечь для общего тоста.

Глаза Катона блеснули.

– Благодарю, командир. И в первую очередь за приглашение. Для меня это высокая честь. Мне кажется, я ее вряд ли достоин.

– Пей, сынок. И ничем не смущайся. Ты хорошо показал себя в стычке. – Веспасиан одобрительно покивал. – Поешь как следует, а потом я тебя кое с кем познакомлю. Например, с женой, ей очень хочется услышать последние дворцовые сплетни. Если, конечно, наш бравый трибун даст ей передышку.

Он кивком указал на левую часть помоста. Восседавший там прекрасно одетый и весьма импозантно выглядевший Вителлий что-то нашептывал стройной патрицианке, лица которой почти не было видно из-за его фривольно склоненной к ней головы. Веспасиан на миг помрачнел, но тут же вновь улыбнулся.

– Но это, как я говорил, подождет. А сейчас, сынок, мне надо бы побеседовать с префектом лагеря. Пожалуйста, не стесняйся, угощайся и отдыхай.

Произнеся это, легат повернулся к юному оптиону спиной, и тот полностью сосредоточился на расставленных перед ним яствах.

– Откуда, черт возьми, этот запах? – сердито повел носом Макрон.

– Боюсь, от меня, командир, – ответил Катон, наполняя свою чашу темно-красным массиком.

– Что за дрянь? От тебя несет, как от дешевой шлюхи.

– Так все и обстоит, командир. Это духи, которые Пиракс купил именно для дешевой шлюхи.

– Ты что, пользуешься духами? – изумился Макрон.

– Пришлось, командир. Я весь вечер возился с дерьмом и, как ни мылся, не мог избавиться от воницы. Ну а Пиракс парень сведущий и предложил мне перебить один запах другим.

– Предложил, значит?

– Да, командир. Сказал, что лучше пахнуть как шлюха, чем вонять как дерьмо.

– С этим можно поспорить.

– Как твоя нога, командир? – спросил Катон, потянувшись за очередной фаршированной соней.

– Получше. Но раньше чем через месяц-другой я, пожалуй, не встану, хотя мне очень надо бы встать. Неохота трястись на повозке в обозе, когда легион выйдет на марш.

– Тебе не шепнули, куда нас отправят?

– Тихо, парень! Держи рот на замке! Считается, что мы ни хрена не знаем. Я думаю, здесь нам и собираются обо всем сообщить.

– Да ну?

– А зачем же тогда тут собрали такую ораву? Если в связи с награждением, так и позвали бы лишь награжденных. Наверняка имеется в виду что-то еще.

² Сони – схожие с белками грызуны.

Флавия отреагировала на очередную шутку Вителлия вежливым сдержанным смехом. Клавдий как-никак император, хотя анекдот был хорош. Впрочем, ей захотелось копнуть самонадеянного трибуна поглубже, и она с беззаботным видом произнесла:

– Это забавно, очень забавно, Вителлий. Ну а сам-то ты как полагаешь, годится Клавдий в правители или нет?

– Я? – Вителлий смерил ее внимательным взглядом. – Я думаю, что еще рано о том судить. Он у власти всего два года.

– А вот в Риме, я слышала, поговаривают, что ему долго не продержаться. Что он либо безумец, либо простак, раз позволяет вольноотпущенникам вести все дела за себя. В частности, этому проходимцу... Нарциссу.

– Да, поговаривают. – Вителлий позволил себе улыбнуться. Когда речь заходит об императоре, никто не рискует высказываться напрямую. Вот и Флавия якобы что-то где-то услышала. – Но так бывает всегда. Пока человек учится властвовать, ему волей-неволей приходится на кого-нибудь опираться.

– Ах, – Флавия рассеянно забросила в рот кусочек мяса. – Ты, безусловно, прав. Мне вообще кажется, что один человек просто не в состоянии нести подобное бремя. Но зачем отдавать все на откуп каким-то бывшим рабам? Разве в сенате мало достойных и мудрых мужей, способных помочь императору править?

– Помочь императору править? Или править вместо него? Но тогда мы вернемся к кровопролитиям времен республики. Когда каждый политик – солдат и каждый солдат – политик. Никаких выборов, только войны за власть.

– Ну, никаких выборов у нас нет и сейчас, – улыбнулась Флавия.

– Нет, – согласился трибун. – И прекрасно. Давно ли римляне резали римлян во имя политических амбиций своих полководцев?

– Насколько я помню, божественный Август также истребил всех своих соперников, навязав Риму себя. Вспомним Тиберия, вспомним Калигулу. Разве на их руках мало крови?

– Немало, не спорю. Однако ее пролилось бы много больше, если бы Август не вывел армию из-под контроля сената, разве не так?

– Кто знает. – Флавия вновь потянулась к мясу.

– Послушай. – Вителлий придвинулся ближе. – Ты и вправду предпочитаешь республику тирании?

– Нет, разумеется, – с миной пай-девочки ответила Флавия. – Но почему бы не поболтать за столом? И не обсудить в порядке дружеской болтовни, чем так уж плоха власть сената?

– Интересный вопрос, Флавия. Очень и очень. Разумеется, плюсы и минусы есть везде. Я ничуть не сомневаюсь, что в сенате и впрямь немало светлых умов, однако позволю себе предположить, что, случись им опять взять бразды правления в свои руки, они тут же начнут заботиться не столько о благе Рима, сколько о собственной выгоде. Вспомни Далмацию, прошлый год. Бедный Клавдий едва удержался на троне. Кто знает, чем бы все кончилось, поддержи Скрибониана еще несколько легионов. Нам повезло, что агенты Нарцисса сумели подавить все в зародыше.

– Подавить в зародыше? – повторила раздумчиво Флавия. – Звучит так невинно, а это дюжины убитых людей. Я и сама потеряла нескольких хороших знакомых. Уверена, что и ты тоже. И они до сих пор охотятся за заговорщиками. Мы живем далеко не в самое безопасное время.

– Флавия, они сами навлекли на себя беду. Прежде чем участвовать в таких играх, нужно прикинуть ставки. Они поставили все. И проиграли, а Клавдий выиграл. Ты думаешь, обернись все иначе, они были бы к нему более милосердны?

– Нет, не думаю. – Она покривилась. – Полагаю, в этом ты прав.

– Правда, и шансов победить у них не было, – продолжил Вителлий. – Эти глупцы в силу своего старомодного идеализма вздумали взывать к патриотизму армейцев, вместо того чтобы обратиться к их кошелькам. Стоило Нарциссу появиться с золотом Клавдия, и все тут же кончилось.

– Складывается впечатление, – произнесла Флавия, пристально глядя трибуну в глаза, – что мораль этой истории такова: армия верна императору настолько, насколько богата его казна.

– Браво, Флавия! – рассмеялся Вителлий. – Прекрасно сказано! И, боюсь, в высшей степени справедливо. В конце концов все и впрямь сводится к тому, кто может предложить войскам больше денег. Знатность, мудрость и честность ничего больше не значат. Деньги – вот основа всего. Если они у тебя есть, мир вращается вокруг тебя, если нет, ты отринут.

– Что ж, тогда, – Флавия отпила глоток вина, – я надеюсь, наш император имеет достаточно средств, чтобы оставаться у власти. Ведь в противном случае, как ты сам говоришь, его отстранение от нее – всего лишь вопрос времени, необходимого армии на то, чтобы подыскать себе более состоятельного патрона.

– Да, – сказал Вителлий. – Всего лишь вопрос времени. Но довольно политики, поговорим о другом. Ты интересная собеседница, Флавия. Мне жаль, что до сегодняшнего вечера я не имел удовольствия в том убедиться.

– Мне тоже жаль. Но реалии армейского бытия таковы, что женам военачальников волей-неволей приходится жить очень замкнуто.

– А я уверен, – Вителлий подался вперед, – что ты достаточно умна, чтобы обойти эти ограничения... если захочешь.

– Возможно, да... если захочу.

– А это... возможно?

Флавия подняла глаза и увидела зов в его взгляде.

– Нет, – покачала она головой. – Я люблю Веспасиана. В нем больше стали, чем тебе кажется. Не стоит о том забывать.

Трибун, невозмутимо выслушав отповедь, приподнял свою чашу.

– За него, – произнес он негромко. – Хотя твой супруг вряд ли подозревает, насколько ему повезло.

Но Флавия уже вставала с кушетки, кому-то радостно улыбаясь. Вителлий поднял голову и тоже встал.

– А я все думала, когда же ты наконец приведешь ко мне этого бедного мальчишка? – сказала Флавия мужу, потом рассмеялась и повернулась к Катону. – Ну, ты меня узнаешь?

Тот оторопело сглотнул:

– Госпожа Флавия?

– Наконец-то. А как поживает малыш Катон? Похоже, он теперь не такой уж малыш. Дай-ка я на тебя полюбуюсь!

– Флавия и этот молодой человек знакомы еще по Риму, – пояснил трибуну Веспасиан. – Старые связи не рвутся.

– Мир тесен, – в тон ему отозвался трибун. – Похоже, мы живем во времена удивительных совпадений.

– Похоже, Вителлий, и я не прочь это с тобой обсудить, а эту парочку мы, пожалуй, отпустим. Пусть пощечечут. Я уверен, что моей женушке не терпится вытянуть из нашего юного оптиона все римские сплетни, накопившиеся за несколько лет. Не правда ли, дорогая?

– Конечно. – Флавия томно кивнула и повела Катона к центру помоста.

– Госпожа Флавия! Чудеса, да и только. Я и понятия не имел, что ты здесь.

– Да и откуда бы тебе знать? – усмехнулась она. – Женщины тут чаще сидят по домам, чем куда-то выходят. А уж германская зима и подавно запирает всех нас на замок.

– А ты? Ты знала, что я здесь служу?

– Конечно, мой дорогой. Не так уж много Катонов прибывают сюда из Рима, да еще прямоком из дворца. Как только услышала, что к нам велением императора прислан какой-то «жестяк-книжечей», так сразу и поняла, о ком идет речь. Мне страшно хотелось немедленно с тобой повидаться, но Веспасиан сказал, что сперва тебе надо тут пообжиться и что покровительство жены легата вряд ли добавит тебе уважения в глазах других солдат.

– Это верно. – Катон поморщился. – Но я все равно очень рад.

– Я тоже рада, – сказала Флавия. – Однако давай присядем. – Она устроилась на кушетке мужа и приглашающе похлопала рукой по соседней.

Прежде чем сесть, Катон глянул по сторонам. Никто на них вроде бы не смотрел, пирушка шла своим чередом, и он вздохнул посвободней, решив, что сам факт его приглашения на прием дает ему право на некоторую раскованность в поведении.

– Ну, Катон, расскажи же мне о себе. Что привело тебя в этот кошмарный край? Как вообще это могло случиться? Трудно ведь ни с того ни с сего столь резко переменить свою жизнь!

Катон, ощущая некоторую неловкость, покосился на хмуро помалкивавшего Макрона и осторожно сказал:

– Так уж сложились мои обстоятельства, госпожа. Но, полагаю, армия мне лишь на пользу.

Флавия подняла брови:

– Я вижу, ты и впрямь стал другим.

– Лишь в чем-то, моя госпожа. Позволь мне представить тебе моего командира. – Катон указал на Макрона и учтиво привстал.

– Госпожа Флавия. – Макрон хмуро кивнул и тыльной стороной ладони отер жир со своих губ. – Люций Корнелий Макрон, командир шестой центурии четвертой когорты, – отрапортовал он автоматически.

– Приятно познакомиться, центурион. Я полагаю, именно ты присматриваешь за моим другом?

– Хм. Не более и не менее, чем за любым другим из моих подчиненных, – обиженно отозвался Макрон. – Да и в любом случае этот паренек доказал, что вполне может позаботиться о себе сам.

– Нечто в этом роде я слышала и от мужа. Ну что ж, Катон, а теперь ты просто обязан рассказать мне о том, что делается во дворце.

Катон заговорил, но его тут же перебили вопросом, потом вопросы посыпались один за другим. Некоторое время Макрон пытался вникнуть в суть того, что он слышал, потом пожал плечами и с меланхолическим видом вновь принялся за еду. Флавия же не успокоилась, пока не выжала из Катона все дворцовые новости, слухи и сплетни.

– Тот же котел скандалов, наветов, интриг, – заключила она. – Но при всем том я жутко скучаю по Риму.

– Так почему же ты не осталась там, госпожа? Жены многих легатов, что служат в провинции, живут в столице. Это в порядке вещей, никто их не осуждает.

– Я знаю, малыш. Но после истории со Скрибонианом Рим стал не самым приятным местом для жизни. Слишком многие его жители занялись изобличением заговорщиков, как подлинных, так и мнимых. Дело дошло до того, что приходилось без конца переделывать списки приглашенных на прием или пир. Только соберешься позвать к себе человека, глядь, он уже арестован, а то и казнен. Это, мой милый, огромное неудобство.

Катон понимающе хмыкнул:

– К тому времени, когда я покинул дворец, число казненных перевалило за сотню.

– Нарцисс, похоже, без дела там не сидит?

– Нет, госпожа, не сидит. Теперь он стал совсем важной персоной, ведь император поручил ему возглавлять имперский штаб.

– И что... его это изменило?

– Нет, моя госпожа. Он остался таким же, как был. Изменились те, что его окружают. Болтуны сделались молчунами, молчуны обрели красноречие, превратившись в льстецов.

– А внешне... он выглядит так же? – спросила Флавия, опуская глаза и рассеянно теребя ткань пиршественной туники.

– Пожалуй... так же, – ответил с запинкой Катон. – Разве что на висках прибавилось седины.

– Понятно... понятно. И, я полагаю, наш с тобой общий секрет по-прежнему остается секретом? – понизив голос, спросила она.

Катон посмотрел ей в глаза:

– О да, госпожа, безусловно. Я дал тебе слово и буду держать его, пока жив.

– Благодарю, мой Катон.

В беседе возникла неловкая пауза. И Флавия, и Катон вернулись мыслями в памятную для них ночь. Над Римом бушевала гроза, и маленький мальчик, ища укрытия, заскочил в комнату, где, освещаемые всполохами сверкавших за окнами молний, двое любовников предавались неистовой страсти. Позднее, когда мужчина ушел, женщина обнаружила трясущегося в углу малыша и, схватив его за плечи, взяла с него страшную клятву молчать обо всем, что он видел. Но вид насмерть перепуганного ребенка так растрогал ее, что она, позабыв о собственных страхах, обласкала его, в результате чего мальчуган обрел покровительницу, а знатная дама – восторженного паж.

– Скажи, Катон, – прервала молчание Флавия, решив сменить опасную тему, – чего тебе здесь более всего не хватает? По чему ты скучаешь?

– По книгам, – не колеблясь ответил Катон. – Самое лучшее чтиво, какое здесь можно раздобыть, – это армейский устав. А перед отъездом из Рима я начал читать Тита Ливия. Увы, теперь одни боги ведают, когда мне выпадет случай вернуться к нему.

– Тит Ливий! История! – воскликнула Флавия. – Не понимаю, что тебе в ней? Я полагала, что молодежь должна тянуться к чему-то другому. К поэзии, например, к таким прекрасным поэтам, как Лукреций, Овидий, Катулл.

– Овидия трудновато найти, госпожа, – возразил ей Катон. – И в любом случае мои вкусы несколько консервативны. По-настоящему меня волнует лишь эпика.

– Вергилий? Да? – поморщилась Флавия. – Но он очень напыщенный. В его стихах напрочь отсутствует чувство.

– Зато он изящен, а то, что в нем считают напыщенным, я назвал бы возвышенным. Вергилий не разменивается на преходящее, он мыслит о вечном. Вот почему его читают и будут читать даже тогда, когда все забудут о броских, но поверхностных виршах остальных нынешних стихоплетов. Истинные ценители высокого и прекрасного всегда найдут, что в нем почерпнуть.

– О Катон, я восхищена твоей речью в защиту занудства, – засмеялась Флавия. – Оно, значит, ты полагаешь, пребудет всегда? Я только не поняла, каких ценителей ты имеешь в виду? Твоих теперешних сотоварищей? А?

– О нет! – Катон рассмеялся в ответ. – В мыслях солдат литературные изыски занимают отнюдь не первое место.

– Эй малый, передай-ка мне заливное, – бесцеремонно вмешался в беседу задетый их смехом Макрон.

– Да, командир, – ответил Катон виновато. – Пожалуйста, командир.

– Центурион, поддержи меня, – воскликнула Флавия, забавляясь. – Докажем этому маловеру, что он не прав. Я лично не верю, что офицеры моего мужа игнорируют муз.

- Кого, я не понял?
- Ответь, ты читаешь стихи?
- Нечасто, матрона, у меня мало свободного времени.
- Но ты, конечно, их любишь? – не унималась патрицианка.
- Конечно, матрона, как их не любить?
- И кто же твой любимый поэт?
- Кто мой любимый поэт? Погодите, тут надо подумать. Пожалуй, тот самый, о каком говорил оптион.

– Правда? – Мучительница наморщила лоб. – И какую же из работ Вергилия ты выделяешь?

– Трудный вопрос, матрона. По моему разумению, все они хороши.

– Обманщик! – рассмеялась Флавия и вдруг умолкла. – Тсс! – Она поднесла палец к губам. – По-моему, мой супруг поднимается с места и явно хочет нам что-то сказать.

Так и было. Веспасиан осушил свою чашу, встал и подал знак разнести по столам кувшины с фалернским. Потом он постучал жезлом по мозаичному полу, и в зале немедленно воцарилась мертвая тишина.

– Легионеры! – сказал легат. – Центурионы и оптионы! Я обращаюсь к вам, ибо трибунам известно, о чем я хочу сообщить. Я знаю, от вашего внимания не укрылось, что легион готовится к передислокации, но место нашего назначения по сей день оставалось в секрете. Сейчас пришло время открыть вам этот секрет. Итак, объявляю официально, что волею императора нам надлежит выступить в Галлию, с тем чтобы выйти к ее побережью и закрепиться там на какое-то время.

Веспасиан сделал паузу, очевидно рассчитывая на возбужденный отклик собравшихся, однако ничего подобного не произошло. Командиры, смущенно покашливая, отводили глаза, а одинокие наигранно-изумленные восклицания лишь усугубили неловкость, и легат внутренне передернулся.

– Когда к нам присоединятся другие подразделения, – сухо продолжил он, – мы приступим к совместной переброске в Британию. Десантная флотилия нас уже ждет. Не сомневаюсь, что римская армия, вдохновленная славным примером Тиберия Клавдия Друза Германика, уже к концу года одарит Рим новой провинцией, за что я и предлагаю сейчас осушить наши чаши! Виват!

Когда Макрон перебрался с носилок на больничное ложе, санитар, поклонившись, ушел. Катон тоже намеревался откланяться, но центурион ухватил его за тунику:

– Останься. Мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз.

Тон командира был настолько серьезным, что юноше сделалось не по себе. Макрон какое-то время мялся, потом, собравшись с духом, спросил:

– Ты ведь умеешь помалкивать, а?

– Командир?

– Можем ли мы кое-чем тут заняться? Так, чтобы это осталось лишь между нами, а остальным ни гу-гу?

Катон нервно сглотнул, хмель мигом слетел с него.

– Ну... это самое, командир. – Он смущенно покашливал. – Я, конечно, польщен, но... ты ведь знаешь, как это бывает. Кто-то может, кто-то не может. Так уж вышло, что я, извини, не могу.

Макрон вытаращил глаза:

– Что за хрень ты несешь? – Он привстал на локте. – Или ты решил, что я охоч до солдатских задниц? Если так, я мигом расколочу твою долбаную башку.

– Так точно, командир, – ответил Катон с облегчением. – Я ничего такого не думал. Чем я могу помочь, командир?

– Ты только и можешь. – Макрон шумно вздохнул. – Короче, обучи меня грамоте, малый.

– Грамоте?

– Ну да, грамоте, что тут такого? Ты знаешь все эти хреновые правила, и цифры, и литеры, и все такое, а я хочу этому научиться. То есть, по правде говоря, не хочу, тут я малость приврал, да только деваться мне некуда. Центуриону, видишь ли, положено уметь читать и писать, и если кто догадается, что я малограмотный, меня мигом разжалуют в рядовые. Вот и сегодня эта ехидная баба чуть было не подкузьмила меня.

– Понятно. А ты будешь стараться?

– Из кожи вылезу, но ты обещай мне, что об этом никто не узнает. Обещаешь?

Катон призадумался. Было похоже, что из него хотят сделать вселенское хранилище тайн. Но ответил как должно, хотя и не по уставу:

– Естественно, командир.

Глава 17

Зима двигалась к весне, снег растаял; частые сильные ливни превратили все немощенные дороги в полосы топкой грязи. Однако движение по ним не прекращалось: между отдаленным гарнизоном и Римом беспрерывно сновали гонцы, доставлявшие в лагерь последние циркуляры генерального штаба и возвращавшиеся обратно с отчетами и просьбами о выделении дополнительных фондов на закупку вьючных лошадей, фуража и рабов.

Впрочем, не дожидаясь денег и указаний, легион на свой страх и риск уже нанял возниц и погонщиков мулов. Кандидаты прошли самый строгий отбор и рассыпались по окрестностям в поисках наиболее крепких и здоровых животных. Разумеется, они стремились словчить, и часть выделенных на торговые операции денег оседала в их кошельках, но, поскольку закупленный ими скот отвечал условиям договора, командование предпочитало закрывать на это глаза. Дело шло, мулы и лошади всё прибывали, и крепостная стена обросла рядами наспех сооруженных кормушек и коновязей. Внутри же лагеря почти все не занятое строениями пространство было заполнено транспортным снаряжением легиона. Каждой центурии были выделены повозки для полевых палаток, шанцевого инструмента и административного багажа, включающего в себя всякую канцелярщину и личные вещи центуриона. Центуриям также вменялось иметь в своем обозном имуществе заостренные колья, ибо изготовить таковые на месте было возможно далеко не везде. Кроме того, в транспортном обеспечении непреложно нуждались госпиталь (для перевозки лежащих раненых и больных), артиллерия (для транспортировки громоздких деталей катапульт и баллист), интендантская и прочие службы. Также формировались продовольственный и фуражный обозы (с месячным неприкосновенным запасом провианта и корма), огромный обоз штабного имущества и, наконец, обоз с личными вещами старших командиров. Это был минимум, ибо командование принимало все меры, чтобы по максимуму разгрузить легион, для чего, например, по всему маршруту его следования закладывались зернохранилища и продуктовые склады.

Неотвратимость исхода острее всего ощущали солдаты, даже те, что привыкли жить лишь сегодняшним днем. Марш обещал быть нелегким и продолжительным, а потому брать с собой что-либо сверх предписанного уставом категорически запрещалось, и перед легионерами встала настоятельная задача поскорее избавиться от накопленного за годы оседлого существования барахла. И по возможности хоть что-нибудь за него выручить. Весть о том быстро распространилась повсюду, и поселение вокруг крепости вмиг разрослось. Торговцы, подобно стервятникам, слетались сюда со всей империи в расчете задешево приобрести добротные и ходовые товары. Унылые легионеры таскались от перекупщика к перекупщику, пытаясь подороже сбыть с рук свои вещи, и яростно торговались за каждый медяк, однако предложение явно превышало спрос, так что в выигрыше оставались одни лишь купцы, для которых перемещение столь крупного воинского формирования была просто даром небесным.

Однажды прохладным весенним днем на этот рынок забрел и Катон в поисках книг, пригодных для обучения своего командира.

– Только смотри, без стишков, философии и прочей хрени, – предупредил его центурион. – Найди что-нибудь подходящее не для столичного умника, а для честного и простого солдата.

– Командир, начать можно с простого, но в конечном счете усложнений не миновать.

– Это еще когда будет, а пока давай что-нибудь попонятнее. Ясно?

– Так точно, командир.

– Вот тебе деньги. Надеюсь, ты не потратишь их зря.

– Я постараюсь, командир.

– И смотри, никому ничего не сболтни. Если кто-нибудь спросит, скажи, что покупаешь мне чтиво в дорогу. Путь, мол, неблизкий, скучно трястись просто так. Купи что-нибудь по военной истории, или... не важно. Главное, про уроки молчи.

– Слушаюсь, командир.

Зябко кутаясь в свой воинский плащ, Катон прокладывал себе путь сквозь гомонящую толпу солдат и торговцев. Повозки, выстроенные в ряды, просто ломились от ошеломляюще разнообразных товаров. Самосская керамика, лиры, одежда, всевозможная мебель, ковры, безделушки, амфоры... короче, тут было все. На одной из телег сидела стройная молодая рабыня в поношенной тонкой тунике. У ее ног лежала табличка с надписью «Продается». Дрожа от холода, девушка примостилась на козлах, подтянув колени к подбородку и обхватив ноги руками. Когда Катон подошел к ней, невольница подняла глаза. Большие, зеленые, они влажно мерцали, и юноша замер как вкопанный. Секунды текли, а он все стоял, пока не сообразил, что выглядит дураком, и не заставил себя двинуться дальше.

Вскоре он нашел то, что искал. На задке одной из повозок круглились свитки разных размеров, и, когда Катон принялся рыться в них, хитроглазый старик-финикиец отошел от жаровни в надежде сбыть ему хоть что-нибудь. Учитывая молодость покупателя, он первым делом предложил ему набор пусть не вполне точных в анатомическом отношении, но весьма занимательных рисунков, иллюстрирующих различные способы любовной игры. Катон, в свою очередь, постарался убедить финикийца в том, что его эти способы интересуют намного меньше, чем исторические труды, и, когда они расстались, кошелек торговца несколько отяжелел, а Катон разжился целой охапкой свитков.

И все же отнюдь не они занимали его на обратном пути. Возвращаясь, Катон невольно искал глазами телегу с юной рабыней. Разумеется, чтобы взглянуть на нее еще раз, не более. Ни на что другое рассчитывать он не мог. Юноша хорошо это понимал, однако сердце его с каждым шагом колотилось все сильнее и сильнее.

Телега, нагруженная всякой всячиной, стояла на прежнем месте, но козлы ее были пусты. Катон сделал вид, будто рассматривает товары, хотя глаза его беспокойно обшаривали раскинутые за рядами повозок шатры.

– Ищешь что-нибудь, славный воин?

Катон поднял голову. Смуглый восточный купец в не по сезону ярком плаще глядел на него.

– Нет. Ничего. Просто смотрю.

– Понятно. – Торговец по-прежнему не сводил с него глаз, в которых угадывался намек на улыбку. – Значит, просто смотришь? Ну-ну.

– Да. У тебя... э... тут была девушка.

Торговец медленно склонил голову.

– Она... твоя? Я имею в виду, ты привез ее из тех краев, где живешь?

– Нет, воин. Это рабыня. Я купил ее у трибуна. Недавно.

– О, вот как?

– Да. Купил и только что продал. Буквально с минуту назад.

– Прогнал? – Сердце Катона подпрыгнуло.

– Прогнал, молодой воин. Вон той госпоже.

Торговец указал на высокую стройную женщину, за которой следовала приглянувшаяся Катону невольница, обе шли в сторону крепости. Не сказав больше ни слова, Катон стал проталкиваться через толпу. Спешно и совершенно бездумно. Ему нужно было снова увидеть эту девушку, вот все, что он знал, и ноги сами несли его за удалявшейся парой. На подходе к воротам женщина рассеянно оглянулась, потом повернулась и приветливо помахала рукой:

– Ба! Мой Катон! И ты выбрался на прогулку?

Изо всех сил стараясь не пялиться на молодую рабыню, Катон на негнущихся ногах подошел к Флавии:

– Доброе утро, моя госпожа.

– Вижу, ты купил книг, и немало.

– Да, госпожа. Для моего командира.

– Ах да, – улыбнулась Флавия, скользнув взглядом по свиткам. – Он, кажется, ревностный поклонник Вергилия. А для себя ты что-нибудь отыскал?

– Нет, госпожа. – Катон все-таки посмотрел на рабыню и покраснел, когда та улыбнулась в ответ. – Я не могу себе это позволить.

– Вот как? Это плохо. Но послушай, Катон. Мне, похоже, придется оставить тут кое-какие свои книги, поскольку в повозках не так много места. Наверное, не все они на твой вкус, но, возможно, тебе все же удастся отобрать из них что-то.

– Благодарю, госпожа. Это очень любезно.

– Загляни ко мне ближе к вечеру. – Флавия посмотрела на Катона, потом перевела взгляд на рабыню. – Вы что, знакомы? – спросила она.

Катон побагровел:

– Нет, госпожа! Мы никогда не виделись, госпожа.

– Меня не проведешь! – Флавия усмехнулась. – Вы смотрите как влюбленная парочка. Впрочем, у молодежи всегда одно на уме. Как у кроликов.

– Нет, госпожа. – Катон пошел пятнами и тяжело задышал. – Уверяю, что я... даже в мыслях... – Он совершенно смешался и смолк.

– Мир, Катон! Мир! – Флавия вскинула руки. – Я не хотела тебя обидеть. Если чем и задела, то не со зла. Извини. Ты меня слышишь?

– Да, госпожа.

– Надо же! Я и впрямь его огорчила. Ладно. Я сумею все сгладить. Позже, когда ты придешь. А сейчас, умоляю, ступай прямо в казарму. Не броди вокруг лагеря с таким кислым видом, это нанесет репутации легиона непоправимый урон.

– Со мной все в порядке, моя госпожа.

– Ты уверен? Что ж, тогда до встречи.

– Да, моя госпожа.

– Идем, Лавиния!

Лавиния. Катон мысленно повторял это имя, глядя вслед его носительнице. Возле ворот молодая невольница неожиданно оглянулась и подмигнула ему.

Глава 18

В доме легата царила предотъездная суматоха. По всем покоям были расставлены дорожные сундуки, и рабы сноровисто их загружали, перекладывая все бьющиеся предметы слоями соломы. Флавия с сердитым видом наблюдала за ними, и они, поджигаясь, удваивали старания, зная, что госпожа скоро на руку и в случае какой-либо оплошки может прибить нерадивца, а то и велеть его высечь. Кроме посуды и прочей кухонной утвари, отправке в Рим подлежали постельные принадлежности, кое-какая мебель и некоторые предметы домашнего обихода. Все это должно было найти свое место в доме Веспасиана на холме Квиринал. Флавия с Титом собиралась проводить мужа до галльского побережья, а затем вернуться в столицу, как только армия отплывет за пролив. К тому времени, надо думать, волна репрессий пойдет на убыль и можно будет рассчитывать на мало-мальски сносную светскую жизнь. Впрочем, Рим, в любом варианте, больше подходит для Тита, чем здешняя глушь, ибо мальчик растет и очень скоро ему понадобятся учителя. Веспасиан, считавший, что с азами таких основополагающих дисциплин, как право или риторика, следует знакомить ребенка чуть ли не прямо с пеленок, настаивал, чтобы Флавия не откладывая начала подыскивать их отпрыску педагога.

Неожиданно среди царящего повсюду разгрома появилась явно старавшаяся поймать взгляд хозяйки молоденькая служанка:

– Госпожа, к тебе гость. Какой-то солдат.

Последнее она произнесла с очевидным пренебрежением.

– Просто солдат?

– Оптион.

– Катон?

– Он так назвался.

– Вот и хорошо. Есть повод отвлечься от этой мороки.

Слышавший это раб мысленно возблагодарил небеса.

– Проведи гостя в библиотеку. Я туда скоро приду. Скажи, чтобы ничем не смущался, да не забудь предложить ему выпить.

– Слушаюсь, госпожа.

– Я как раз вспоминала о тебе, – сказала Флавия, сменившая домашний халат на шелковую легкую столу.

Библиотека, как и большинство помещений в доме легата, имела систему внутривоздушного отопления, и Катон после уличного морозца наслаждался теплом.

– Тебе повезло, что эти дурни еще не добрались до книг. Присаживайся, не стесняйся.

Катон снова сел, а Флавия подошла к большому шкафу, на полках которого были разложены дюжины свитков. Задержавшись на миг, она любовно пробежалась по некоторым из них пальцами и обернулась:

– Бери все, что хочешь, или, во всяком случае, что сумеешь забрать. Вот «Филиппики». Напыщенно, но, местами, умно. Вот «Георгики», весьма благодатное чтение. А вот несколько работ поминавшегося тобой Тита Ливия. Стихи смотреть будешь?

– Да, моя госпожа.

Спустя час на кушетке возле Катона лежала внушительная горка свитков, а перед ним самым стояла разрывающая сердце задача – решить, какие из них забрать, а какие оставить, ибо его походный мешок был вовсе не безразмерным. Флавия, с интересом за ним наблюдавшая, улыбнулась.

– Ты ведь увлекся Лавинией, верно? – спросила она.

– Госпожа? – Катон как сидел, так и замер, не в силах пошевелиться.

– Я говорю о рабыне, какую купила сегодня.

– А... вы о ней?

– Ну да, о ней, а о ком же еще? Не хитри, мой Катон, мне хорошо известны повадки влюбленных. Вопрос в том, что у тебя на уме.

Катон не нашелся с ответом. Он обмирал от стыда, что его так легко раскусили, и сгорал от желания вновь заглянуть в зеленые, влажно мерцающие глаза.

– Впрочем, возможно, я и ошиблась, – поддразнила его Флавия. – Может быть, ты вовсе не хочешь увидеться с ней.

– Моя госпожа! Я... я...

– Я так и думала, – рассмеялась Флавия. – Честно говоря, в большинстве своем лица мужчин для нас, женщин, – открытая книга. Не переживай, мой Катон, я вовсе не собираюсь препятствовать вашей любви. Даже напротив, но девушке нужно дать время привыкнуть к новому месту. Ну а потом я посмотрю, как нам быть.

– Да, госпожа. Благодарю, госпожа.

– А теперь тебе лучше уйти. Мне бы очень хотелось поболтать с тобой дольше, но в доме слишком много работы. Поговорим в другой раз... думаю, скоро. И может быть, Лавиния присоединится к нам, а?

– Да, госпожа. Я был бы рад.

– Ну хоть сейчас не соврал. Молодец.

Глядя на быстро шагающего по виа Претория юношу, Флавия улыбалась. «Славный мальчик, – думала она, – и такой простодушный. И... может сослужить мне хорошую службу, если с умом его направлять».

– И что все это за барахло? – с подозрением спросил Макрон, когда Катон вручил ему свитки, каждый из которых был аккуратно обернут и снабжен ярлычком.

– Главным образом речи риториков и исторические сочинения.

– Никаких стихов, а?

– Никаких, командир. Только проза, но увлекательная, можно сказать, берущая за душу.

– За душу? Послушай, приятель. Я не воодушевляться собрался, а научиться читать. Насколько это возможно. Ты меня понял?

– Да, командир. Ты научишься, командир. Давай посмотрим, как ты справишься с урочным заданием? Ты ведь, я думаю, не терял время зря?

Макрон полез под кровать и достал стопку скрепленных по две деревянных воощенных табличек. Катон внимательно просмотрел каждую пару. На левых створках красовались буквы римского алфавита, какие он вывел собственноручно, справа теснились их корявые копии, сделанные центурионом.

– Нелегко было писать на коленях, – пояснил, с тревогой глядя на педагога, Макрон. – Эти штуковины так и норовили куда-нибудь уползти.

– Вижу. Что ж, для начала неплохо. Ты сумел затвердить, как произносится каждая буква?

– Конечно сумел.

– Тогда давай-ка пройдемся по ним, командир. А после попробуем составлять их в слова. Макрон стиснул зубы.

– А мне, полагаешь, по силам этакая премудрость?

– Уверен, что да. Ты же сам все время твердишь, что умение приходит к солдату лишь с практикой. Так вот, с чтением точно так же. Будешь практиковаться, и сноровка придет.

Макрон, запинаясь, принялся перебирать алфавит, но Катон слушал центуриона вполуха. Перед мысленным взором юноши стояла Лавиния, и его сознание напрочь отказывалось воспринимать что-либо еще. Макрон все бубнил, потом с силой схлопнул таблички:

– Что с тобой, малый?

Катон вздрогнул:

– А? Ничего. Все хорошо, командир?

– Хрена лысого, хорошо, – буркнул центурион. – Даже мне иногда понятно, где я сбиваюсь. А ты знай сидишь да киваешь, словно цыпленок. О чем таком важном ты думаешь, а?

– Ни о чем, командир. Все пустое. Продолжим.

– Ни хрена не продолжим, пока ты не выложишь все.

Урок уже утомил Макрона, и он не прочь был прерваться, к тому же уклончивость паренька пробудила в нем любопытство.

– Давай говори, и по-быстрому! – потребовал он.

– Ну, правда же, командир, – взмолился Катон. – Это... не важно.

– Важно или не важно, судить буду я. Говори. Это приказ. Я не допущу, чтобы мои люди ходили с потерянным видом, будто лунатики, я все равно докопаюсь до правды. Вы, сопляки, или задираетесь один к другому, или думаете о бабах. Я прав? Что у тебя? Первое или второе? Кто тебя задирает?

– Никто, командир.

– Это малость все проясняет, не так ли? – Макрон подмигнул. – И кто же она? Лучше, если не супруга легата. Или тут же пиши расписку, что в твоей смерти повинен лишь ты.

– Нет, командир! Это не она, командир! – воскликнул, совсем растерявшись, Катон.

– Тогда кто? – потребовал ответа Макрон.

– Одна... рабыня.

– И ты хочешь сойтись с ней поближе, так?

Катон уставился на него, колебался, потом кивнул.

– Так в чем же загвоздка? Предложи ей несколько побрякушек, и дело в шляпе. Я не знал ни одной рабыни, которая не раздвигала бы ноги за цапки. Ну, говори, какова она из себя?

– Просто красавица, – ответил Катон.

– Ясно! А что ей нравится? Что она любит?

Катон покраснел:

– По правде сказать, я мало что о ней знаю.

– Ну так узнай. Спроси ее, чего она хочет, и все будет в порядке.

– Все не так, командир. Похоть тут ни при чем.

– Похоть? Кто тут толкует о похоти? Просто ты хочешь ее поиметь, я правильно говорю? Стало быть, такова твоя стратегическая задача. Дальше действуешь по-военному. Применяешь нужную тактику, умелым маневром занимаешь выгодную позицию и обеспечиваешь себе полный триумф, а потом скорым маршем отходишь. Или оккупируешь занятую территорию. Это уж, как ты решишь. Или как сложится обстановка.

Макрон, весьма довольный своим рассуждением, рассмеялся.

– Командир! – одернул зубоскала Катон. – Это... не то. Это... совершенно другое.

– Тогда объясни, о чем ты толкуешь.

Катону и впрямь вдруг захотелось излить свою душу хотя бы вот этому грубому, но довольно славному и хорошо относившемуся к нему крепышу, но он вдруг осознал, что ничего толком не может сказать. Не то чтобы у него не хватало слов – их была целая прорва, и в виде цветистых сентенций, и в виде рифмованных строк, однако все это никоим образом не сопрягалось с тем томлением, что разрывало на части его бедное сердце. Вся любовная лирика, до сих пор приводившая Катона в благоговейный восторг, вдруг стала восприниматься набором банальностей, и он, сокрушенный столь стремительной девальвацией своих внутренних ценностей, надолго умолк.

Макрон устал ждать.

– Чем же таким, скажи на милость, эта девица отличается от всех прочих? – вновь стал расспрашивать он. – Что в ней такого, чего нет в других? Говори же.

– Я... я не знаю, – признался Катон.

– Просто тебя зазнобило, и все?

– Вроде того, командир.

– Ну так дай ей понять, что она тебя интересуется и что ты готов заплатить ей столько, сколько она запросит. Разумеется, в разумных пределах. Не стоит приучать к девице к излишества и вздувать цену для ребят, которые захотят попользоваться ею после тебя. Договорись с ней и действуй.

– Но... – Катон пощелкал пальцами, пытаясь выразить свою мысль. – Мне бы хотелось более тесных и более длительных отношений.

– С рабыней? Не смейся людей, парень. Это не лезет ни в какие ворота.

– Ты прав, командир, – согласился поспешно Катон, осознав, что разговор заходит в тупик. – Может, продолжим занятия? Дело есть дело.

– Ну так и не тяни, а смелей приступай к своему делу. – Макрон ухмыльнулся.

– Да, командир. Ну-ка, что это за буква?

Катон протянул центуриону табличку. Тот покачал головой:

– Ну и упрям же ты, малый. Вижу, уперся и стоишь на своем. Ни в какую тебе неохота говорить об этой девице. С другой стороны, оно, может, и правильно, а?

– Так что же с буквами? Мы продолжаем?

– Сказать по правде, – хмуро отозвался Макрон, – охренеть от них можно, от твоих букв. Да и от тебя, кстати, тоже.

Глава 19

К ночи накануне выступления легиона каждую транспортную единицу его неоднократно проверили на готовность и прочность, а все колеса щедро смазали колесной мазью. Подводы и повозки, груженные необходимым в походе имуществом и снаряжением, выстроились длинными рядами. Вьючные и тягловые животные дожевывали в своих временных загонах за стенами крепости остатки зимнего корма. Писцы, интенданты и прочие штабные служащие, работавшие в последнее время без продыху, теперь были свободны. На прощание они напропалую кутили, кто в лагере, кто в палатках торговцев. Многие покупали у местных германскую брагу, к которой за время пребывания на рейнской границе успели привыкнуть. Более трезвые и опытные легионеры в последний раз проверяли подгонку снаряжения и, главное, обувь. Что и неудивительно, ведь от лагеря до побережья им предстояло прошагать три сотни миль.

Вся документация легиона уже лежала в погруженных на повозки и опечатанных сундуках, все задолженности местным торговцам были погашены. Семьям командиров, отправлявшимся на юг, в Италию, выдали подорожные, предоставили транспорт и для охраны выделили конный отряд, которому предписывалось сопроводить обоз до Корбументума, а затем повернуть на запад и догнать легион.

По сделавшимся непривычно просторными помещениям опустевшего штабного здания гуляло гулкое эхо. Впрочем, в одной из комнат все еще корпела над чем-то небольшая группа писцов. Проходя мимо них, Веспасиан бросил взгляд на разложенные на столах документы:

– Что это такое?

– В каком смысле, командир? – спросил старший писец, вскочив со стула.

– Над чем вы работаете?

– Размножаем письма госпожи Флавии, которые она намерена разослать всем ведущим работоторговцам империи. Она предлагает им сообщить ей характеристики всех имеющихся у них рабов-педагогов.

– Понятно.

– Она сказала, что это твой приказ, командир.

В тоне писца безошибочно угадывалась обида, и Веспасиан почувствовал себя виноватым перед этими хорошо знающими свое дело парнями, вынужденными за полночь, в то время как их товарищи пьют вино, играют в кости или лапают шлюх, заниматься работой, явно не имеющей отношения к их прямым служебным обязанностям.

– Ну, письма, конечно, дело важное, но не столь срочное, чтобы оно не могло потерпеть до утра. Ничего не случится, если вы закончите их завтра. А сейчас все свободны.

– Благодарим, командир. Ребята, все слышали, что сказал легат?

Писцы, не мешкая, заткнули чернильницы, насухо вытерли перья и встали.

– Постойте! – окликнул их Веспасиан и, когда они с явной тревогой обернулись к нему, кинул старшему золотую монету. – Закажите выпивку за мой счет. В последние дни вы хорошо потрудились.

Писцы рассыпались в благодарностях и удалились, предвкушая веселую ночь. Веспасиан с завистью смотрел им вслед. Казалось, с той поры, когда он, свежее испеченный трибун, беззаботно кутил в компании разудалых товарищей, прошли века, а не годы. Воспоминания о бурных ночах и ужасных похмельных рассветах в богатой на наслаждения Сирии всколыхнулись в нем с такой силой, что Веспасиан ощутил внезапную боль. Теперь ему оставалось лишь сожалеть об утраченной юности, которая, казалось, закончилась, прежде чем началась. Ныне он навсегда отделен от всего, что окутано флером веселой беспечности, во-первых, возрастом, а во-вторых, высотой занимаемого поста.

Веспасиан медленно направился к выходу из опустевшего здания, краем глаза отметив, что в кабинете Вителлия все еще горит свет. Трибун был там, он в последнее время вообще проводил много времени в штабе. Слишком много, хотя его обязанности вовсе не требовали того, и эта вспышка усердия казалась легату странной. Однако Веспасиан не мог спросить прямо, что заставляет Вителлия засиживаться за рабочим столом допоздна. В конце концов, трибуну и надлежит быть усердным. А приставать с расспросами к человеку, добросовестно исполняющему свой долг, по меньшей мере глупо. К тому же, если Вителлий действительно что-нибудь замышляет, малейший признак повышенного внимания может заставить его затаиться. Веспасиан удрученно вздохнул. Его весьма настораживал еще и тот факт, что трибун обзавелся телохранителем. Вообще-то, звание позволяло ему иметь личного стража, однако в полевых гарнизонах это было не принято. До сих пор и Вителлий пренебрегал этой привилегией, но теперь его повсюду сопровождал плотный приземистый малый с физиономией и ухватками наемного убийцы. Так что как ни крути, а все это означало, что старший трибун Второго римского отправляющегося в Британию легиона – особа весьма подозрительная и что за ней явно нужен пригляд.

С тех пор как Лавиния была взята в дом легата, Катон потерял покой. Ему так и не удавалось увидеться с ней, хотя он уже несколько раз под надуманными предлогами наносил супруге Веспасиана визиты и, поддерживая беседу, красноречиво вздыхал. Флавию все это несказанно забавляло. В конце концов она не выдержала и рассмеялась:

– Право, Катон, тебе не мешало бы проявлять больше настойчивости.

– Госпожа?

– Ты делаешь вид, что ходишь ко мне, хотя на деле тебе нужна лишь Лавиния. Так почему бы тебе мне о том не сказать?

Катон покраснел и насупился. Флавия вновь рассмеялась:

– О мой Катон, пожалуйста, не сердись! Лучше ответь, ты хочешь увидеть ее?

Катон кивнул.

– Вот и прекрасно. Надеюсь, это устроится. Но сначала нам нужно поговорить.

– О чем, моя госпожа?

– О Лавинии. Ты ведь мало что знаешь о ней.

– Совсем ничего, – ответил Катон. – Я впервые увидел ее в тот же день, что и ты, госпожа.

– То же самое говорит и она.

– Купец, правда, сказал, что ее продал ему какой-то трибун.

– Да, – кивнула Флавия. – Плиний. Славный молодой человек. Очень умный и образованный. Качества, совершенно ненужные в армии.

– Тогда почему же он продал ее? Без приличного платья, в каких-то обносках?

– Ответ зависит от того, кого слушать.

– Что ты хочешь этим сказать, госпожа?

– Плиний дал мне понять, будто расстался с ней потому, что она плоха как служанка. Лентяйка, неумеха и вдобавок нечиста на руку. Последней каплей, по его словам, было то, что она украла одну из его шелковых ночных рубашек. – Флавия чуть понизила голос и наклонилась вперед. – Однако в устах жен офицеров эта история выглядит по-другому. Они говорят, что Лавинию и не прочили на роль прислуги. И то сказать, какая она, с ее внешностью, посудомойщица или прачка? В общем, прошел слухок, что Плиний приобрел ее для того, чтобы она скрашивала ему долгие зимние вечера.

– Как наложница!

– Не совсем. Нашему Плинию хотелось обзавестись не просто девушкой для постельных утех, а подругой. Умной, воспитанной, понимающей, способной к общению с ним на том уровне, к какому он с детства привык. Несколько месяцев наш отважный трибун обращался с

Лавинией как с фарфоровой статуэткой, знакомил ее с историей Рима, обучал чтению, счету, письму. Однако дело шло много трудней, чем ему бы хотелось.

– Но разве это основание для того, чтобы вышвырнуть ее за порог?

– Разумеется, нет.

– Тогда что же случилось?

– Да то, что случается сплошь и рядом. Когда девушка отрывалась от книг, взор ее обращался к другому трибуну. Производящему более сильное впечатление, чем тот, кто был рядом, и, уж во всяком случае, более искусному в амурных делах.

– Это Вителлий? – спросил Катон.

– А кто же еще? Он решил заполучить Лавинию, как только увидел, а она, со своей стороны, будучи еще малоопытной в таких играх, не нашла в себе сил противиться обольстителю. Должно быть, она им увлеклась. И, так сказать, увлекалась неоднократно. Все это продолжалось до тех пор, пока Плиний, вернувшись с дежурства, не застал свою ученицу за освоением дисциплины, которая до сих пор не входила в их учебные планы. В общем, что было, ты можешь представить и сам, а результат тебе известен. Лавиния оказалась на козлах повозки работоторговца.

– Бедняжка.

– Бедняжка? – Флавия подняла брови. – Мой дорогой мальчик, она для того и росла. Ты ведь наверняка видел множество девушек подобного рода. Последние два императора буквально наводнили ими дворец.

– Да, – согласился Катон. – Что верно, то верно. Но мой отец всячески старался меня удержать от слишком близкого знакомства с ними. Говорил, что мне следует поберечь себя для кого-то получше.

– Вот как? И ты думаешь, что Лавиния – это и есть «кто-то получше»?

– Моя госпожа, какова она и что собой представляет, мне неизвестно. Что мне известно, так это то, что меня тянет к ней. Я понятно выражаюсь, моя госпожа?

– О да. Первый опыт влюбленности всегда сопряжен с ослеплением. Страсть настолько захлестывает человека, что он за ней не видит того, кто в нем ее возбуждает. В твоем случае дело обстоит именно так, но не переживай, это скоро пройдет. Так бывает со всеми.

Катон хмуро посмотрел на нее:

– Неужели с возрастом все люди начинают думать так, как ты, госпожа?

– Не все. Но все молодые люди думают так, как ты. – Флавия улыбнулась. – Я понимаю тебя, Катон, а ты поймешь все мною сказанное только через несколько лет. Хотя вряд ли будешь мне благодарен. Но давай попробуем зайти с другой стороны. Как считаешь, Лавиния тебя любит?

– Я не знаю, – признался Катон. – Мы ведь совсем не знакомы.

Флавия улыбнулась, но промолчала.

– Ну хорошо, моя госпожа, – сдался Катон. – Правильно, я тоже не знаю.

– Хороший мальчик, ты начинаешь соображать, что к чему. Очень важно, чтобы ты постарался сохранить в этой ситуации ясную голову. Мой муж считает тебя многообещающим юношей, и, если ты собираешься делать карьеру, тебе нужно быть весьма осмотрительным. Ошибки молодости могут преследовать человека всю жизнь. Все это я говорю, чтобы предостеречь тебя. А сейчас скажи, ты по-прежнему хочешь ее увидеть?

– Да.

Флавия рассмеялась:

– Я так и думала.

– Я разочаровал тебя, госпожа?

– Напротив. Если человек, несмотря ни на какие доводы, способен отстаивать свою страсть, значит его запросто с ног не собьешь. Лишь глупец ставит логику выше чувств, ведь

софисты, на нее опираясь, могут как доказать что угодно, так и опровергнуть, но стоит ли после этого им доверять? У тебя, Катон, есть не только ум, но и сердце. Что ж, я, в свою очередь, могу сказать лишь одно: будь самим собой, живи чувствами, но не забывай и о разуме. Мне, кажется, нынешняя твоя ситуация чревата для тебя большой болью, но никаких советов ты более от меня не услышишь. А помощь получишь, предоставь это мне. Правда, устроить свидание будет не так-то просто. В походных условиях улучшить момент тяжело. Да и мой муж придерживается весьма консервативных взглядов на все, касающееся обращения с его собственностью.

Когда на рассвете следующего дня главный штандарт легиона вместе с остальными штандартами был благополучно вынесен из церемониального зала, все – и солдаты, и офицеры – испытали немалое облегчение. В римской армии существовали свои суеверия, и любая оплошка в таком ритуале была бы мгновенно истолкована как в высшей степени дурное предзнаменование. Однако на этот раз все прошло без сучка без задоринки, орел горделиво проплыл над виа Претория и занял свое место во главе первой когорты. Легионеры вмиг подтянулись, не сводя с него глаз. Значимость момента усугублялась тем, что впервые за многие годы (мелкие пограничные стычки в счет, безусловно, не шли) легион выступал на войну. Над крепостью воцарилась мертвая тишина. Умолкло даже лагерное охвостье. Только животные, безразличные к человеческим странным затеям, скребли копытами мостовую, позвякивали упряжью и помахивали хвостами.

Легат опустил руку, и главный центурион легиона, откинув голову назад, проревел:

– Первая центурия! Первая когорта! Второй легион! Шагом... марш!

Безупречно ровными рядами воины первой когорты потекли мимо множества обозных повозок по виа Претория, направляясь к воротам, и, когда их красные, освещенные ранним солнцем плащи заполоскались на утреннем ветерке, стало казаться, будто из крепости изливается огненная река. Сразу за первой когортой к воротам двинулся штабной отряд, возглавляемый Веспасианом и трибунами на хорошо выезженных лошадях.

Когорта следовала за когортой, потом к пехотинцами пристроилась длинная цепь тяжело нагруженных подвод и повозок, замыкаемая арьергардным отрядом охраны. Маршевая колонна уходила все дальше и дальше, и обитатели прикрепостного поселка с сожалением смотрели ей вслед. Эти люди сжились с легионерами, научились ладить с начальством, легион, по сути, кормил их, поил, обувал, одевал. Теперь они теряли практически все, ибо на смену полноценному имперскому подразделению власти присылали сюда лишь две вспомогательные когорты наемников. Низкое качество боевой выучки позволяло этому воинству нести гарнизонную службу, но делало его непригодным для решения более сложных задач. Кроме того, присылаемые бойцы, не будучи римскими гражданами, получали втрое меньшее жалованье, чем кадровые легионеры, и, значит, расчет на какую-то поживу возле них был катастрофически мал. А потому, едва легион пропал из виду, торговцы, пекари, шорники, гончары, кабатчики и прочие местные жители поодиночке и семьями потянулись на юг.

Глава 20

– Стой! – Приказ, повторяемый командирами, пробежал вдоль колонны. – Поклажу на землю!

Легионеры заковыляли к обочине. Макрон с громким вздохом тяжело опустился на свежую травку и потер ногу. После двух дней, проведенных в санитарном обозе, он упросил лекарей дать ему разрешение идти пешком, ибо непрерывная тряска госпитальной повозки едва не свела его с ума. Недели вынужденной неподвижности сильно ослабили центуриона, однако упорство и твердость духа помогли ему почти на равных влиться в маршевый строй. И теперь, декаду спустя, Макрон если и не обрел прежней крепости, то, по крайней мере, чувствовал себя вполне сносно. Шрам на бедре его был еще красным, но уже полностью зарубцевался и практически не болел, однако невыносимо зудел.

– Подходят водоносы, командир.

– Есть отставшие, малый?

– Двое, командир. Оба натерли пятки.

– Ну-ну. Ладно, парень, передохни. – Он похлопал рукой по траве. – Легат задал убийственный темп. Удивительно, что при этом у нас так мало выбывших. Всего семеро, это немного.

Катон промолчал. Потом спросил:

– Как нога, командир?

– Нормально. Привыкает.

Двое рабов приближались к ним, наполняя из кожаных бурдюков жестяные солдатские кружки дешевым, щедро разбавленным водой вином. Когда они удалились, Катон с облегчением припал к кислой, но освежающей смеси. Ноги его страшно болели, а ярмо вещмешка казалось невыносимо тяжелым. Если ему и удавалось выдерживать переходы, длящиеся порой от зари до зари, то лишь из страха осрамиться перед товарищами, все еще поглядывавшими на него с некоторым пренебрежением и свысока.

Макрон, громко чмокая, чтобы полней ощутить вкус вина, осушил свою кружку. Катон, подавшись вперед и уронив на ноги руки, сидел рядом с ним.

Глядя на него, Макрон улыбнулся. Вопреки первым впечатлениям, этот столичный хлюпик совсем неплохо показывает себя в армейской жизни. Он не труслив, не теряется в пиковых ситуациях, и у него уже прорезается командирский басок. Но мальчишка не задается и всегда слушает, что ему говорят, хотя порой бывает упрям как осел, пока не поймет, что хорошо, а что и не очень. Кроме того, он отменный учитель, настырный, строгий, не делающий поблажек своему нерадивому и старшему по званию ученику. Лишь благодаря его въедливости Макрон не забросил всю эту буквенную докуку и вдруг с изумлением стал понимать, что она не так уж страшна. Мало-помалу замысловатые закорючки словно бы сами собой стали складываться в слова, и центурион, пусть с запинкой, водя пальцем по строчкам и помогая себе губами, уже сам без подсказки разбирал несложные тексты.

– Поклажу поднять!

Приказ докатился до шестой центурии, и Макрон встал, чтобы зычно, как на плацу, его повторить. Легионеры поднимались с обочины, взваливая на спины вещевые мешки, а те, что повыносливее и пошустрей, торопливо бежали к дороге с торбами, набитыми всяческой снедью, стянутой в придорожных хозяйствах или выпрошенной у сердобольных селян. Центурия быстро построилась и следом за головными подразделениями устало двинулась по мощеной дороге, ведущей к западу Галлии через Диводурум.

Катон чувствовал себя совсем худо. Его почему-то особенно изводил слепополуденный марш. Ноги, в кровь стертые, саднили, плечи мучительно ныли, и он, чтобы отвлечься, то

пытался рассматривать однообразный ландшафт, то обращал свои мысли к истории Рима, надеясь обрести второе дыхание в раздумьях о героических подвигах своих знаменитых сограждан, однако, на что бы он ни глядел и о чем бы ни думал, перед его внутренним взором вставал образ Лавинии – неотступный, сияющий, бесконечно манящий и, хвала небу, незримый для остальных.

Вечером после ужина, когда проштрафившиеся ушли на работы, а остальные легионеры отправились спать, в штабную палатку центурии вошел раб. Прижимая к груди скрепленный печатями свиток, он принялся озираться по сторонам.

Макрон поднял голову от своего складного стола и с важным видом протянул руку:

– Что у тебя? Дай сюда!

– Прошу прощения, господин, – пробормотал раб. – Это для опциона.

– Интересное дело.

Центурион откинулся на спинку походного стула, с любопытством глядя, как юноша разворачивает письмо. Прочитав единственную фразу, из которой оно состояло, Катон обмакнул перо в чернила, быстро нацарапал ответ, потом бросил свиток рабу и выпроводил его из палатки.

– Ловко, – заметил Макрон. – Что это за писулька?

– Да так... ничего особенного.

– Так-таки ничего?

«Смотря для кого, остолоп», – подумал Катон, а вслух сказал:

– Это касается лишь меня, командир.

– Лишь тебя, значит? Понятно. – Макрон кивнул, в его маленьких глазках засветилось лукавство. – А одной молодой интересной особы совсем, значит, не касается, а?

Катон покраснел, мысленно благословляя оранжевый свет масляных ламп, и оставил вопрос без ответа.

– Ты закончил работу?

– Никак нет, командир. Надо внести изменения в рацион.

– Пизон внесет их.

Пизон резко вскинул голову, не веря ушам.

– Давай-давай, парень, ступай. Не осрами нашу центурию. Но и не переусердствуй. – Макрон подмигнул. – Не забудь, что впереди очередной трудный день.

– Да, командир. Благодарю, командир.

Катон растерянно заулыбался и, сгорая от смущения, выскочил из палатки.

– Молодежь, а? – рассмеялся Макрон. – Все такая же. Ничто ее не исправит. Посмотришь на них и сам начинаешь чувствовать себя молодым, а, Пизон?

– Тебе видней, командир, – пробурчал Пизон и со вздохом устался на ворох подлежащих срочной ревизии свитков.

Глава 21

Потирая запястье, украшенное красными отметинами детских зубов, Веспасиан натянуто улыбался. «Пришла пора призвать Тита к порядку», – решил он про себя. Необходимо отучить его кусаться, бросаться чем попало в людей и воровать, а потом прятать всякие мелкие вещи. Вот и сейчас этот маленький негодяй, прокравшись к открытому сундуку, выхватил из него свиток с секретным посланием Клавдия и, несомненно, утащил бы его, если бы не проворство молодого трибуна. Плиний перехватил воришку и передал матери, со смущенным видом вышедшей из личных покоев легата. Свиток он спас, но озорник в отместку успел наградил его серией зуботычин, что вызвало у трибунов, собравшихся на вечернее совещание, язвительные смешки.

Наконец брыкающегося малыша унесли, и Веспасиан, уложив депешу на место, вернулся к обсуждавшемуся вопросу:

– До вас, полагаю, уже дошли слухи о том, что армия, собранная в Гесориакуме, находится на грани бунта. Генерал Плавт в полученном мною сегодня послании подтверждает, что эти толки, увы, не беспочвенны.

Он поднял глаза. Удивленные и встревоженные взгляды трибунов были устремлены на него. Воцарилось молчание, нарушаемое лишь отдаленным хохотом Тита. Офицеры явно обеспокоились, ибо чуть ли не каждый из них слишком многое связывал с предстоящим вторжением. Провал кампании, безусловно, бросит тень на всех, кто принимал участие в ней. Кроме того, он может швырнуть в пучину забвения тех, кто пребывает сегодня у власти. Клавдий уже пережил одну попытку переворота, но пока не сумел стяжать любовь римской толпы и заручиться поддержкой разбросанных по всем провинциям легионов. Захват Британии был призван не только укрепить его авторитет, но также отвлечь значительную часть имперских войск от участия в политической жизни страны.

– Шесть дней назад одна из когорт Девятого легиона отказалась взойти на отправляющиеся в Британию корабли с целью высадить там разведывательный десант. Когда центурионы попытались заставить своих солдат подчиниться приказу, произошла короткая схватка, в результате которой два командира были убиты, а четверо ранены.

– Стало ли об этом известно другим войскам? – спросил, рассеянно щурясь, Вителлий.

– Конечно. – Веспасиан язвительно улыбнулся. – Исключительно благодаря умению офицеров высшего ранга держать язык за зубами. Я недавно имел превосходный случай в том убедиться.

Кое-кто из трибунов потупился, многие покраснели.

– А известно ли, почему взбунтовалась когорта? – вновь спросил старший трибун.

– Кто-то пустил слух, что за проливом обитают демоны и огнедышащие драконы. Солдатская масса в большей части невежественна и верит этому вздору. Теперь все отказываются подниматься на корабли даже для тренировки.

– А что в связи с этим требуется от нас, командир? – нарушил всеобщее молчание Плиний.

– Мы должны продолжить марш к Гесориакуму, остановиться на подходе и ждать, когда бунт будет подавлен. С нашей помощью или без оной. Уполномоченный императора покинул Лугдун и теперь спешит в Дурокорторум, где его должен встретить наш эскорт. Наши люди выбраны в конвой потому, что их еще не коснулись гнойные чирья заразы.

– Гнойные чирья? – Плиний поднял брови.

– Это его слова, трибун, не мои.

– О командир, – смешался Плиний. – Я вовсе не думал...

– Все в порядке, трибун. Нарцисс порой выражается не очень изысканно, но тут ничего не поделать.

– Нарцисс? – удивился Вителлий.

– Нарцисс, – кивнул Веспасиан. – Тебя что-то не устраивает, Вителлий?

– Прошу прощения, командир, но я не думаю, что ситуация, когда человек обретает вес и влияние, не соответствующие его общественному положению, может кого-то устроить.

Среди собравшихся пробежал хохоток. Смеялись в основном те, кто не знал о провинциальном происхождении Веспасиана.

– Я хотел сказать, командир, – продолжил Вителлий, – что мне не совсем понятно, почему император счел необходимым послать своего раба... то есть своего главного секретаря разбираться с этой историей. Как будто армия не в состоянии сама с ней разобраться.

– Вторжение в Британию – весьма масштабная операция, – ответил Веспасиан. – Я полагаю, Нарцисс едет сюда лишь затем, чтобы удостовериться, что она протекает более-менее гладко.

– И все-таки, командир, это странно, – негромко заметил Плиний.

Веспасиан вскинул голову:

– Ничего странного, Плиний. Не стоит принимать несурзное за злое. Нарцисса поведут по побережью, и делу конец. Если он собирается повести какую-то другую игру, мне это неизвестно. Или кто-то из вас располагает какими-то недоступными мне сведениями? А?

Никто не посмел встретиться с ним взглядом. Трибуны потупились, и Веспасиан устало вздохнул:

– На данный момент, командиры, высокая политика начинает меня несколько утомлять. Что бы ни ожидало нас в будущем, мы с вами – солдаты и должны подчиняться приказам, за неукоснительным исполнением каковых я намерен следить со всей строгостью, к чему приглашаю и вас. Все прочие соображения нужно выбросить из головы. Я ясно выразился? Хорошо! Надеюсь, мне нет нужды напоминать вам о необходимости не выносить то, о чем мы здесь говорили, за пределы этой палатки. Если слухи о бунте дойдут до наших солдат, одному Юпитеру ведомо, чем это может закончиться. Есть вопросы?

Трибуны молчали.

– Приказы на завтра будут доведены до вашего сведения перед утренним построением. А сейчас все свободны.

Позднее, вытянувшись на походной постели, Веспасиан прикрыл глаза и прислушался к доносившимся до него звукам. Слышались окрики часовых, беззлобная брань командиров, солдатский галдеж и смех. «Смеются – это хорошо», – подумал легат. Пока солдаты довольны, можно не сомневаться в их верности долгу. Смех сплавляет людей. А сплоченность и есть та самая сила, что понуждает десятки тысяч людей, не дрогнув, идти на все, даже на смерть. Она невидима, неосязаема, но, стоит дать слабину, все будет кончено. В тот самый момент, когда простые солдаты начинают отказываться повиноваться своим командирам, армия перестает быть армией, она прекращает существовать.

Новости с побережья теперь наверняка стремительно распространяются по дорогам. Очень скоро они докатятся и до вверенного ему легиона. Кто знает, как это повлияет на беззаботно посмеивающихся сейчас солдат? До сих пор Второй легион Августа вел себя на удивление безупречно, никто не скулил, не жаловался на трудности марша и даже число отставших ни разу не превышало расчетный процент. Но кто может сказать, как легионеры поведут себя дальше? Сохранят ли они лояльность к командованию? Или бунтарские настроения окажут свое разлагающее воздействие и на них?

Веспасиан тяжело повернулся на ложе.

Чтобы вторжение все-таки состоялось, мятеж следовало подавить в кратчайший срок, и Нарцисс, судя по его репутации, именно тот человек, которому по плечу подобные вещи. Во всяком случае, Флавия абсолютно уверена в этом. Так что сильно тревожиться вроде бы не о чем. Веспасиан позволил себе усмехнуться. Не о чем, да, если бы не еще один, вроде бы совсем маленький, но все же весьма и весьма проблематичный вопрос.

Во второй части доставленной днем депеши подтверждалось наличие заговорщика в легионе, правда, выражалась уверенность, что тайный агент императора сумеет с ним разобратся. Кто он, легату знать вовсе не обязательно, чтобы не забивать себе голову посторонней документом.

– Как же... не забивать, – проворчал Веспасиан. Он и не забивает, но на совещании ему пришлось взвешивать каждое слово, чтобы, во-первых, не насторожить заговорщика, а во-вторых, не дать повод агенту заподозрить его в нелояльности к власти. А еще ему волей-неволей приходится теперь прикидывать, кто из его подчиненных бунтарь, кто шпион. На роль первого вроде бы годился Вителлий, но подошел бы и Плиний. Оба умны, оба амбициозны, оба честолюбивы, однако прямых доказательств их умышлений против нынешнего императора у него нет.

Что до агента, то Веспасиан был уверен: этому типу поручено не только выявлять неизвестных изменников, но и осуществлять надзор за легатом. Он поежился, с горечью сознавая, что в нынешней политической неразберихе эту задачу могли возложить на кого угодно. Хотя бы, например, на юнца, прибывшего под его руку прямо из императорского дворца. Веспасиан автоматически решил взять этого малого на заметку и тут же выругался, уже вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.